

Рина Каз

Пятый осколок.
Голос крови

18+

Рина Каз

Пятый осколок. Голос крови.

«Автор»

2026

Каз Р.

Пятый осколок. Голос крови. / Р. Каз — «Автор», 2026

Принц Элиан хотел доказать отцу свою силу. Вместо этого он едва не погиб на поле боя. Тьма, которая спасла его, оказалась древним проклятием, заточённым в его крови. Она растёт внутри него с каждым днём, и остановить её почти невозможно. Теперь за ним охотятся свои, чужие и те, кто служит древнему злу Морготрасу. Урги рыщут по лесам, предатели плетут заговоры в замке, а на троне оказался тот, кто жаждет смерти наследника. Лорд Калёб, верный советник короля, бросается на поиски принца. Лиана, приёмная дочь короля, сбегает из замка, чтобы найти брата. Но чем глубже они уходят в лес, тем яснее понимают: тьма уже внутри них самих. Калёбу придётся выбирать между долгом и запретным чувством. Лиане предстоит узнать правду о своей крови, которая страшнее любых чудовищ. Ставка не просто трон. Ставка жизнь всего королевства. И единственный, кто может её спасти, пока сам учится не превратиться в монстра.

© Каз Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	73
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Рина Каз

ПЯТЫЙ ОСКОЛОК. ГОЛОС КРОВИ.

Пролог

Элиан лежал в глубокой канаве, где дождевая вода смешалась с кровью и черной землей. Липкая ледяная жижа медленно высасывала тепло из его пробитого доспеха. Вокруг бушевала война, но звуки битвы доносились до него глухо, словно из-под толщи воды. Крики умирающих и лязг стали потеряли свою остроту, отступили далеко и растворились в нарастающем гуле тишины.

Боль ушла, уступив место странному лёгкому покалыванию, которое разливалось по кончикам пальцев и освобождало сознание от страха. Победа или поражение? Теперь это не имело значения.

Серое небо нависало низко, и облака проплывали так медленно, словно они тоже устали от этого мира. Они размывались в его затуманенном взгляде в бесконечные пятна свинца и грязи. Темнота мягко наползала на края зрения, забирая цвета и формы, оставляя лишь смутное ощущение падения в теплый черный океан.

Когда ресницы наконец сомкнулись, готовые погрузить его в вечный сон, над ним склонилось какое-то движение. Размытые тени заслонили собой небо. Чьи-то руки коснулись его плеча. Чернота окончательно накрыла, оборвав последнюю нить.

Глава 1

Калев.

Каменные стены замка хранили холод, проникающий даже сквозь толстые шерстяные одежды. Лорд Калев шёл по коридору быстро и решительно. Его высокие сапоги из черной кожи гулко стучали по каменным плитам, и каждый шаг отдавался эхом, приближая час расплаты. Его темный плащ, тяжелый от влаги и дорожной пыли, волочился следом, шурша по камню. Широкие плечи были напряжены, будто он нес на них невидимую ношу. Ему было всего тридцать лет, но глубокие морщины прорезали лоб. Карие глаза горели лихорадочным огнём усталости и скрытого гнева. Рядом с ним, почти бегом пытаясь угнаться за широким шагом советника, семенил капитан гвардии

– Сколько наших? – спросил Калев, не глядя на него.

Капитан запнулся. Его пальцы нервно забарабанили по рукояти меча. Он сглотнул, прежде чем ответить, словно слова застревали в горле.

– Триста убитых, милорд. И раненых еще больше. Ночь добьёт тех, кого не доставим в лазарет. – Голос капитана дрогнул. – Но дело не только в этом.

Советник короля остановился, слегка склонив голову в ожидании.

– Они стали умнее. Их когти острее. – Пальцы капитана снова забарабанили по рукояти меча. – Они действуют совсем иначе, словно в их головах поселился разум.

Калев развернулся всем телом к капитану.

– Что ты имеешь в виду?

– То, мой лорд, что их становится все больше, и они совершенствуются. Скоро они нападут с новой силой. Тот, кто стоит за ними, набрался могущества и хочет уничтожить человеческий род.

– Похоже, в Черных Кузницах Ургота кто-то помогает, – мрачно произнес Калев. – Древняя магия проснулась, Варик.

В этот момент из темного зева арки выскочил молодой стражник. Парня трясло так, что латные пластины на груди тихо позвякивали. Он не добежал двух шагов, рухнул на колени прямо перед сапогами советника, не смея поднять глаз.

– Милорд! – выдохнул он, и голос сорвался на хрип. Его пальцы впились в ткань камзола Калеба. – Элиан... Принц Элиан...

Калев замер, уставившись на руку парня, вцепившуюся в его рукав.

– Повтори.

– Его нет нигде, милорд.

– Ты вообще понимаешь, что говоришь, парень? Тебе дали одно единственное задание, следить за наследником престола. И что теперь!

– Он твердил, что хочет биться. Отправиться с вами...

Калев медленно повернул голову к Варику. Капитан побледнел так, что шрамы на лице стали белыми полосами.

– Варик, – произнес Калев. Каждое слово давалось ему с трудом. – Скажи мне правду, перед лицом богов и людей. Ты видел его там?

Голос капитана дрогнул, стал глухим:

– Не видел, милорд. Клянусь. Если бы знал, что он туда сунется, если б допустил это... я б сам под мечи полез.

Калев выпрямился.

– Поднимай всех, кто на ногах, – голос советника стал холодным и резким. – Каждого, кто еще дышит.

Капитан Варик побелевшими пальцами сжал рукоять меча.

– Милорд, но...

– Молчать! – Кaleb шагнул вперед, и Варик инстинктивно опустил голову. – Вы упустили его – теперь ты его найдешь. Собери три десятка лучших. И пусть каждый знает: не найдете принца живым – лучше не возвращайтесь.

Молодой стражник, всё еще сидящий на полу, громко всхлипнул. Кaleb рванул его за шиворот, поднимая на ноги одним движением.

– И ты собирайся. Пойдешь с ними.

Парень развернулся и бегом вылетел из комнаты. Кaleb повернулся к капитану.

– Умнее, говоришь? Теперь им хватит ума прикончить наследника и прервать династию.

Ты это понимаешь?

– Я найду его, милорд. Любой ценой.

– Цена уже заплачена. – Кaleb отвернулся к окну, сжимая каменный подоконник руками.

– Быстрее, время не ждет.

Когда шаги капитана стихли в коридоре, Кaleb прижался лбом к холодной стене. Кулаки все глубже впивались в камень. Он понимал: если король узнает о пропаже сына, его больное сердце не выдержит. Королевство останется без правителя. Кaleb поднял голову, вглядываясь в сумерки. В воздухе пахло кровью. Рука скользнула к поясу, к кинжалу. Древняя сталь холодила кожу, напоминая о клятве.

Он не мог бросить королевство. Без него власть рухнет, и тьма из Черных Кузниц получит шанс. Но мысль о том, что принц лежит где-то среди трупов, жгла душу.

– Боги, – прошептал он, не отводя взгляда от темноты за окном, – если я потеряю и его... королевство падет.

Элиан.

Тусклый свет от потрескивающей печи едва разгонял мрак лесной хижины. Тяжелые шкуры давили на ослабленное тело Элиана. Каждый вдох отдавался сухим кашлем и острой болью в ребрах. Повязка на груди, уже пропитавшаяся кровью, прилипла к коже, стягивая движения. Элиан попытался открыть глаза, но веки налились свинцом. Сквозь узкую щель видел лишь пляшущие тени от огня.

Он дернулся, пытаясь сесть, но острая боль пронзила бок, словно в него вогнали раскаленный прут. Комната поплыла перед глазами. Элиан издал хриплый стон, потерял равновесие и рухнул на холодный пол. Ладони судорожно царапали доски, пытаясь найти опору, но пальцы скользили. Боль залила сознание красным туманом. Он забился на полу, не то крича, не то хрипя – уже не понимая, где заканчивается физическая мука и начинается бессильная ярость.

Дверь хижины резко распахнулась, впуская внутрь порыв холодного ветра и брызги дождя. На пороге возникла высокая фигура в темном плаще. Капюшон скрывал лицо. Незнакомец шагнул внутрь и плотно закрыл дверь, отсекая шум бури.

– Не подходи! – просипел Элиан, пытаясь подняться на дрожащих руках. – Не смей...

Фигура приблизилась и медленно откинула капюшон. Огонь выхватил из темноты знакомые черты.

– Магистр Родрик? – выдохнул принц, не веря глазам. – Вы?

– Тише, тише, мальчик мой, – голос магистра Родрика звучал низко и успокаивающе. Маг опустился на колени, его сильные руки уверенно подхватили Элиана под мышки. – Зачем ты рвешься? Ты только что вскрыл свои раны.

Родрик легко уложил Элиана обратно на постель, тщательно укутывая его шкурами и поправляя повязку на груди.

– Где мы? – Элиан хватал ртом воздух, чувствуя, как боль медленно отступает, сменяясь тяжелой, ватной слабостью. – Что случилось? Почему я здесь?

Родрик вздохнул, провел ладонью по вспотевшему лбу юноши и сел на табурет у кровати. В его глазах читались усталость, облегчение и скрытый упрек.

– Мы в лесу, далеко от тракта. А случилось то, что ты совершил самую глупую ошибку в своей жизни, – сказал он ровно. – Зачем ты полез туда, Элиан? Твой стражник вовремя предупредил меня о твоих планах. – Родрик поднялся за кружкой с водой. – Хорошо, что он это сделал, иначе гнил бы ты сейчас в канаве среди других тел.

– Я должен был! Я сражался достойно... – возмутился принц, пытаясь подняться.

– Достойно, – мягко перебил его Родрик, – но безрассудно. Лезть в самое пекло, не сказав никому, было очень глупо. Твоя отвага достойна уважения, но не стоит жертвовать жизнью ради славы.

– Это было не ради славы! – голос Элиана сорвался. – Ради отца! Мне нужно в замок! Он должен знать, что я жив!

– Нет, – отрезал Родрик. – Тебе нельзя в замок.

– Что значит «нельзя»? – Элиан уставился на него с недоверием. – Почему? Я наследник престола! Я требую...

– Я расскажу тебе все, когда наберешься сил, – спокойно ответил Родрик.

– Но я должен... – Элиан затрясся, вырываясь из рук Родрика, который снова попытался удержать его на подушках. – Плевать на силы! – крикнул он, и голос предательски дрогнул от отчаяния. – Верните меня домой! Немедленно!

Родрик не стал спорить с принцем. Он просто положил свою широкую ладонь на лоб юноши.

– Спи, Элиан, – произнёс маг. Голос его прозвучал тихо, но властно, проникая прямо в сознание.

Теплая волна накрыла принца. Ярость исчезла, мышцы обмякли, стали бесполезными. Тяжелые веки сомкнулись сами собой, вопреки его воле. Элиан хотел ещё что-то сказать, крикнуть, потребовать, но язык отказался повиноваться. Тьма мягко, но неотвратимо поглотила его, утягивая в глубокий, бездонный сон.

Глава 2

Лиана.

Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь тяжелые бархатные шторы королевских покоев, рисуя на каменном полу бледные, дрожащие узоры. Лиана потянулась в постели, чувствуя, как затекли мышцы после беспокойной ночи. Сон не принес облегчения; даже во сне она слышала отдаленный гул битвы и крики, доносившиеся неизвестно откуда.

Служанка вошла бесшумно, словно тень, и помогла девушке умыться теплой водой из серебряного кувшина. Предложенное пышное платье из шелка Лиана отложила в сторону с презрительным фырканьем. Вместо него она выбрала то, в чем чувствовала себя собой: темные обтягивающие брюки из мягкой замши, удобную тунику с высоким воротником. Рыжие волосы, цвета осенней меди, собраны в тугий высокий хвост, чтобы не мешали, если придется хвататься за лук или меч. В семнадцать лет Лиана выглядела не как фарфоровая статуэтка для придворных приемов, а как хищница, загнанная в золотую клетку. Веснушки золотом горели на бледной коже лица.

– Миледи. Завтрак подан, – робко произнесла служанка, заглядывая во второй раз.

Лиана вздернула бровь, поправляя ремень с кинжалом на бедре.

– Передай, что спущусь, когда буду готова. И перестань стоять над душой, Мира. Когда ты так делаешь, я чувствую себя поднадзорной преступницей.

Девушка сидела за длинным дубовым столом в малой трапезной, болтая одной ногой под ним, а другой упираясь в перекладину стула. Завтрак в одиночестве был пыткой. Лиана механически отламывала куски хлеба, слушая, как за окном воет ветер. Ей хотелось выть вместе с ним, хотелось скакать на коне по лесу, пускать стрелы в мишени, чувствовать опасность, которая была понятнее этой гнетущей неизвестности. Ей хотелось выть вместе с ним, хотелось скакать на коне по лесу, пускать стрелы в мишени, чувствовать опасность, которая была понятнее этой гнетущей неизвестности. Дерзкая, живая, совсем не такая, какой ее хотели видеть при дворе. Острые скулы, чуть вздернутый нос, недовольно поджатые губы.

– Мира, скажи мне, на небе сегодня есть солнце, или наш добрый король приказал тучам висеть здесь вечно в знак траура по вчерашней битве? – спросила Лиана, лениво откусывая хлеб.

Служанка растерянно моргнула.

– Н-не знаю, миледи... Кажется, дождь собирается.

– Кажется, – фыркнула Лиана. – Иди.

Дверь скрипнула, нарушая тишину. Вошел Кaleb. Его вид говорил больше любых слов: под глазами залегли глубокие тени, лицо осунулось, в каждой морщине читалась изможденность.

– Доброе утро, лорд Кaleb, – произнесла она, и в ее голосе прозвучала легкая, почти неуловимая насмешка. Она кивнула слуге, чтобы тот налил вина.

– Доброе утро, миледи, – советник короля склонил голову. – Прекрасный день для охоты, не правда ли?

– О, весьма, – саркастично отозвалась Лиана. – Хотя дичь нынче труслива. Прячется от войны. Выглядите вы, советник, так, будто сами стали этой дичью. Надеюсь, битва прошла успешно? Или нам уже стоит готовить факелы и вилы?

– Война – не тема для светской беседы за завтраком, миледи.

– А что тогда? Погода? – фыркнула девушка, ставя кубок на стол с излишним шумом. – Говорят, сегодня особенно холодно. Прямо как в вашей душе, лорд Кaleb.

Внезапно ее взгляд стал серьезным, насмешка исчезла, уступив место острой тревоге.

– Где Элиан? Почему его нет за столом? Он никогда не пропускает завтрак.

Кaleb поморщился, словно от физической боли. Открыл рот, чтобы ответить, подобрать слова, которые не ранят ее сразу, но в этот момент дверь распахнулась с такой силой, что ударила о стену и отскочила назад.

На пороге возник капитан Варик. За его спиной, шатаясь и бледнея как полотно, стоял юный стражник. Лиана узнала его мгновенно. Тот самый мальчишка, что всегда крутился возле Элиана, его тень, его верный пес. Сейчас парень дрожал так, что зубы стучали.

– Милорд! – закричал Варик, не замечая никого вокруг. Голос сорвался на хрип. – Мы обыскали все! Все поле! Его там нет! Мы не нашли его среди мертвых!

Лиана вскочила так резко, что стул с грохотом опрокинулся. Внутри всё сжалось в тугую, болезненный комок.

– Кого не нашли? – ее голос прозвучал тихо, почти беззвучно. – О чем вы говорите, капитан Варик?

Капитан обернулся и только сейчас заметил девушку. Замер, переводя взгляд с нее на Калеба и обратно. В этом взгляде читалась такая обреченность, что у Лианы похолодели пальцы.

– Отвечай! – она шагнула к нему.

– Элиан... – выдавил капитан, и голос его дрогнул. – Принц Элиан пропал, миледи!

Кaleb резко шагнул вперед, загоразивая собой капитана, словно пытался заслонить Лиану от этой вести своим телом.

– Лиана, не нужно...

– Как пропал? – прошептала она. Каждое слово давалось с трудом, воздух застревал в легких.

– Что значит «пропал»? Он ранен? Где он?

– Мы не нашли его тела, миледи, – выдавил Варик, опуская глаза. – Ни живым, ни мертвым. Он исчез.

– Прочь с дороги! – она оттолкнула советника. Тот был вдвое шире её, но под напором ее ярости отступил. Лиана оказалась перед Вариком в два шага. – Что значит «пропал»? Что значит «среди мертвых»? О чем вы вообще говорите?!

– Миледи, принц самовольно отправился на поле боя, – Варик уже не пытался скрывать правду. – Мы искали его везде.

Лиана перевела взгляд на стражника. Тот стоял, вжав голову в плечи, мелкая дрожь била его тело.

– Ты, – она подошла вплотную. Парень был выше на голову, но сейчас казался маленьким, жалким. – Ты же должен был следить за ним. Где он?!

Стражник упал на колени, закрывая лицо руками.

– Простите, миледи! Простите! Я не смог... он ушел тайком... я не успел...

– Не успел?! – взвизгнула Лиана. Звук вышел резким, режущим уши. Рука сама метнулась к кинжалу на поясе. – Я отрублю тебе голову, щенок! Собственноручно! Где принц?!

– Она меня убьет! – взвыл парень, глядя на Варика расширенными от ужаса глазами. – Капитан, скажите ей! Она мне голову отрубит!

– Лиана! Успокойся! – резкий окрик Калеба заставил её обернуться.

Но она не успокоилась. Повернулась к капитану, и в ее карих глазах плескался такой дикий гнев, что старый воин инстинктивно отступил на шаг.

– А вы, капитан? Вы командовали войском! Вы должны были знать, где находится наследник! Я и вам отрублю голову! Обоим!

– Миледи, нельзя отрубать головы направо и налево, – устало произнес Калев, подходя ближе и осторожно, но твердо перехватывая её запястье, сжимающее рукоять кинжала. – Это не решит проблемы, а только добавит нам хлопот с похоронами. Нам нужны ответы, а не трупы.

Лиана дрожащей свободной рукой схватила Калеба за рукав, впиваясь ногтями в ткань камзола.

– Скажи мне правду, Калев. Ты знал? Ты отправил его туда?

– Нет, – твердо ответил он, глядя ей прямо в глаза. – Никто не знал. Кроме...

Он резко повернулся к стражнику, нависая над ним своей огромной тенью.

– Ты. Говори быстро. Кто-нибудь еще знал о планах принца?

Стражник замер. Губы его задрожали, он закусил их до крови, опуская глаза в пол.

– Отвечай! – рявкнул Калев так, что даже Лиана вздрогнула.

– М-магистр Родрик! – выпалил парень и тут же сжался, словно ожидая удара. – Я... я сообщил ему. Потому что принц его ученик. Я думал... я думал, магистр сможет его отговорить или... или последит за ним...

Калев запустил пятерню в свои черные волосы, с силой сжимая их у корней. На его скулах заходили желваки. Он закрыл глаза на мгновение, и по лицу прошла судорога ярости.

– Родрик... – прорычал он сквозь зубы. – Значит, он знал. И молчал. Магистру Родрику ты сообщил, а капитану королевской гвардии? А советнику короля? Тебе не пришло в голову сказать кому-то, кто может реально защитить мальчишку?

Стражник молчал, только плечи его тряслись все сильнее от беззвучных рыданий. Калев резко выдохнул, беря себя в руки, и повернулся к Варику. Его лицо стало непроницаемой маской, за которой скрывалась буря.

– Капитан, – голос его звучал холодно. – Найдите магистра Родрика. Немедленно. Обыщите всю крепость, все башни, все лаборатории. Если потребуется – поднимите по тревоге всех, кто умеет держать меч. Родрик должен быть найден и доставлен ко мне. Живым.

– Слушаюсь, милорд! – Варик развернулся и бросился к выходу, увлекая за собой трясущегося стражника за шиворот.

Дверь за ними захлопнулась. В трапезной повисла тишина, нарушаемая только треском углей в камине и тяжелым, прерывистым дыханием Лианы. Она стояла, вцепившись руками в край стола, чтобы не упасть. Рыжие волосы рассыпались по плечам, выбившись из хвоста окончательно. Она смотрела на дверь, за которой скрылись капитан и стражник, и в ее глазах больше не было гнева. Там был страх. Холодный, липкий страх, который она пыталась спрятать за маской ярости, но теперь маска треснула.

– Калев, – тихо позвала она, не оборачиваясь. Голос ее звучал слабо и неуверенно. – Он жив?

Советник молчал. Подошел к окну и уставился на серое, наливающееся дождем небо, сжимая ладони в кулаки. Сейчас он не мог смотреть на нее. Потому что знал: если увидит ее глаза, в которых плещется этот ужас, он сорвется. Сделает что-то недопустимое. Шагнет ближе, чем позволяют их положения. Или пообещает то, что не в силах выполнить.

– Я не знаю, – ответил он наконец, и в его голосе впервые за все утро прозвучала усталость, за которой не было ничего, кроме пустоты. – Я не знаю, Лиана.

Он произнес ее имя тише, чем следовало. Мягче, чем позволял этикет. И сам вздрогнул от того, как это прозвучало в тишине комнаты.

Лиана закрыла глаза, и по ее щеке скатилась одинокая слеза. Где-то вдалеке громыхнул первый раскат грома. Вот-вот начнется дождь, который должен смыть кровь с улиц, но не способный смыть страх из сердец.

Калев.

Солнце так и не показалось. Небо затянуло свинцовой пеленой, и тяжелые тучи нависли над замком, готовые разразиться ливнем в любую минуту. Кaleb нервно расхаживал по комнате, когда в дверь постучали.

– Войдите, – бросил он резко, не оборачиваясь.

Вошел капитан Варик. Его лицо было бледным.

– Не нашли? – спросил Кaleb, хотя ответ он предчувствовал заранее.

– Милорд, – глухо сказал Варик. – Мы обыскали все. Башню магов, кельи, библиотеку, конюшни. Опросили стражу у ворот. Никто не видел магистра Родрика с самого вчерашнего утра. Он исчез. Будто растворился в воздухе.

Кaleb сжал кулаки до хруста костяшек.

– Черт! Это не может быть совпадением. Вы считаете, он мог... похитить принца?

– Похоже на то, милорд, – Варик виновато опустил взгляд. – Я приказал обыскать все еще раз, но... у меня дурное предчувствие.

Кaleb резко выдохнул и ударил кулаком по каменному подоконнику. Боль пронзила руку, но она была ничтожна по сравнению с яростью, кипевшей внутри.

– Проклятье! – прорычал он, снова и снова ударяя по камню. – Проклятье, проклятье!

Он заметался по комнате, запуская пальцы в волосы. Мысли лихорадочно сталкивались друг с другом.

– Родрик знал о планах Элиана. Родрик был его наставником. Родрик исчез в то же время, когда пропал принц. Слишком много совпадений для одного дня.

– Капитан, – Кaleb остановился и посмотрел на Варика в упор. – Скажи честно, что ты думаешь? Он мог похитить мальчика? Или они сбежали вместе?

Варик нахмурился, обдумывая ответ. Пальцы привычно забарабанили по рукояти меча.

– Не знаю, милорд. Магистр всегда был предан короне. Но... – он замаялся.

– Но?

– Но в последнее время он стал странным. Замкнутым. Все время проводил в своей башне, никого не пускал. А теперь...

– А теперь мы имеем пропавшего принца и исчезнувшего мага, – мрачно закончил Кaleb. – Просто замечательно.

Он снова подошел к окну, глядя на серое небо. Где-то там, в лесу, возможно, лежит раненый мальчишка. Или сидит в клетке у предателя. Кaleb отогнал страшную мысль.

– Собери совет, Варик. После полудня. Тронный зал. Всех, кто имеет хоть каплю власти в этом замке. Лорда Стефана, магистра Эдвина, леди Морган, коменданта стражи... всех. Пусть бросают свои дела. Это не терпит отлагательств.

– Слушаюсь, милорд, – Варик кивнул и вышел, плотно притворив дверь.

Кaleb остался один. Он подошел к столу, провел пальцами по холодной, шероховатой поверхности дерева. Сквозь пелену усталости и глухой ярости вдруг всплыло неожиданное воспоминание. Лиана. Ее всклокоченные рыжие волосы, ярость в каждом движении, глаза, горящие вызовом. *«Какая же она красивая, когда злится»*, – мелькнула предательская мысль. Кaleb покачал головой, и уголки его губ дрогнули в слабой, почти незаметной улыбке. Глупо. До неприличия глупо думать об этом, когда королевство трещит по швам. Но эта короткая искра на мгновение согрела его изнутри, прогнав ледящий холод одиночества.

Зал встретил его гулом взволнованных голосов. Высокие своды тонули во мраке; факелы на стенах чадили, отбрасывая длинные, дергающиеся тени, которые плясали по камню, словно живые. В центре, на возвышении, пустовал трон короля Дорвена. Тяжелый, резной, обитый выцветшим бархатом, он казался огромной черной дырой, напоминающей о том, кого здесь критически не хватало. Справа, на меньшем возвышении, зияло пустотой кресло наследника. Кaleb старался не смотреть в ту сторону, чувствуя, как сжимается желудок.

Вокруг длинного дубового стола уже собрались те, кого он призвал. Варик стоял чуть поодаль, у входа, готовый выполнить любой приказ. Кaleb занял место во главе стола, обводя присутствующих тяжелым взглядом.

Лорд Стефан, казначей, сухой и сморщенный, словно осенний лист, сидел, поджав бескровные губы. Массивный перстень с изумрудом на его пальце поблескивал в тусклом свете, когда он нервно барабанил по столу. Его взгляд говорил сам за себя: любые предложения означают только одно – лишние траты.

Магистр Эдвин, глава Ордена Целителей, молчаливый и бледный в своей серой рясе, сложил руки на столе и смотрел в одну точку. Глубокие синие тени под его глазами кричали о бессонных ночах, проведенных у постелей умирающих.

Леди Морган, вдова, управляющая западными землями, женщина с острым умом и таким же языком, цепко ощупывала серыми глазами каждого присутствующего. Она не любила Калеба, он не любил ее, но в моменты кризиса они умели работать вместе, как два отточенных клинка.

Комендант стражи Бренн, грузный бывший наемник с лицом, изрезанным глубокими шрамами, хмуро тёр подбородок мозолистой ладонью, явно чувствуя себя чужим в этом гнезде знати.

Кaleb кашлянул, привлекая внимание. Гул стих.

– Благодарю, что пришли так быстро. Ситуация критическая, и каждая минута промедления стоит нам жизней. Прошу прощения за резкость, но обстоятельства не позволили соблюсти этикет.

– Что стряслось, Кaleb? – первой подала голос леди Морган, прищурившись и внимательно изучая его лицо. – Почему нас собрали в таком составе? Где его величество? Разве король не должен председательствовать на совете в столь важный час?

Кaleb сжал челюсти. Произнести это вслух было всё равно что подписать приговор о собственном поражении.

– Король не может присутствовать, – ответил он тихо, но так, что каждое слово достигло самого дальнего угла зала. – Его состояние ухудшилось за ночь. Он без сознания. Врачи говорят, что любая попытка разбудить его сейчас может стать для него последней. Поэтому бремя принятия решений ложится на нас.

Лорд Стефан нервно заёрзал на стуле, пальцы забегали по холодному камню перстня.

– Без сознания? – просипел он. – Но... если король недееспособен. То есть, я хочу сказать... Надеюсь, речь не идет о введении чрезвычайных налогов? Казна и так трещит по швам после битвы...

– Молчи, Стефан, – резко оборвал его Кaleb. – Речь идет не о монетах. Речь о том, что у нас больше нет наследника. Принц Элиан пропал.

В зале повисла тишина. Тяжелая, вязкая, давящая на уши. Леди Морган подалась вперед, ее серые глаза расширились, зрачки сузились от внезапного ужаса. Магистр Эдвин медленно поднял голову, и в его взгляде читался немой, панический вопрос.

– То есть как – пропал? – леди Морган первой обрела дар речи. – Он же был в замке. Я видела его позавчера в библиотеке.

– Вчера он самовольно отправился на поле боя, – ровно без эмоций произнес Кaleb. – Мы искали его. Среди раненых нет, среди мертвых тоже. А сегодня утром выяснилось, что магистр Родрик, его наставник, тоже исчез.

– Родрик? – лорд Стефан нахмурился. – Советник, вы уверены, что магистр причастен к этому?

– Именно это мы и пытаемся понять, – казал Кaleb, и его жесткий взгляд прошелся по лицам советников. – Была ли это попытка спасения от неизвестной угрозы внутри замка? Или

заговор с целью шантажа? Кто-то из вас знает о мотивах Родрика? О его связях за пределами столицы?

– Маг? Зачем ему похищать принца? – спросил магистр Эдвин, и в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

– Нам нужны доказательства, а не подозрения, – холодно добавила леди Морган.

Капитан Варик шагнул вперед, обращаясь ко всем сразу:

– Магистр Родрик в последнее время вел себя странно. Много времени проводил в башне, никого не пускал. Стража клянется, что он не покидал замок, но в покоях его нет. Как сквозь землю провалился.

– Может, он использовал магию? – предположила леди Морган. – Телепортация?

– Это запрещено, – тихо произнес магистр Эдвин. Все повернулись к нему. – Прямая телепортация внутри замка невозможна без согласия Совета магов и мощных артефактов. Родрик не имел права.

– Если он предатель, плевать он хотел на ваши запреты, – отрезал Бренн.

– Но зачем? – снова спросил лорд Стефан, теряясь в догадках. – Какой смысл похищать наследника? Если враги хотели убить его, они бы сделали это на поле боя. Выкуп? Политические требования? От кого?

– От того, кто стоит за ургами, – тихо, но отчетливо произнес Калев.

Название повисло в воздухе, густое и липкое, как дым над пожарищем. Все замолчали, боясь пошевелиться.

– Ты думаешь, это связано? – спросила леди Морган, и в её голосе впервые прозвучала нотка настоящего страха.

– Я думаю, что наши враги становятся умнее, – ответил Калев. – Родрик знал о планах Элиана. Родрик – маг. Если он переметнулся... если он помогает тем, кто стоит за Черными Кузницами...

– Это катастрофа, – закончил за него лорд Стефан бледнее. – Если маг такого уровня предал корону, мы не удержим замок.

– Пока рано делать выводы, – оборвал Калев, возвращая себе контроль. – Но и сидеть сложа руки нельзя. Мы должны...

Дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В зал вбежал запыхавшийся слуга. Он споткнулся на пороге, пробежал через зал и рухнул на колени прямо перед Калевом, хватая ртом воздух.

– Милорд! – выдохнул он, и голос сорвался на хрип. – Там... там король...

Калев резким движением оттолкнул стул, так что тот с грохотом опрокинулся назад, и вскочил на ноги еще до того, как слуга закончил фразу. Магистр Эдвин тоже сорвался с места, его лицо стало белее полотна.

– Что с королем? Говори!

– Ему хуже, – слуга трясся так, что слова вылетали с перебоями. – Он не ест, не пьет, взгляд затуманен... Лекари не могут до него достучаться. А под кроватью... под кроватью...

Он запнулся, вжимая голову в плечи. Калев не стал ждать. Он шагнул вперед, грубо схватил слугу за плечо и рывком поднял его взгляд на себя.

– Что под кроватью?! Говори немедленно!

– Тьма, милорд, – прошептал слуга, и в его глазах плескался самый настоящий, животный ужас. – Тонкая, как дым... она сочится из-под кровати, стелется по полу... лекари боятся подойти.

По залу прокатился испуганный гул. Лорд Стефан побледнел и судорожно сжал свой перстень. Леди Морган вцепилась в подлокотники кресла. Бренн инстинктивно положил руку на меч, обнажая клинок надюйм.

Магистр Эдвин, не сказав ни слова, рванул к выходу. Его серая ряса мелькнула в дверном проеме, и он исчез в коридоре, оставив совет в напряжённом, звенящем ожидании.

Калеб медленно выпрямился, чувствуя, как по спине пробегает ледяная струйка, от которой стынет кровь. В зале повисла гробовая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием людей.

– Тьма... – прошептала леди Морган, осеняя себя знаком защиты. – Древняя сила. Она уже здесь. В самом сердце замка.

Прошло лишь несколько минут, растянувшихся в мучительную вечность, когда двери зала снова распахнулись с грохотом. Магистр Эдвин ворвался внутрь, шатаясь, словно пьяный. Его лицо было серым, восковым, руки тряслись так сильно, что он с трудом удерживал полы своей рясы. В глазах читался такой первобытный ужас, какого Калеб никогда раньше не видел.

Эдвин добрал до стола, рухнул на него, опираясь обеими руками, чтобы не упасть на пол. Он хватал ртом воздух, прежде чем смог выдавить из себя хоть слово.

– Я видел это... своими глазами, – прохрипел он, и голос его сорвался. – Это не болезнь. И не обычное проклятие, с каким я сталкивался. Это нечто древнее. Оно... оно высасывает из него жизнь прямо сейчас. Питается его снами, его памятью. Если мы не найдем источник... король не протянет и недели. Может, даже меньше.

Калеб медленно сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Разрозненные куски головоломки с леденящим щелчком складывались в единую, кошмарную картину. Король умирает от неизвестной магической заразы. Наследник исчез накануне решающей битвы. Враг действует с военной точностью. И теперь эта тень проникла даже в спальню монарха.

– Совпадений не бывает, – произнес Калеб. Его голос звучал тихо. – Кто-то открыл ворота для этой тьмы изнутри замка.

Лорд Стефан, казначей, побледнел так, что его кожа приобрела синеватый оттенок. Он подался вперед:

– Ты думаешь... Родрик? Он ведь был ближе всех к королю. Лечил его, варил зелья, проводил ночные ритуалы защиты. Если кто и мог незаметно наслать такую порчу, то только он.

– Но зачем? – Леди Морган нахмурилась, и в ее взгляде мелькнуло искреннее недоумение, смешанное с зарождающимся сомнением. – Родрик служил короне тридцать лет. Он воспитывал Элиана как родного сына. Он...

– Он маг, – жестко оборвал ее Бренн. – А маги всегда живут по своим правилам. Кто знает, что творится у них в головах? Может, ему пообещали бессмертие? Власть, о которой он мечтал десятилетиями?

– Или он давно служит тому, кто стоит за ургами, – мрачно добавил Варик. – Тогда все сходится. Он ослабил короля, создал хаос, а когда принц в пылу битвы оторвался от основных сил – просто забрал его. Как ценный трофей.

– Но зачем похищать, если целью была смерть? – возразила леди Морган, цепляясь за логику как за последнюю соломинку. – Убить на поле боя было проще и безопаснее. Зачем тащить с собой мальчика, риску быть раскрытым?

– Потому что живой принц – это заложник, – тихо произнес магистр Эдвин, поднимая на них свои испуганные глаза. Все мгновенно повернулись к нему. – Или инструмент. Если они сумеют сломить его волю, подчинить его разум той же тьмой, что пожирает короля... мы получим идеального правителя-марионетку на троне. Законного наследника, который сам подпишет указ о сдаче королевства.

В зале повисла тяжелая, давящая тишина. Каждый обдумывал эту страшную перспективу, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Калеб провел ладонью по лицу, стирая холодный пот. Мысль о том, что Родрик – старый, верный Родрик, которого он считал другом, – мог ока-

заться предателем, жгла его изнутри раскалённым углём. Но улики складывались в зловещую мозаику, отрицать которую было невозможно.

– Допустим, это так, – сказал Калёб наконец. – Допустим, Родрик проклял короля и похитил принца. Но куда он мог направиться? Где его убежище?

Варик шагнул вперед, выпрямившись:

– У него есть старая охотничья хижина в Глубоком лесу, милорд. Всего в нескольких часах езды от замка. Место глухое, заброшенное, далеко от любых трактов. Если он хочет скрыться и провести какие-то ритуалы в тайне, то лучшего места не придумаешь.

– Пошлите разведчиков, – приказал Калёб. – Но осторожно. Если Родрик действительно предатель, он опасен. Не только мечом, но и магией.

– Слушаюсь, милорд, – Варик кивнул и решительно направился к выходу. Но уже взявшись за ручку двери, он замер, обернулся с тревожным выражением лица. – Милорд, ещё одно. Что делать с ургами? Разведка только что вернулась со стороны Черных Кузниц Ургота.

– Да, докладывай, – Калёб жестом велел ему остаться. – Что там с этими тварями?

Варик вернулся к столу.

– Разведчики видели их следы. Мерзкие, вонючие твари, похожие на гнилое мясо, но двигаются слаженно.

– Дьявол, – выдохнул Бренн. – Если они научились воевать строем...

– Их след ведет обратно к Черным Кузницам Ургота, – продолжал Варик. – Но часть отряда отделилась. Возможно, они знают про принца и будут искать его.

Калёб резко поднялся, опираясь руками о стол. Он обвел советников взглядом, полным решимости.

– Замок на осадное положение. Никто не входит и не выходит. Леди Морган, вы отвечаете за продовольствие и состояние стен. Лорд Стефан, подсчитайте ресурсы для найма мечей, если потребуется. Бренн, усиль караулы. Каждую тень проверять на наличие этой дымки.

– А вы, милорд? – спросила леди Морган.

Калёб положил руку на рукоять меча.

– Я сам возглавлю поисковый отряд. Возьму лучших бойцов и пойду по следу. Если Родрик там, в лесу, если он предатель, то я сам приволоку его сюда за шкуру. Если принц еще жив, то вытащу его раньше, чем эти твари доберутся до него. А если они уже там...

Он не договорил, но все поняли.

– Милорд, но совет... – начал было лорд Стефан.

– Совет окончен! – отрезал Калёб. – Действуйте. Время вышло.

Он развернулся и быстрым шагом направился к выходу, чувствуя, как холодная тень, о которой говорил лекарь, словно следует за ним по пятам, напоминая, что настоящая охота только начинается. За его спиной советники зашевелились, зашумели, обсуждая приказы, но Калёб уже не слушал.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался, но небо оставалось серым и тяжелым, нависая над кронами деревьев сырой ватой. Дюжина бойцов, отобранных Калёбом лично, молча грузила мешки в седельные сумки. Лошади фыркали, переступая с ноги на ногу по мокрой брусчатке, чувствуя напряжение людей.

Калёб возглавил колонну. За ним, плотным строем, двинулись всадники. Варик замыкал шествие, постоянно оглядываясь. Свернули с натоптанной дороги на едва заметную тропу, уводящую в чащу вековых дубов. Лес встретил тишиной. Не той спокойной, что бывает в глуши, а напряжённой, выжидающей. Лошади ступали осторожно, прижимая уши, словно чуяли то, чего не видели люди.

– Милорд, – негромко окликнул Калёба один из гвардейцев, подъезжая ближе. – Может, привал? Лошади вымотались, тропа идет в гору.

– Успеем, – коротко бросил Кaleb, не оборачиваясь. – До хижины еще часа два, если верить Варику. В лесу ночевать не хочется.

– В этом лесу вообще лишний час оставаться не хочется, – пробурчал кто-то сзади.

– Слышали, что про эти места болтают? – подал голос молодой гвардеец Торвальд, подлезая к рыжему лучнику Олрику. – Про Древнего Лесовика?

– Не начинай, Торвальд, – лениво отозвался Олрик, поправляя ремень лука. – Опять страшилки травить будешь?

– Какие страшилки? – обиделся парень. – Говорят, здесь маг живет. Старше первого короля. Гостей не любит. Кто глубже опушки сунется – того в дерево превращает. Корни прямо сквозь сапоги лезут, кости оплетают. Стоишь так веками, пока мхом не обрастешь.

– И что? — не удержался кто-то еще. – Заткнись уже.

– Я правда слышал! – настаивал Торвальд, повышая голос от страха. – Ещё говорят, он душами питается. Заманивает голосами родных, а потом...

В этот момент из хвоста колонны, оттуда, где ехал Варик, раздался звонкий, раздражённый женский голос, перекрывший шепот гвардейцев:

– Да что за чепуху ты несешь?! Какие души? Какие деревья? Ты хоть сам слышишь, что говоришь, или даже боишься собственной тени?

Голос прозвучал неожиданно близко, резко и звонко, разрезая лесную тишину. Разговоры мгновенно стихли. Двенадцать пар глаз одновременно повернулись назад. Там, в хвосте колонны, рядом с Вариком, сидела фигура в темном, грубом мужском плаще. Капюшон был низко натянут, скрывая лицо в глубокой тени. Все это время они считали ее одним из своих. Никто даже не подозревал, что в строю лишний.

Торвальд медленно повернулся, выпучив глаза. Варик, сидевший в седле прямо рядом с незнакомцем, инстинктивно схватился за рукоять меча. Он перевел взгляд на Калеба, ожидая приказа.

А Кaleb...

Кaleb, ехавший в голове колонны, резко осадил коня. Жеребец взвился на дыбы, фыркнув и ударив копытами о землю. Советник медленно развернул животное кругом. Челюсти сжаты. Этот голос он узнал бы из тысячи, даже если бы его шептал ветер, даже если бы его кричала сама смерть.

Кaleb пустил коня галопом назад. Он летел сквозь строй своих людей, не щадя ни себя, ни зверя, разрезая воздух свистом ветра. Гвардейцы шарахались в стороны, давая ему дорогу. Он остановился прямо перед фигурой в конце колонны. Конь Калеба тяжело дышал, пуская клубы пара, а сам всадник смотрел вниз, на сидящего в седле «солдата», и не мог отвести глаз. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая разум.

– Сними капюшон, – приказал он тихо.

Фигура замялась. Руки в перчатках нервно поправили поводья.

– Ну же, – рыкнул Кaleb, подаваясь вперед. Он почти касался коленями бока чужого коня. – Немедленно. Иначе я сделаю это сам.

Незнакомец колебался всего секунду. Потом медленным, почти вызывающим движением поднял руки к лицу. Пальцы коснулись края ткани.

Кaleb не выдержал ожидания. Он рванул ткань капюшона вниз резким, грубым движением.

Рыжие волосы хлынули наружу огненным водопадом, рассыпались по плечам, контрастируя с серой, грязной тканью плаща, который был ей явно велик. Веснушки на бледном, испуганном лице вспыхнули золотом в тусклом свете леса. Карие глаза смотрели на Калеба снизу вверх с вызовом, со страхом и с той самой легкой, виноватой искрой, от которой у него всегда перехватывало дыхание.

Лиана...

Воздух между ними сгустился, став плотным и электризованным. Кaleb смотрел на неё, и мир вокруг перестал существовать. Не было леса, не было войны, не было пропажи принца. Была только она. Живая. Дышащая. Здесь.

– Какого черта ты тут делаешь?! – рявкнул Кaleb так громко, что птицы взлетели с деревьев.

Лиана не опустила глаз. Она улыбнулась той самой острой, кошачьей улыбкой, которая сводила его с ума, и беспечно, чуть дрожащими пальчиками помахала оторопевшим гвардейцам, застывшим в сёдлах как статуи.

– Приветик, мальчики.

Варик тихо выругался, прикрыл глаза рукой и покачал головой, словно не веря своим глазам.

Кaleb не стал тратить слова на публику. Адреналин кипел в его венах, требуя действия. Он протянул руку и грубо схватил Лиану за локоть. Лиана поморщилась от боли, но не вскрикнула. Он буквально стащил ее с седла, не дожидаясь, пока она спустится сама. Ее ноги коснулись земли, и она едва устояла, споткнувшись о свои же слишком длинные штаны. Кaleb не дал ей опомниться. Он решительно потащил ее в сторону от тропы, прочь от удивленных взглядов, за густой куст орешника, где их скрывала высокая трава и переплетенные ветви.

Оказавшись в укрытии, Кaleb резко развернул ее к себе, прижав спиной к шершавому стволу старого дерева. Он навис над ней, заслоняя собой свет, воздух, весь мир. Его грудь тяжело вздымалась, горячее дыхание обжигало ее лицо.

– Ты... – начал он, и голос его сорвался. Он хотел накричать, хотел спросить, как она посмела, как она могла подвергнуть себя такой опасности. Но вместо слов он почувствовал, как внутри все сжимается от невыносимого облегчения. Она была здесь. Рядом с ним.

Лиана смотрела на него широко раскрытыми глазами. Ее губы были чуть приоткрыты, дыхание сбилось.

– Какого черта ты тут делаешь?! – прошипел Кaleb, повторив свой вопрос.

Лиана выдернула руку, отряхивая складки одежды.

– Ты с ума сошла?! – Кaleb снова навис над ней. – Что ты тут забыла? Ты хочешь умереть? Мы идем в логово возможного предателя – мага, в лес, полный неизвестности! Как ты вообще прошла сквозь ворота?

– Ой, да с таким защитником, как вы, советник, – она кокетливо склонила голову, игнорируя его гнев, – я хоть в пасть к дракону пройду. А ворота... стражники слишком увлечены сборами, чтобы смотреть, кто крадет лишнюю лошадь.

Кaleb замер. Бровь его поползла вверх. Внутри все сжалось от этой ее дурацкой, невозможной улыбки. Он сделал глубокий вдох, пытаясь вернуть самообладание.

– Лиана, послушай меня внимательно, – его голос стал низким и жестким. – Мы идем в опасное место. Родрик – маг. Если он предал нас, его сила страшнее любого меча. Это была глупейшая затея идти с нами. Ты такая же безрассудная, как твой брат Элиан. Хоть вы и не родные по крови, вы словно созданы друг для друга в своем идиотизме.

– Спасибо за комплимент, – фыркнула Лиана. – Буду считать, что сравнивать меня с наследником престола – это честь.

– Прекрати кокетничать! – рявкнул Кaleb, теряя терпение. – Забирайся на своего коня и скачи обратно в замок. Немедленно!

– Одну? – Лиана изогнула бровь. – Отправите меня одну скакать через этот страшный лес, где водятся духи и страшные маги? Советник, вы меня не уважаете?

Кaleb скрипнул зубами. Эта девчонка играла с ним, как кошка с мышкой, и отлично это понимала.

– Хорошо, – процеди он сквозь зубы. – Тогда я провожу тебя лично. Варик! – крикнул он, выглядывая из-за куста.

Капитан тут же появился рядом, держа под уздцы ее коня.

– Милорд?

– Продолжайте путь по следу. Я вас нагоню, – отрывисто бросил Калев. – Мне нужно вернуться... этого горе-воина обратно.

Лиана сложила руки на груди, упиравшись ногами в землю, когда Калев попытался подтолкнуть ее к коню.

– Я никуда не поеду, Калев. И не пытайся меня остановить. Я отправлюсь на поиски брата вместе с вами. Точка.

– Ты глупая девчонка! – взорвался Калев, снова приближаясь к ней. – Пока я с тобой тут спорю, Элиану, возможно, нужна помощь! Каждая минута на счету!

– Так не спорь со мной, а пошли! – Лиана резко развернулась, едва не задев его плечо. – Я все равно пойду с вами. Хоть привяжи меня к седлу. Отвяжусь и догоню. И запомни: я стреляю лучше половины твоих гвардейцев.

Калев смотрел на нее несколько долгих секунд. В ее карих глазах не было ни капли страха, только упрямый, горячий вызов. Он понимал, что проиграл. Силой ее не убрать, не тащить же ее связанной по лесу, а оставлять одну еще безумнее, чем брать с собой.

Он тяжело выдохнул, проводя ладонью по лицу, словно стирая с него накопившееся напряжение. Затем медленно наклонился, поднял с мокрой земли капюшон. Тщательно отряхнул ткань и протянул ей.

– Держи, – буркнул он. – И держись меня. Ни шагу в сторону.

Лиана взяла капюшон. На ее губах дрогнула легкая, торжествующая усмешка, но она быстро ее скрыла, натягивая ткань на голову.

– Слушаюсь, милорд, – ответила она с насмешкой в голосе.

– И запомни еще одно, – сказал он тихо. – Как только мы найдем хижину. Не важно, будет там Элиан жив, мертв или его там вообще нет... Ты сразу разворачиваешься и идешь обратно с Вариком. Это не обсуждается. Это приказ.

– Договорились, – тихо сказала Лиана. Усмешка сошла с ее лица.

Калев коротко кивнул и махнул рукой Варику.

– Боги, дай мне сил пережить этот день, – пробормотал он себе под нос, разворачиваясь к тропе.

Он шагнул вперед, чувствуя, как легкое, почти невесомое прикосновение ее пальцев цепляется за край его плаща. И вместо того, чтобы стряхнуть ее руку, он лишь чуть замедлил шаг, позволяя ей идти рядом.

Глава 3

Элиан.

Холод ударил в лицо, стоило им выехать из-за последней гряды елей. Лес остался позади и оборвался так резко, будто невидимая черта отделяла один мир от другого. Впереди расстилались Северные равнины, где пожухлая трава серебрилась под первым светом рассвета. Небо на востоке уже начинало светлеть, но над головой оно все еще висело низкое и свинцовое. Наступила глубокая осень: земля затвердела, превратившись в камень, и каждый выдох вырывался изо рта клубом белого пара.

Элиан сидел в седле, укутанный в тяжелые волчьи шкуры, от которых все еще пахло дымом лесной хижины. Родрик шел рядом, ведя его коня под уздцы, и копыта глухо стучали по мерзлой земле. Они вышли затемно, едва принц смог держаться в седле самостоятельно. Родрик не позволил ни минуты промедления. Теперь, когда первые лучи солнца коснулись горизонта, Элиан оглянулся, и лес позади показался ему сплошной черной стеной.

Принц чувствовал себя отвратительно. Раны ныли при каждом толчке седла, а голова гудела от недосыпа и тех странных зелий, которыми его отпаивал маг.

– Передохнем, – Родрик натянул поводья, и конь фыркнул, мотнув головой. – Слезай. Тебе нужно поесть и поменять повязку. Кровь проступила.

Элиан сполз с седла, чувствуя, как подкашиваются ноги, а мир опасно качается, но все же удержался, привалившись спиной к холодному, мокрому валуну. Маг молча достал из сумки сверток с вяленным мясом, бурдюк и бросил их принцу на колени.

– Ешь.

– Не лезет, – буркнул Элиан, хотя желудок свело от голода.

– Ешь, – даже не взглянув на него, повторил Родрик. – Силы понадобятся.

Элиан отломил кусок. Жесткие волокна царапали пересохшее горло, но он прожевал и проглотил, чувствуя, как тяжесть оседает внутри. Маг уселся напротив, на поваленное дерево, и некоторое время молча смотрел на серое небо.

– Ты обещал рассказать, – напомнил Элиан, вытирая рот тыльной стороной ладони. – В хижине сказал: «когда наберешься сил». Я набрался. Говори.

Родрик медленно перевел на него усталый, тяжелый взгляд.

– Твой отец не болен, Элиан. Его прокляли. И это не та хворь, которую лечат травами или молитвами. Это древняя магия. Темная.

Элиан кивнул, хотя внутри всё сжалось.

– Я знаю. Магистр Эдвин говорил, что это магия.

– Эдвин – целитель, – усмехнулся Родрик, но усмешка вышла кривой и совершенно без веселья. – Он умеет срывать кости и останавливать кровь. Но он не умеет бороться с тем, что пожирает душу изнутри. Я пытался. Месяцами. Тратил силы, знания, лез в запрещенные ритуалы, за которые Совет мог бы лишить меня посоха. Бесполезно.

Элиан замер, чувствуя, как кусок мяса застревает в горле.

– Вы пытались? – голос сорвался. – Почему я не знал?

– Потому что тот, кто это сделал, силен. И он не один, – Родрик поморщился, словно от зубной боли. – У него есть... назовем это «крот». Кто-то, кто роет под стенами изнутри. Замок пронизан чужими глазами. Я не знал, кому доверять. Не знаю и сейчас.

Элиан отбросил мясо в сторону, чувствуя, как голод исчезает, сменяясь липким, противным холодом.

– Вы хотите сказать, что в замке предатель? – Он не верил своим ушам. – Кто-то из своих?

– Кто-то, кто служит тем, кто хочет твоей смерти, – отрезал Родрик. – И смерти твоего отца.

– Кто?

Родрик покачал головой.

– Если бы я знал имя, мы бы не сидели здесь, мальчик. Я бы уже свернул ему шею. Но враг умен. Он прячется в тени. И эта тень проникла даже в тронный зал.

Элиан попытался осмыслить услышанное. Предатель. Кто-то, кого он видел каждый день. Кто-то, кто кланялся ему, улыбался за завтраком, а потом точил нож.

– Поэтому мы бежали? – голос дрогнул. – Поэтому вы не дали мне вернуться? Вы знали, что за мной придут?

Родрик помолчал, глядя на горизонт, где лес сливался с небом в одну грязную полосу.

– В ночь перед битвой я был у твоего отца. Он метался в бреду. Сквозь сон из него срывались чужие слова. Кто-то говорил через него, – маг потер переносицу, словно пытаясь стереть неприятное воспоминание. – Требовали найти тебя. Живым или мертвым – им было всё равно.

Элиан побледнел.

– Я попытался отследить источник, понять, откуда идет голос. Но та магия, что держит твоего отца, сильнее меня. Она ударила в ответ, и я едва не сгорел заживо, – Родрик говорил об этом спокойно и буднично, будто обсуждал погоду. – Но одно я понял точно: проклятие пришло извне. А проводник, тот, кто открыл ему дверь, находится внутри. И он достаточно близок к трону, чтобы знать о твоих планах.

– Поэтому ты забрал меня сам, а не послал весть в замок? – тихо спросил Элиан.

Родрик кивнул.

– Если бы я сообщил Калебу или совету, предатель узнал бы об этом через час. А ты отправился на войну... – он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. – Это было глупо, Элиан. Безрассудно. Но, возможно, именно это спасло тебе жизнь. Тебя ждали во дворце. А ты просто не вернулся. И теперь они в панике.

Элиан сжал кулаки. Бессильная ярость обожгла горло.

– Мы не сбежали, Элиан, – голос Родрика стал жестче. – Мы отступили, чтобы вернуться. Силой. Ты нужен короне живым. Но живым – не значит свободным. Если бы ты вернулся сейчас, ты стал бы марионеткой. А твой отец... – он запнулся, глядя в сторону. – Твой отец обречен. Я не могу его спасти.

Элиан закрыл глаза. Внутри всё похолодело. Отец обречен. Предатель в замке. Он сам – беглец.

– Куда мы идем? – спросил он, открывая глаза.

– На Север, – ответил Родрик. – В Вольные земли, к лорду Хальдору Торнвудскому. Он ждет нас в Дорнхейме. Старый друг твоего отца.

– И сколько нам ехать?

– Семь дней, если повезет. Восемь – если нет.

Элиан кивнул, но потом вспомнил.

– А Лиана? Почему вы не предупредили ее? Не взяли с собой?

Родрик помолчал, долго и напряженно вглядываясь в серое небо, словно взвешивая каждое слово.

– Лиана – приемная дочь короля, – сказал он наконец. – Она твоя сестра по воле отца, но не по крови. Для узурпатора она не представляет угрозы. Её не убьют. Скорее всего, попытаются выдать замуж за своего человека, чтобы легитимизировать власть через нее. Но ей ничего не грозит напрямую, пока ты жив и на свободе.

– Вы рассуждаете как... как стратег, – с горечью произнес Элиан. – А для меня она – сестра.

– Я знаю, – голос Родрика чуть смягчился. – Но у нас нет права на сантименты, мальчик. На кону – королевство. Если мы проиграем, Лиана станет женой того, кто убил ее отца. Или умрет в темнице, когда станет не нужна. Чтобы этого не случилось, мы должны выжить. И вернуться с армией.

Элиан стиснул зубы.

– Едем, – сказал он, с трудом поднимаясь, опираясь рукой о камень. – Хватит отдыхать.

Родрик не стал спорить. Он помог принцу забраться в седло, поправил стремяна, а сам ловко вскочил позади, перехватив поводья.

– Держись, принц. Дорога будет долгой.

Конь тронулся шагом, унося их на Север, туда, где за горизонтом ждал старый друг. А где-то далеко позади, в лесу, отряд Калеба все еще продирался сквозь чащу, не зная, что принц уже покинул эти края.

Лошадь шла все медленнее. Бока животного тяжело вздымались, ноздри раздувались, выдыхая густой пар, который тут же таял в ледяном воздухе. Элиан чувствовал, как сознание начинает плыть: рана под повязкой пульсировала в такт каждому шагу, а холод пронизывал даже толстые волчьи шкуры. Голова бессильно клонилась к гриве, и лишь усилием воли он заставлял себя держать глаза открытыми.

– Нам нужен привал, – прохрипел принц, цепляясь ослабевшими пальцами за жесткую шерсть. – Вода. И... что-то поесть.

Родрик, сидевший сзади, поднял голову, оглядывая серую равнину. Впереди, у подножия невысокого холма, чернели силуэты изб. Деревня выглядела заброшенной: крыши покрыты мхом, заборы покосились, но из одной трубы вился тонкий дымок – единственное свидетельство жизни в этой глуши.

– Там, – кивнул маг. – Но помни правила, Элиан: никаких имен, никаких титулов. Мы – путники. Отец и больной сын. Едем к родне на Север. Понял?

Элиан хотел возразить, но сил не было даже на спор. Он лишь молча кивнул, чувствуя, как тело Родрика за его спиной напряглось.

Они въехали в деревню по вязкой, хлюпающей грязи. Тишина здесь давила. Ни лая собак, ни криков детей. Лишь ветер гулял между домами. Как только они показались на улице, ставни с треском захлопнулись, а фигуры, мелькнувшие в щелях, тут же скрылись в темноте. Жители боялись чужих больше, чем холода.

Родрик подъехал к крайнему дому. За низкой калиткой возилась женщина в грязном, засаленном переднике. Увидев всадников, она замерла, сжимая в руках тяжелый деревянный ковш. Ее взгляд, полный усталости и подозрения, скользнул по темному плащу мага и остановился на Элиане, который едва держался в седле, опираясь всей тяжестью на луку.

– Хозяйка, – начал Родрик ровным тоном. – Нам нужно место на ночь. Перекусить, перевязать раны. Мы заплатим.

Женщина поджала губы.

– А вы кто такие будете? Откуда путь держите? В наши края редко кто заезжает.

– Путники, – спокойно солгал Родрик, бросив на Элиана короткий, предупреждающий взгляд, когда тот приоткрыл рот. – Отец и сын. Едем на север, к родне. Попали в засаду на тракте. Сын ранен, лихорадит. Нам бы только до утра дотянуть.

Женщина помолчала, изучая их лица. Видимо, искренняя слабость принца и суровая уверенность мага убедили её лучше любых слов.

– Разбойники нынче обнаглели... – вздохнула она наконец и опустила ковш. – Да и не только они... Проходите в таверну, что у колодца. Там тепло есть. Вода найдётся и тряпки чистые. Денег не надо. Сейчас не до них.

Родрик молча кивнул в знак благодарности. Он ловко спрыгнул на землю, затем протянул руки и помог Элиану спуститься. Принц едва устоял на ногах; колени подогнулись так сильно, что если бы не маг, подхвативший его под локоть и принявший на себя основную тяжесть его тела, он бы рухнул прямо в грязь. Женщина, видя это, молча повела их через улицу к низкому, приземистому зданию таверны.

Внутри пахло дымом, вареным зерном, сушёными травами и сыростью. Было тихо и уютно, контрастируя с мертвым холодом снаружи. Хозяйка усадила Элиана на скамью у стены, принесла кувшин с водой и стопку чистых полотенец.

Пока Родрик осторожно снимал пропитавшуюся кровью повязку с груди принца и промывал рану холодной водой, Элиан, пересиливая боль, прислушался к голосам в углу. Там, у очага, сидели трое стариков. Говорили негромко, то и дело оглядываясь на дверь, но в пустой таверне каждое слово было слышно четко.

– ...видел их сегодня утром, у старого кургана... – шептал один, сторбленный дед с узловатыми, трясущимися руками. – Твари проклятые! Везде рыщут. Ни днем покоя, ни ночью. Глаза горят, словно угли в золе.

– Урги? – лениво переспросил второй старик и сплюнул прямо в огонь.

– А кто ещё? – первый перекрестился, пальцы дрожали. – Они на мертвых псах ездят.

Элиан замер. Холод пробежал по спине.

– На мертвых псах? — вырвалось у него, и он тут же прикусил язык.

Хозяйка, ставившая на стол котелок с похлёбкой, вздрогнула. Обернулась, села напротив, вытирая руки о передник. В ее глазах плескался тот же ужас.

– Я сама не видела, слава богам, – призналась она тихо. – Но мужики ходили смотреть. Вернулись бледные. Говорят, псы те... дохлые. Шерсть клочьями, под ней гнилое мясо. Из пасти черная жижа капает, глазниц нет – пустые дыры.. А бегают быстрее живых. И урги на них... – она передернула плечами. – Страшные. Вонючие. Сторбленные, руки до земли свисают. Лбы плоские, уши – во какие. – Она развела руки, показывая размер с человеческую голову. – Рыщут. Что-то ищут.

Элиана затошнило.

– Кого они могут искать в такой глуши? – пробормотал он.

– Кто ж их знает, – женщина махнула рукой. жест вышел безнадежным. – Может, беглых. Может, просто грабят. Но наши в лес теперь ни ногой. Говорят, они там стаями рыщут. И если найдут кого... лучше бы тому сразу умереть.

– Давно они здесь? – спросил Родрик.

– С неделю, поди, – ответила хозяйка. – Как большая битва была на юге, слухи пошли, а потом и сами объявились. Сначала одиночки, а теперь всё больше. Будто их кто-то созывает.

Элиан медленно перевёл взгляд на магистра. Родрик сидел неподвижно, заканчивая перевязку, но мышцы на его скулах ходуном ходили.

– Хозяйка, – сказал маг, поднимаясь. – Мы переночуем. На рассвете двинемся дальше. Сколько с нас?

– Да ладно, – женщина отвела взгляд. – Заплатите, сколько сможете. У нас тут не постоялый двор, а последнее пристанище. Главное – выживите до утра.

Она вышла, оставив их одних в полумраке. Элиан повернулся к Родрику и тихо спросил:

– Они ищут нас?

Родрик посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

– Не знаю, мальчик. Но если да, то нам надо торопиться.

Он подошел к узкому окну, осторожно отдернул край занавески и выглянул на улицу. Ветер усиливался, гоня по дороге пыль. Где-то вдали, за околицей, послышался протяжный вой.

– Сегодня отдыхаем, – сказал Родрик, не оборачиваясь. – Завтра с рассветом выезжаем.

Элиан кивнул. Страх и усталость сдавили грудь, мешая дышать.

Финн.

Два дня прошло с тех пор, как Кaleb и Лиана ушли в лес. Три дня замок задыхался в собственном страхе, и знакомые каменные коридоры стали чужими, словно сам воздух пропитался ядом.

Воздух стал тяжелым, вязким, пропитанным запахом сырости и чем-то сладковато-гнилостным, напоминающим аромат увядших лилий, оставленных на солнце. Этот смрад въедался в одежду, в волосы, в кожу, и его не могли перебить даже самые крепкие благовония, которые слуги жгли в каждом углу. Люди шептались по темным нишам, крестились при виде собственных теней, прыгающих на стенах от факельного света, и старались не ходить по коридорам после заката, боясь, что тьма сама протянет к ним руки.

Финн сидел в холодной темной нише под широкой парадной лестницей, ведущей в малый советский зал. Место, где обычно держали метлы и ведра, стало его клеткой. Его руки были скованы ржавыми, грубыми кандалами, цепь которых была намертво прибита к сырой стене. Запястья уже стертые в кровь, кожа содрана до мяса, и каждое движение отдавалось острой, пульсирующей болью. Ноги затекли так, что он едва чувствовал пальцы, а холод от каменного пола проникал сквозь тонкую ткань штанов, заставляя зубы стучать в неудержимой дрожи.

Его арестовали сразу после отъезда Калеба. Кто-то донес, что Финн видел принца последним перед битвой и якобы «помог ему исчезнуть», открыв тайный ход. Это было абсурдом: Финн был простым стражником, он даже не знал, где находятся тайные ходы, если они вообще существовали. Но в атмосфере всеобщей паранойи этого хватило. Теперь он был не верным солдатом, а грязным куском мяса, которого забыли выпустить, но и не казнили сразу. Его оставили гнить здесь, как ненужную тряпку, пока за толстыми дубовыми дверями над его головой решали судьбу королевства.

Финн прижался щекой к холодному камню, стараясь не дышать. Ему казалось, что если он вдохнет слишком глубоко, звук эхом разнесется по вентиляции и его услышат. Он сжался в комок, пытаясь согреться, и чувствуя, как по спине ползут мурашки. Страх был липким, тошнотворным комом в горле. Он боялся темноты. Боялся крыс, шуршащих где-то рядом. Боялся шагов наверху.

Но у этой унижительной темницы было одно критическое преимущество, о котором никто не подумал, бросая его сюда: старая чугунная решетка вентиляции, ведущая прямо в пол советского зала, была частично разрушена временем. Сквозь щели в полу, скрытые ковром и тенью лестницы, Финн слышал каждое слово, каждый скрип стула, каждый испуганный вздох. Это было его единственным окном в мир, его единственным оружием, хотя использовать его он не мог. Он мог только слушать.

– Где новости от Калеба? – голос лорда Стефана дрожал. Перо нервно скрипнуло по пергаменту и с шумом упало на стол. – Три дня! Ни гонца, ни знака, ни ворона! Что если они погибли? Что если этот маг... этот Родрик уже убил принца и теперь ведет армию мертвецов прямо к нашим воротам?

Финн зажмурился, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, мешая дышать. *«Кaleb жив, – мысленно молил он, сжимая окровавленные запястья так. – Пожалуйста, пусть он будет жив. И Лиана тоже. Они сильные. Они не могут погибнуть вот так просто. Не сейчас. Не когда я здесь один».*

– Кaleb жив, – отрезала леди Морган. Ее голос звучал холодно и четко, без единой нотки сомнения. – Если бы он погиб, Варик, который командует авангардом, прислал бы кого-то из людей обратно хотя бы с докладом. Они просто углубились в чашу. Следы ведут далеко на север, это очевидно для любого следопыта.

– А если Варик тоже мертв? – Стефан почти всхлипнул, в голосе его проступила какая-то детская, истеричная беспомощность. – Мы остались одни, Морган! Поймите же вы наконец! Король при смерти. Наследник пропал. Приемная дочь сбежала с отрядом, нарушив прямой приказ. Кто будет править, когда... если король умрет сегодня ночью? Кто подпишет указы? Кто отдаст приказ стрелять?

В зале повисла тяжелая, удушающая тишина. Финна пробрал ледяной холодок, захотелось завывать. *«Они уже хоронят короля, – понял он с ужасом, и желудок свело. – Не ждут чуда. Готовятся делить трон, пока тело еще теплое. А меня... меня просто забудут. Или хуже».*

Он закрыл лицо грязными, дрожащими руками и тихо, чтобы никто не услышал, заплакал.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В зал вбежал молодой лекарь, помощник магистра Эдвина.

– Милорды! – задыхался он, хватая ртом воздух. – Там... в покоях его величества... стало хуже! Гораздо хуже!

Стул с шумом опрокинулся. Послышались быстрые шаги.

– Что случилось? Говори четко! – голос магистра Эдвина прозвучал резко. – Тьма прорвалась через защитный круг?

– Она... она движется, милорд, – прошептал лекарь. Слова эхом отдались в ушах Финна, заставляя кровь стечь в жилах. – Раньше она была только под кроватью. Сегодня утром заполнила половину спальни. А сейчас... сейчас она ползет по стенам. Черная, густая, как смола. От нее идет холод, который пробивает до костей. Слуга, который пытался убрать сосуд с водой... тень коснулась его руки. Просто коснулась!

– И что со слугой? – спросила леди Морган.

Лекарь сглотнул.

– Он упал, миледи. Глаза закатились, зрачки расширились полностью. Из рта идет черная пена. Он бредит. Кричит, что видит армию мертвецов у ворот.

Бренн ударил кулаком по стене.

– Нужно баррикадировать покои короля. Выставить двойной караул. Никого не впускать и не выпускать!

– Поздно, Бренн, – тихо сказал магистр Эдвин и в его голосе слышалась безнадежность. – Я пробовал наложить защитные руны на двери и окна. Они гаснут мгновенно, словно их кто-то высасывает. Сила, что питает проклятие, – не снаружи. Она внутри замка. Кто-то подпитывает ее. Направляет тьму прямо к королю.

Финн замер. *«Предатель внутри. И он сейчас в этом зале».*

– Кто-то из нас? – прошипел лорд Стефан, отодвигаясь от стола и с подозрением оглядывая остальных. – Или кто-то из стражи? Бренн, твои люди проверяли всех?

– Мои люди верны короне! – рявкнул комендант. – Они проходят проверку кровью и клятвой! Но если среди них есть предатель с такой магией, мои мечи бессильны. Железом тени не рубят.

– Нам нужен новый лидер, – произнесла леди Морган холодно и расчетливо. – Кaleb ушел и пропал. Король не может править. Совет должен взять ответственность на себя прямо сейчас. Иначе к утру начнется бунт, или тьма поглотит нас всех.

– Ты предлагаешь узурпировать власть? – Стефан побледнел, пальцы нервно забегали по перстню. – Это государственная измена, Морган!

– Я предлагаю выжить, лорд Стефан, – парировала она. – Пока мы спорим о законах, враг действует. Нужно закрыть ворота. Объявить осадное положение. Ввести комендантский час. И найти предателя, пока он не открыл двери тем, кто ждет снаружи. Кто-то должен отдавать приказы. Прямо сейчас.

Финн рванул цепи в последний раз, изо всех сил, пока мышцы не закричали от боли, а запястья не покрылись новой порцией липкой теплой крови. Металл даже не дрогнул. Ржавчина лишь немного осыпалась, оставив красные следы на его коже. Он обессиленно сполз на холодный камень, тяжело дышав.

Он один. Без оружия. Без союзников. Даже если он вырвется – куда идти? В коридоре первый же стражник может оказаться предателем. Убьет через секунду. И никто не узнает того, что услышал Финн. Правда умрет здесь, в этой сырой норе.

– Глупо, – прошептал он в темноту, прижимая окровавленные руки к груди. – Бежать сейчас – значит умереть впустую. Стать еще одним трупом.

Голоса наверху стихли. Послышались шаркающие шаги, скрип дверей. Дверь зала совета захлопнулась с тяжелым гулом, отрезав свет, звуки, надежду. В «темнице» снова воцарилась абсолютная тишина, и только монотонное капанье воды где-то в глубине да собственное бешеное сердцебиение Финна нарушали ее.

Финн слушал эту тишину. Теперь это было его единственным оружием. Он закрыл глаза, восстанавливая в памяти каждое слово.

– Я не сбегу, – тихо сказал он себе, вытирая кровь о грязную рубаху. – Я буду ждать. Я буду слушать.

Он подтянул колени к подбородку, стараясь согреться, и закрыл глаза. Больше не дергал цепи. Финн превратился в тень, в незаметного наблюдателя в самой гуще гниения, которое разъедало замок изнутри. Война началась не на полях сражений, а здесь, в тишине темницы, и его битва была только в терпении.

Глава 4

Лиана

Хижина оказалась тем, чего они боялись, – ловушкой для надежды. Дверь жалобно скрипнула, когда Калев толкнул ее плечом. Внутри ворвался серый сырой свет осеннего дня. Пустота. Брошенные на полу шкуры, остывшая печь, пара окровавленных тряпок в углу. Воздух пах сыростью и давно ушедшим теплом.

Элиана и магистра Родрика здесь не было. И не было уже несколько часов.

Калев застыл посреди этого запустения, медленно сжимая и разжимая кулаки. Лиана смотрела на его спину. Широкие плечи, всегда такие прямые, сейчас поникли. Он провел ладонью по лицу, устало потер переносицу, разглаживая морщины, которые за последние сутки врезались глубже.

Когда он наконец повернулся, Лиана увидела в его глазах такую усталость, что захотелось отступить. Не от страха. От боли. Хотелось кричать, трясти его за воротник, требовать ответов, но вид его беспомощности связал язык узлом.

– Ну вот и все, – тихо сказал он, выходя из хижины. – Был уговор, Лиана. Я провожу тебя обратно в замок под охраной, а сам вернусь искать.

Лиана фыркнула, даже не пытаясь скрыть раздражения.

– Черта с два я вернусь обратно, Калев. Забудь об этом. Я отправляюсь с вами.

Она шагнула к коню, легко взлетела в седло. Ноги сами нашли стремяна, пальцы привычно сжали поводья. Ветер тут же подхватил выбившиеся пряди, хлестнул по лицу холодной влагой.

Калев шагнул следом, схватил лошадь под уздцы.

– Лиана, ты не понимаешь, – прорычал он. – Это опасно. Мы идём в неизвестность. Можем погибнуть все. Кто тогда будет править, если падет последний оплот короны?

Укол был точным и болезненным. Лиана выпрямилась в седле, чувствуя, как внутри закипает знакомая злость.

– Ах, вот оно что, – протянула она язвительно. – Ты так переживаешь за меня, потому что я следующая в очереди на престол? – Она фыркнула, и в глазах блеснули опасные огоньки. – Не бойся, советник. Если я умру, трон не рухнет. Мир не перевернется от смерти какой-то приемной дочери. Так что отпусти поводья.

Лицо Калева изменилось. Маска усталости слетела, обнажив растерянность и боль. Словно она не ударила словами, а всадила нож в открытую рану и провернула.

– Лиана... – он покачал головой, голос стал тихим, почти умоляющим. – Ты не так поняла. Я не хотел сказать... Боги, я не это имел в виду.

– Все ты хотел, – отрезала она и рванула поводья. Лошадь взвилась на дыбы, взметнув комья грязи. – Хватит слов. Где твои следопыты? Пусть ищут след, пока не остыл. У нас нет времени на дипломатические реверансы.

Она ударила пятками в бока коня. Животное рванулось вперед, но Калев не отпустил поводья. Шагнул следом, сапог увяз в грязи, и одним резким движением натянул поводья, разворачивая лошадь, заставляя ее замереть на месте. Он стоял и смотрел на нее снизу вверх. Его рука, грубая, в шрамах, в мозолях, сжимала кожу так, будто от этого зависела его жизнь. Лиана смотрела на эти пальцы, на напряженные мышцы предплечья – и где-то глубоко в животе разливался странный, тягучий жар. Она медленно перевела взгляд выше. На его лицо. На глаза, которые смотрели так, как будто он видел ее в последний раз.

Воздух между ними стал плотным, почти осязаемым. Можно было протянуть руку и коснуться – но она не смела.

– Лиана, остановись, – тихо сказал он.

Ветер шевелил его темные волосы, падающие на лоб. Лиана смотрела на его лицо: резкие скулы, упрямую морщину между бровей, темные глаза, в которых сейчас не было ничего, кроме нежности. Рука дрогнула. Хотелось коснуться его щеки, провести пальцами по этой вечной складке. Но она лишь крепче сжала поводья.

– Я волнуюсь за тебя, – прошептал Кaleb.

Горло сжалось. Бравада, злость, колючая обида – все это испарилось, оставив только правду, которую она прятала даже от самой себя.

– Прости, – прошептала она. – Я не могу бросить брата. Я должна.

Кaleb молчал. Секунду. Две. Изучал ее лицо, словно проверял, насколько серьезны ее слова. Потом медленно кивнул. Боль в его глазах не исчезла – она сменилась решимостью. Он отпустил узду, но взгляд ещё мгновение задержался на ее руках. Вздохнув, он коротко кивнул и вскочил на своего коня.

– Варик! – гаркнул Кaleb. – Ищем свежие следы двух всадников. Ушли на север-северо-восток.

Отряд зашевелился. Люди рассыпались по опушке, склоняясь к земле, трогая примятую траву.

– Нашли! – крикнул следопыт. – Вон к тому оврагу.

– В путь!

Лес тянулся бесконечно – серый, мокрый, равнодушный. Ветки хлестали по лицу, конь под Лианой то и дело оступался на прелых корнях, скрытых в опавшей листве. Тишина давила на уши так, что хотелось заорать, просто чтобы услышать себя. Отряд двигался уже четвертый час, и усталость нависла над людьми тяжёлым, липким облаком. Лошади фыркали и мотали головами, чутко реагируя на напряжение всадников, а следопыт Олрик то и дело спрыгивал с седла, чтобы взглядеться в примятую траву, потрогать землю и даже понюхать ее, после чего снова забирался в седло и молча кивал Калебу, указывая направление.

Он вел отряд уверенно, пока тропа не вывела их к поляне, окруженную густо заросшем кустарником.

– Милорд, – позвал Олрик неуверенно.

Кaleb подъехал ближе, а Лиана спешила, чувствуя неладное, и подошла к ним. Следы, которые они так тщательно отслеживали последние часы – глубокие отпечатки копыт коня Элиана и Родрика, – внезапно обрывались. Вернее, не обрывались, а растворялись в хаосе. Земля здесь была перепахана сотнями отпечатков, переплетенных в безумный узор. Круги, спирали, следы, идущие задом наперед. Будто здесь плясало стадо обезумевших зверей.

– Что за чертовщина? – пробормотал Варик, слезая с коня и хмуро оглядываясь.

– Что это? – спросила Лиана, и внутри у нее похолодело.

Олрик опустил на корточки, тронул пальцами глубокий отпечаток в грязи. Поднес пальцы к носу, понюхал. Его лицо мгновенно посерело, губы сжались в тонкую линию.

– Влажный, – сказал он хрипло. – Свежий. Не больше часа. И это... это не лошадь, милорд.

Кaleb спрыгнул с коня и подошел вплотную. Все смотрели на следы. Лиана переводила взгляд с одного лица на другое и везде видела одно и то же: нарастающую тревогу, которая сковывала движения.

– Что это? – повторила она, и голос прозвучал громче, чем хотелось, разрезая тишину.

– Следы похожи на волчьи, – подал голос Торвальд, нервно перебирая тетиву. – Но слишком крупные. И форма странная.

– Когти, – сказал Олрик, показывая на глубокие борозды, рассекающие грязь. – Не волчьи. У волков когти не так отпечатываются.

Лиана смотрела на эти следы, на глубокие вмятины, на рваные края земли, и где-то внутри, в самом тёмном углу сознания, уже знала ответ. Но не хотела его принимать.

– И куда нам дальше? – спросила она тихо.

Кaleb поднял на нее глаза. Она никогда не видела его растерянным. Он всегда знал, что делать. Всегда.

– Я не знаю, – честно признался он.

Лиана вдруг поняла, что больше не может стоять в стороне. Она подошла и взяла его за руку – сама не зная зачем. Кaleb посмотрел на нее, лицо чуть смягчилось, и провел ладонью по ее волосам – нежно, почти робко.

– Мы найдем его, Лиана. Я обещаю.

У нее защипало глаза. Хотелось прижаться к нему, уткнуться лицом в плечо, закрыть глаза и просто не видеть всего этого ужаса. Она почти сделала это – качнулась вперед, к его груди...

Хруст.

Звук был тихим и сухим – будто кто-то наступил на гнилую ветку справа. Все мгновенно замерли. Кaleb отдернул руку, и его взгляд стал острым, как лезвие.

– Тихо, – прошептал он, едва шевеля губами. – Всем молчать.

Хрусть-шурх.

Теперь звук донесся слева, ближе. Потом еще один прямо за спиной.

Лошади начали нервничать. Они фыркали, били копытами, прядали ушами, чувствуя то, чего еще не видели люди. Воздух изменился. Ветер принес новую волну запаха, и этот запах стал невыносимым: смесь гнилого мяса, нечистот и старой крови. Запах смерти, который нельзя ничем перебить.

– Это не ветер, – выдохнул Варик, вынимая меч из ножен.

Гвардейцы зашевелились, выхватывая оружие. Торвальд натягивал тетиву лука, руки его слегка дрожали. Олрик вскочил на лошадь, вскинув арбалет. Его гнедая кобыла всхрапнула, забила копытом, закрутилась на месте, пытаясь сбросить седока.

– По седлам! Живо! – рявкнул Кaleb, хватая Лиану за плечо и буквально закидывая в седло.

Она едва успела вдеть ногу в стремя, когда лес ожил. Сначала послышался треск веток, потом рык – тяжелый, утробный, от которого кровь стыла в жилах. А потом они вышли. Сначала из чащи выступили тени, а потом материализовались в кошмарную реальность.

Они окружили поляну плотным кольцом, отсекая путь к отступлению.

Урги.

Лиану затошнило.

Их было десятка два, не меньше и сидели они верхом на огромных псах, которые были страшнее любых волков. Псы были мертвы. Шерсть висела клочьями, обнажая гниющую плоть, глаза представляли собой пустые, сочащиеся черной жижой глазницы. Из пастей текла черная слюна, капала на землю, и там, куда падали эти капли, трава мгновенно вяла и чернела. Вонь стояла такая, что слезились глаза и хотелось зажать нос рукой.

Сами всадники были одеты в лохмотья, когда-то бывшие одеждой, но теперь ставшие частью их гниющей плоти. Руки неестественно длинные – локти почти касались земли. Лиана увидела поводья, которыми они правили псами, и внутри у нее все оборвалось. Поводья были сплетены из чего-то тонкого и темного. Она не сразу поняла, что это. А когда поняла – захотелось зажмуриться и не открывать глаза никогда. Кишки.

Плоские лысые головы с огромными, торчащими в стороны ушами медленно поворачивались к людям. Рты растягивались в жутких улыбках, обнажая ряды гнилых, черных зубов, которые громко стучали друг о друга. Щелк-щелк-щелк. Звук сотен стучащих зубов наполнил поляну. Он проникал в голову, сводил с ума, заставлял сжимать оружие мертвой хваткой.

– Боги... – выдохнул кто-то из гвардейцев, и в голосе его звякнул неподдельный ужас.

– Мечи наголо! – крикнул Калев, вырывая клинок из ножен. – Лиана, будь ближе ко мне!

Не отходи ни на шаг!

Она прижалась к его лошади, чувствуя, как дрожит ее собственный конь. Животное чуяло смерть. Пальцы сами нащупали рукоять меча, но она понимала – против этой нечисти железо может и не помочь.

Один из ургов, тот, что сидел на самом крупном псе в центре круга, наклонил голову, разглядывая людей. Его гнилые губы зашевелились, издавая странные гортанные звуки.

– Щх'аргат... кх'лем... ург'гаш... – прошипел он.

Лиана замерла. Воздух застрял в легких, превратившись в лед.

Она *поняла*.

Это было невозможно. Это было противоестественно. Она судорожно зажала рот обеими руками, чтобы не закричать. Глаза расширились так широко, что стало больно. Лиану затрясло так сильно, что зубы начали выбивать крошки.

– Он... – выдохнула она сквозь пальцы. – Он спрашивает... где Элиан.

Калев резко обернулся.

– Что? Откуда ты...

– Я не знаю! – Лиана отняла руки от лица. – Он спрашивает про Элиана, – повторила она уже громче. – Я... я понимаю их. Я не знаю откуда. Но я понимаю каждое слово.

Варик грязно выругался и осенил себя защитным жестом. Торвальд попятился, натягивая тетиву.

Ург засмеялся. Булькающий, мокрый звук, похожий на то, как захлебывается кровью умирающий. От этого смеха у Лианы похолодело внутри.

– Ты... – прохрипел он на общем языке, с трудом ворочая гнилым языком. – Ты... понимаешь... голос крови?

Лиана не ответила. Не могла. Горло сжалось так, что не вытолкнуть ни звука. Ург медленно поднял свою длинную руку, указывая прямо на нее.

– Тогда ты... последняя, – прошептал он.

И зарычал.

Всадники набросились на крайнего гвардейца. Два пса вцепились в его коня одновременно. Лошадь завизжала так, что у Лианы заложило уши. Черная кровь хлынула из разорванного горла, и конь рухнул, придавив собой всадника. Коррин успел выдернуть ногу из стремена, но псы уже были на нем. Лиана смотрела, как его разрывают на части, и не могла отвести взгляд. Кровь брызнула на землю, на гнилую шерсть псов, на лохмотья ургов. Один из них, тот, что сидел на псе, спрыгнул и, пока псы рвали тело, отрезал что-то и сунул в мешок.

Калев с ужасом оглянулся на Лиану. В его глазах был такой страх, что у нее сжалось сердце. Прошептав одними лишь губами «Я с тобой» он отвернулся, рубанув мечом по морде подскочившего пса. Тот даже не взвизгнул, лишь голова покатила по земле, а тело пробежало еще несколько шагов, прежде чем рухнуть.

– В круг! – заорал Калев. – Все в круг! Не дайте им разорвать строй!

Гвардейцы сомкнулись, выставив мечи. Торвальд пустил стрелу, и та вошла ургу прямо в грудь. Ни одного мускула не дрогнуло на его плоской морде. Просто выдернул стрелу и понюхав ее, отбросил в сторону.

– Их надо рубить! – крикнул Варик, рубанув по шее подскочившего пса. – Рубить, стрелы не берут!

Бой закипел. Калев рубился с двумя сразу. Один ург лез спереди с кривым тесаком, второй заходил сбоку, скаля гнилые зубы. Калев прикрывал ее собой, и Лиана видела, как его меч мелькает, как он успевает и отражать, и атаковать, и каждый раз бросает взгляд назад –

проверить, где она. Варик отбивался от урга с длинным кривым клинком. Тварь доставала его даже с расстояния, лезвие свистело в воздухе, и Варик едва успевал подставить меч.

Урги двигались странно. Дергано, неестественно, как куклы, у которых перерезали нитки. Но быстро. Очень быстро. Их длинные руки хлестали, как плети, доставая до всадников, даже не подъезжая вплотную. Мечи гвардейцев рубили гнилую плоть. Отрубленная рука упала на землю и продолжала ползти, скребя когтями траву. Пес с перебитым хребтом волочил заднюю часть туши, но все равно щелкал зубами, пытаясь дотянуться до ног лошади.

Еще трое людей погибли в первые минуты. Один упал под копыта, второй – прямо в пасть псу. Урги рвали глотки в первую очередь, и хрип обрывался, сменяясь влажным чавканьем.

Из двенадцати лучших бойцов к середине боя осталось семеро. Поляна устилалась трупами людей и лошадей, перемешанными с кусками разорванной нежити. Кровь смешалась с грязью в черную жижу, в которой вязли копыта.

Лиана вцепилась в рукоять меча. Она смотрела на Калеба, на Варику, на падающих гвардейцев. И вдруг поняла: они не переживут этот бой. Страх сжал горло, но где-то рядом со страхом, глубже, поднималось что-то другое – злость на ургов, на себя, на то, что она просто сидит в седле и ничего не делает. Она выдохнула, крепче сжала меч и выпрямилась.

Предводитель ургов снова поднял руку. Твари отступили на шаг, оставляя кровавый круг вокруг выживших. Они скалились, ждали. Из их гнилых пастей капала слюна, шипя на горячей от боя земле. А потом вдруг вдалеке, за пределами поляны, послышался вой. Протяжный, леденящий душу вой сотен глоток. Он нарастал, приближался, заставлял кровь стыть в жилах.

Кaleb оглядел своих людей. Измотаны, в крови, лошади еле держались на ногах. У одного гвардейца не хватало руки, он прижимал культю к груди и шатался в седле.

– Варик! – крикнул Калеб, перекрикивая вой. – Мы не удержим позицию!

Капитан с разрубленным плечом кивнул, сплюнул кровь на землю.

– Бежим! – заорал Варик. – Все за мной! Живо!

Они рванули с места. Лиана вцепилась в гриву коня, прижалась к его шее, моля всех богов, чтобы он не споткнулся. Животные, чувствуя смертельный страх хозяев, перепрыгивали через трупы, не разбирая дороги. Калеб летел впереди, рубанул мечом первого урга, который попался под руку, и они проломилась кольцо.

Урги с визгом бросились в погоню. Лиана не оглядывалась – не могла. Позади слышался тяжелый ритмичный топот, он нарастал, приближался, и от этого хотелось кричать.

– Быстрее! – кричал Калеб, оглядываясь на нее. – Лиана, быстрее!

Ветки хлестали по лицу, сдирая кожу. Легкие горели огнем. Лиана пригибалась к шее коня, слыша за спиной тяжелое дыхание мертвых псов.

– Я стараюсь! – кричала она в ответ, но конь спотыкался на корнях, терял скорость, силы покидали его. Она чувствовала, как под ней вздрагивает каждое копыто, как сердце животного колотится где-то между ее ног.

– Лиана! Прошу! Не отставай!

Такого отчаяния в его голосе она не слышала никогда.

Лес несся мимо размытым серым пятном. Они летели вслепую, не разбирая дороги, лишь бы уйти от клыков и когтей. Направление потерялось. Они мчались не туда, куда ушел Элиан. Они мчались в неизвестность, прочь от цели, спасая свои жизни.

Впереди земля вдруг оборвалась. Река, раздуваясь от дождей, ревела внизу. Черная, бурная, с белыми гребнями пены, которые взлетали на метр. Берег был крутым, почти отвесным обрывом. Глинистый склон сползал вниз, осыпаясь под копытами.

– Стой! – закричал Варик. – Обрыв!

Лошади заржали, затормозили всеми копытами, высекая искры из камней. Но было поздно. Земля уходила из-под ног. Глина поползла, осыпаясь вниз, увлекая за собой людей и животных.

– Прыгаем! – крикнул Калев, оборачиваясь к Лиане. Его глаза были полны ужаса. – Лиана, прыгай!

Она обернулась – урги вылетали из леса, их было еще больше. А потом копыта потеряли опору, и мир перевернулся.

Падение длилось вечность. Небо и река поменялись местами, деревья пролетели вверх, земля ушла из-под ног. Крик застрял в горле, воздух вышибло, не давая выдохнуть. Удар о воду выбил остатки дыхания. Лиана увидела, как фигура Калеба вместе с конем исчезла в белой пене. Конь захрипел, ударил копытами в воздух и пропал, а Калев держался за гриву, но течение рвануло его в сторону, оторвало от седла.

Ледяные иглы вонзились в кожу, в мышцы, в кости. Она погружалась все глубже, вода заливалась в уши, в нос, в рот, сковывала движения, тянула вниз, в черную глубину, где не было света. Открыла рот, чтобы закричать, но вместо крика вырвались пузыри воздуха.

И вдруг кто-то схватил ее за руку. Сильные пальцы сжали запястье до боли, рванули вверх. Она вынырнула, захлебываясь, кашляя, хватая воздух широко открытым ртом. Вода текла из носа, из глаз, из ушей.

Это был Калев. Бледный, с разбитой губой, из которой текла кровь, смешиваясь с речной водой. Он тяжело дышал, но его рука все еще сжимала ее запястье.

– Я держу тебя, – прохрипел он. – Я держу.

Глава 5

Элиан

День выдался серым и бесконечным. Бескрайние равнины, где ветер гнал сухую пыль, остались позади. Теперь дорогу преграждали редкие, пригнувшиеся к земле перелески. Деревья здесь были корявыми, искривленными вечной борьбой с северным ветром. К вечеру небо затянуло свинцовой пеленой. Ветер переменялся: он больше не дул в лицо, а бил сбоку, сухой, колючий, несущий запах приближающейся зимы и прелой листвы. В каждом порыве чувствовалось ледяное дыхание севера.

Родрик выбрал место для ночлега под нависшими лапами старых сосен. Кроны деревьев сплелись так плотно, что образовали естественный шатер, защищающий от ветра лучше любой палатки. Элиан слез с коня, и ноги тут же подкосились. Он едва устоял, опираясь на седло. Колени дрожали от напряжения, спина ныла тупой, ноющей болью, а рана под мокрой, пропитавшейся кровью повязкой пульсировала в такт сердцу, напоминая о себе каждым ударом.

– Садись, – Родрик кивнул на ствол поваленного дерева, укрытый мхом. – Отдохни. Сейчас разожгу огонь.

Элиан опустил на дерево, и тепло понемногу начало возвращаться в окоченевшее тело. Он смотрел, как маг собирает сухие ветки и хворост. Родрик выпрямился, протянул руку над кучей дров и замер, сосредоточился. Через мгновение между его ладонями вспыхнул маленький живой огонек – тёплый, золотистый, совсем не похожий на обычное пламя. Он плавно опустил на сухие ветки, и те мгновенно занялись ярким жарким костром, разгоняя сумерки.

– Каково это? – спросил Элиан, не отрывая взгляда от пляшущих языков пламени. Голос звучал тихо, почти робко. – Быть магом?

Родрик замер, обдумывая ответ. Потом медленно опустил на землю напротив, расстилая дорожную суму.

– Почему ты спросил об этом именно сейчас? – он удивленно поднял бровь, доставая хлеб и кусок вяленого мяса. – Раньше тебя это не занимало.

– Не знаю, – Элиан пожал плечами, принимая еду. – Раньше как-то не задумывался. Ну, маг ты и маг. Что такого? Магия была просто частью мира, как дождь или ветер. А сейчас... – он помолчал, глядя на искры, улетающие в темноту. – Сейчас стало интересно. Хочется понять, как это работает.

– А что изменилось? – Родрик отломил кусок хлеба, задумчиво посмотрел на огонь, потом перевёл взгляд на ученика.

Элиан посмотрел на свои руки. Грязные, в ссадинах и царапинах, с въевшейся под ногти черной землей.

– Я повзрослел, наверное, – тихо ответил он. – Понял, что мир больше, чем стены замка. И что я в нём меньше, чем думал.

Родрик усмехнулся, но улыбка вышла грустной.

– Я не знаю, как тебе это объяснить. Я родился таким. Магия во мне как дыхание. Иногда тяжелая, иногда легкая. Но она всегда со мной.

Элиан поднял голову и посмотрел в темнеющее небо, где уже пробивались первые звезды.

– А каково это? – вдруг спросил Родрик. – Быть обычным человеком? Без магии?

Элиан задумался. Вопрос застал его врасплох. Он смотрел на огонь, на искры, которые взлетали в темноту и гасли, не долетев до звезд.

– Это значит... – он помолчал, подбирая слова. – Чувствовать себя пустым.

– Пустым? – Родрик поднял бровь.

– Да. Как кувшин, который забыли наполнить на большом пиру. Вокруг все пьют, веселятся, чувствуют вкус жизни. А ты стоишь в стороне с пустыми руками. Смотришь на них. И тебе грустно. Не потому, что завидуешь, а потому что чувствуешь: чего-то важного тебе не дали. Не знаю, глупо звучит.

– Нисколько не глупо, – Родрик покачал головой. Его взгляд стал теплее. – И знаешь, я не считаю тебя пустым, Элиан. Ни капли.

Принц поднял на него глаза, удивлённый.

– В тебе течет другая магия, – продолжил маг, наклоняясь вперед. – Может, не такая яркая, как огонь в моих руках. Но она есть. Из отваги, упрямства, терпения. И добра. Настоящего.

– Добра? – Элиан фыркнул, хотя в уголках губ дрогнула улыбка. – Это не магия. Это просто быть хорошим человеком.

– Это самая сильная магия, мальчик. Просто ты этого еще не понял.

Элиан помолчал, потом посмотрел на Родрика с внезапной серьезностью.

– Я хочу быть таким же великим, как ты, – сказал он твердо. – Научи меня.

Родрик рассмеялся, коротко и тепло.

– Как я? Элиан, есть маги куда более великие. Ты бы видел, на что способен Верховный Архимаг Ордена в молодости. Я рядом с ним – слабая свеча против огромного костра.

– Но ты силен, – настаивал принц. – Я видел.

Родрик посмотрел на него долго. В этом взгляде было и сожаление, и гордость.

– Научить тебя магии? – переспросил он тихо.

– Да! – Элиан подался вперед, глаза блестели. – Я готов. Я буду стараться.

– Мой принц... – Родрик вздохнул и развел руками. – Это не работает так. Нельзя просто захотеть и стать магом.

– А как? – Элиан нахмурился, сжимая кулаки. – Как ими становятся? Чему учиться?

– Ими рождаются, – просто сказал Родрик. – Прости. Так устроен мир. Дар либо есть, либо нет.

– Это нечестно, – Элиан отвернулся и пнул подвернувшийся сучок. – Почему кому-то все, а кому-то ничего?

Родрик посмотрел на его обиженный профиль, на сжатые губы и вдруг улыбнулся. Хитро, по-доброму.

– Иди сюда.

Элиан повернулся, не понимая.

– Что?

– Подойди ближе. К огню.

Элиан подсел, почти касаясь плечом магистра. Тепло обжигало лицо. Родрик протянул руку к пламени и огонь потянулся к его ладони, облизывая кожу, но не жег. Казалось, пламя узнало хозяина.

– Закрой глаза, – сказал Родрик. Голос стал тише, ровнее. – И представь.

– Что представить? – пробормотал Элиан, зажмуриваясь.

– Огонь. Не тот, что перед тобой. А его суть. Его сердце.

Элиан наморщил лоб, стараясь сосредоточиться.

– Представь, что чувствуешь его тепло, – продолжал Родрик. – Но не снаружи, на коже. А внутри. В груди. Что оно разливается по телу, как горячее вино. По рукам, по ногам. Что каждая твоя клетка дышит жаром. Что ты и огонь – одно целое.

Элиан старался. Он правда старался. Он представлял жар, свет, тепло. Но за закрытыми веками была только темнота.

– Ты становишься огнем, – голос мага звучал рядом. – Твоя кожа чувствует его. Он мягкий, как шелк, но острый, как бритва. Он живой. Он течет по твоим жилам вместо крови. Он наполняет силой. Чувствуешь?

Прошла минута. Другая. Ничего. Только привычное тепло костра грело лицо. А внутри было пусто и холодно. Никакого единства. Никакой магии.

Элиан открыл глаза и тяжело вздохнул.

– Нет, – прошептал он. – Ничего. Пустота.

Родрик убрал руку от огня. Пламя сразу стало обычным, перестало тянуться к нему. Маг положил ладонь на плечо принца, крепко сжал.

– Не грусти. То, что ты не чувствуешь мою магию, не значит, что в тебе нет своей. У каждого свой дар. Ты еще покажешь всем, на что способен. Может, даже больше, чем любой маг.

Элиан вздохнул, провел рукой по лицу. Но через секунду в глазах снова загорелся тот озорной огонек, который Родрик так любил.

– Ладно, – сказал принц, выпрямляясь. – Если не магия, будет другое. Я стану великим лучником. Таким, какого мир еще не видел. Буду метким настолько, что стрела полетит туда, куда я посмотрю. Быстрее ветра.

– Ты уже такой, – усмехнулся Родрик, подмигнув. – Вспомни ту мишень на последней тренировке. Все говорили: попасть в то маленькое яблочко с такого расстояния невозможно. Ветер сбивал любую стрелу. А ты даже не прицелился толком. Просто выпустил тетиву и попал. С первого раза.

Элиан впервые за вечер искренне усмехнулся, лицо посветлело.

– Ну, может, просто повезло.

– Нет, это было не везение, – поправил магистр строго, но с теплотой. – Это мастерство. А мастерство, Элиан, это тоже магия. Только человеческая. Заработанная потом и трудом. А помнишь прошлый турнир? Когда ты выбил девяносто девять очков из ста?

– Сто, – гордо поправил Элиан, вскидывая подбородок. – Я выбил сто. Все десять стрел в десятку.

– Врешь, – рассмеялся Родрик.

– Ни капли не вру! – Элиан даже привстал, возмущенный. – Я выбил идеальную сотню. Просто судьи были подкуплены соперником, вот и искали, к чему придраться.

Родрик фыркнул, качая головой.

– И в кого ты такой наглый? Кто тебя этому научил?

– В отца, – Элиан улыбнулся, но улыбка быстро погасла, стала мягче, грустнее. – Наверное.

Они замолчали. Оба думали об одном – о короле, оставшемся далеко позади. Костер потрескивал, выбрасывая в небо снопы искр, которые смешивались со звездами. Они доели ужин в тишине, слушая только вой ветра в верхушках сосен да далекий тревожный крик ночной птицы.

Элиан укутался в тяжелые шкуры. Тепло огня и усталость брали свое. Веки сами сомкнулись, и он почти мгновенно провалился в глубокий сон. Единственный покой, доступный сейчас в этом жестоком мире.

Утро встретило их резким холодом. Огонь догорел, только тонкая струйка серого дыма поднималась в бледно-голубое небо. Трава покрылась серебристым инеем, хрустящим под ногами. Солнце уже взошло, но света давало мало.

Родрик уже был на ногах. Он аккуратно складывал вещи, проверял подпруги на седле, держав в руках небольшой сверток. Увидев, что Элиан проснулся и потирает замёрзшее лицо, маг подошёл и протянул ему хлеб и флягу с теплой водой.

– Ешь, – сказал он. – Чем ближе к Северу, тем холоднее. Этот иней – только начало. Нужно добыть теплую одежду, иначе до земель лорда Хальдора не доберемся живыми. Идти еще далеко.

Элиан кивнул, наспех жуя хлеб. Холод пронизывал до костей, зубы стучали. Он сжал флягу в ладонях, пытаясь согреться.

– Холодно, – сказал он, возвращая воду. – Где возьмем одежду?

– Через день пути будет Гримсвик, – ответил Родрик, помогая ему подняться. – Портовый городок. Там можно купить тулупы и сапоги. Но помни уговор: никто не должен знать, кто мы и откуда. Ни слова о замке, ни слова о титулах. Слухи расползаются быстрее чумы. Если кто-то узнает, что принц жив и направляется на Север...

– Я помню, – перебил Элиан, дожевывая хлеб. – Я не дурак.

– Я знаю, – Родрик чуть смягчился. – Но напомнить обязан.

Элиан поднялся, отряхнул шкуры, подошел к коню. Забрался в седло, поморщившись от боли в боку.

– Сколько еще до твоего Хальдора?

– Дней пять, если повезет. Шесть, если нет.

– А если урги догонят?

Родрик посмотрел на юг, туда, где за горизонтом остался лес.

– Тогда мы узнаем об этом первыми.

Он тронул коня, и они поехали дальше на север, к замку Хальдора в Дорнхейме.

Калев.

Ледяная вода била в лицо, сбивала дыхание, крутила, швыряла о камни. Калев боролся с течением. Оно казалось живым, жаждущим утащить их на дно. Его пальцы до боли сжимали запястье Лианы. Она была без сознания, тело обмякло и стало тяжелым, как свинец.

– Держись! – прохрипел он, захлебываясь. – Только не отпускай!

Берег вынырнул из темноты неожиданно. Калев ударился ногами о скользкие валуны, пошатнулся, но устоял. Здесь вода была мельче, течение слабее. Он выполз первым, кашляя, выплевывая речную жижу, и сразу, собрав последние силы, рванул Лиану на себя, вытаскивая на сухие камни.

– Сюда! – крикнул кто-то сверху. – Милорд! Сюда!

Варик. Калев узнал бы этот голос из тысячи. Капитан стоял на коленях у кромки воды, протягивал руки. Калев почти дополз до него, волоком таща бесчувственную девушку, и рухнул рядом, не в силах больше двигаться.

– Милорд, – Варик подхватил его под мышки, помогая подняться. – Милорд, вы живы. Слава богам.

– Она... – Калев смотрел на Лиану, которая лежала на камнях неподвижно. Грудь не вздымалась. – Она дышит? Она дышит?

Варик склонился над ней, приложил два пальца к шее, замер на секунду, прислушиваясь, и выдохнул с облегчением:

– Дышит. Пульс есть, слабый, но есть.

Калев рывком подхватил Лиану на руки, прижимая ледяное тело к груди, и, шатаясь, побрел вверх по склону, подальше от воды. Ноги подкашивались, каждый шаг давался с трудом. Он чувствовал, как ее холод проникает сквозь мокрую одежду, как она тяжело висит на его руках.

– Осмотритесь! – приказал он, и голос прозвучал хрипло, но твердо. – По периметру. Проверьте, нет ли погони.

Паника, холодная и липкая, начала подступать к горлу. Ему было невыносимо холодно. Одежда превратилась в ледяную корку, ветер пронизывал до костей. Остальные тоже дрожали так, что зубы стучали, как барабанные палочки. Они были потеряны. Не знали, где находятся, сколько времени прошло, и главное – далеко ли позади остались урги.

– Лошади! – крикнул Кaleb, оглядываясь на реку. – Помогите тем, кто еще держится!

Двое гвардейцев бросились обратно к воде. Они помогли выбраться трем несчастным лошадям, которые чудом не утонули и цеплялись копытами за подводные камни. Животные дрожали, раздували ноздри, выдыхая клубы пара. Остальные кони исчезли в бурном потоке, унеся с собой большую часть припасов и оружия.

Кaleb опустил на землю, аккуратно укладывая Лиану. Она не двигалась. Лицо бледное, почти синее, мокрые рыжие волосы слиплись и лежали тяжелыми прядями на щеках. Он машинально убрал одну прядь дрожащими пальцами.

– Лиана, – позвал он, касаясь ее шеи.

Пульс был слабым, нитевидным, но бился. Жива.

– Надо разжечь огонь, – сказал он, обращаясь к своим людям. – Быстро.

– Милорд, – Олрик оглянулся на темную стену леса. – А если урги увидят дым? Если они спустились по берегу?

Кaleb резко развернулся к нему. В глазах плескалась ярость, смешанная со страхом за девушку.

– Сейчас наша главная проблема не урги, Олрик. А то, что мы замерзнем насмерть через час. Если не согреемся, нам будет все равно, кто придет за нами утром. Разводи огонь. Немедленно.

Он снова опустился на колени рядом с Лианой. Аккуратно, стараясь не причинить боли, снял с нее мокрый кожаный плащ и куртку. Ткань была тяжелой и ледяной. Он быстро отжал воду, насколько это было возможно, и снова укутал ее, плотно закрывая плечи. Затем сорвал с себя мокрый плащ, выжал его и набросил поверх, создавая дополнительный слой тепла.

– Ты согреешься, – шептал он, глядя ее ледяную щеку ладонью. – Я здесь, Лиана. Я с тобой. Пожалуйста, очнись. Не смей уходить.

Олрик, ловко работая кремнем, наконец высек искру. Сухой мох вспыхнул слабым огоньком, который жадно лизнул мелкие ветки. Через минуту уже весело потрескивал небольшой, но спасительный костер.

Кaleb кивнул, не сводя глаз с Лианы. Ее уложили на настил из веток, укрыли мокрой одеждой, и теперь она мелко дрожала. Дрожь – это хорошо, сказал бы врач. Значит, жива. Организм борется.

– Грейтесь, – тихо командовал он, хотя сам дрожал не меньше других. – Не давайте себе уснуть.

Неизвестно, сколько прошло времени. Кaleb потерял счет минутам. Он сидел, прислонившись спиной к большому камню, и держал голову Лианы у себя на коленях. Пальцы сами собой гладили ее мокрые спутанные волосы, распутывая пряди, убирая их с лица.

Варик сидел напротив, то и дело оглядываясь на лес, держа меч наготове. Торвальд и Олрик грелись у огня, стуча зубами и пытаясь согреть оочевенные руки над языками пламени.

Вдруг Лиана дернулась. Кaleb замер.

– Нет! – вскрикнула она, вскидывая руки. – Кaleb! Кaleb, помоги!

– Тише, тише, – он мягко прижал ее к себе, не давая вскочить. – Я здесь. Я рядом. Посмотри на меня. Все хорошо. Мы выбрались.

Лиана распахнула глаза. Дикие, полные ужаса. Она хватала ртом воздух, смотрела сквозь него, не узнавая.

– Кaleb... – прошептала она.

– Я здесь, – повторил он спокойнее. – Рядом. Ты в безопасности.

Она моргнула раз, другой. Взгляд постепенно прояснялся. Лиана огляделась: костёр, тёмный лес, мокрые дрожащие люди вокруг.

– Кaleb? – голос сел, сорвался на хрип. – Где мы? Что случилось?

– Упали с обрыва, – ответил Кaleb. Внутри все еще дрожало от облегчения, но голос держал ровно. – В реку. Течением унесло вниз. Но мы выбрались.

Лиана попыталась сесть, поморщилась от боли в боку и оперлась на его руку.

– И что нам делать теперь?

– Сначала обсохнуть и согреться, – сказал Кaleb, поправляя плащ на ее плечах. – А потом будем думать, куда идти дальше.

Лиана посмотрела на него. Нижняя губа предательски задрожала. Слезы навернулись на глаза, смешиваясь с речной водой на ресницах.

– Кaleb, мне страшно, – призналась она тихо. – Страшно за Элиана. Мы все дальше от него. А вдруг он уже... вдруг мы не успеем?

Она всхлипнула и закусил губу, пытаясь сдержать рыдания. Кaleb осторожно взял ее лицо в ладони, заставил посмотреть на себя.

– Послушай меня. Мы найдем его. Обязательно найдем. Но если судьба сложится иначе, если его больше нет, я обещаю тебе: ты останешься в живых. Я сделаю все, чтобы мы выбрались и вернулись. Ты слышишь меня?

Лиана смотрела в его глаза. Слезы текли по щекам ручьями.

– Но сначала найдем Элиана, – твердо сказала она, вытирая лицо рукавом.

– Но сначала найдем Элиана, – подтвердил Кaleb.

Он убрал руки. Лиана вытерла лицо, пытаясь унять дрожь. В этот момент Олрик, копавшийся в уцелевших сумках, вытащил промокший сверток и развернул его. Еды было катастрофически мало, но сейчас важно было просто почувствовать тепло в желудке. Из намоченных сумок, чудом уцелевших на спинах лошадей, достали немного вяленого мяса и пару плоских лепешек. Сумерки сгущались, превращая мир в серые силуэты. Олрик подкинул в огонь еще веток, и пламя взметнулось выше.

– Я подежурю первый, – сказал Варик, устраиваясь у края круга с мечом на коленях. – Спите. Все должны отдохнуть, пока есть возможность. Завтра будет тяжелый день.

Лиана устроилась поближе к огню, подтянув колени к груди. Она выглядела уставшей, сломленной, но живой. Кaleb сидел рядом, не отводя от нее взгляда. Он чувствовал странное тихое облегчение от того, что она дышит, что тепло её тела постепенно возвращается.

Лиана повернула голову и подняла на него глаза. Уголки губ дрогнули в слабой улыбке.

– Чего смотришь? – спросила она тихо.

Кaleb чуть смутился, но не отвёл взгляд.

– Думаю... – он помолчал. – Думаю, откуда в такой хрупкой девушке столько смелости.

– Я не хрупкая, – возразила Лиана, хотя голос звучал слабо.

– Хрупкая, – мягко сказал он. – Но сильная. Редкое сочетание.

– А может... – она повернулась к нему полностью, и в глазах блеснул тот самый огонек. – Может, я просто знаю, что ты меня не бросишь.

Кaleb почувствовал, как что-то теплое разлилось в груди, заглушая холод.

– Никогда, – тихо ответил он. – Пока дышу, не брошу.

Они помолчали, слушая треск огня и шум реки. Ветер усиливался, принося новые порывы холода, но у костра было уютно.

– Ложись, – сказал Кaleb. – Тебе нужно спать.

Лиана кивнула, повернулась на бок и придвинулась ближе к нему. Кaleb опустился рядом. Она осторожно прижалась спиной к его широкой спине, ища тепла.

– Так лучше, – прошептала она.

– Спи, Лиана, – ответил он, напрягая мышцы, готовый в любую секунду вскочить и защитить ее. – Я здесь. Я не уйду.

И пока она погружалась в беспокойный сон, Кaleb лежал неподвижно, глядя в темноту, чувствуя ее тепло у себя за спиной и понимая, что ради этого тепла он готов пройти через любой ад.

Глава 6

Финн.

Тишина в каморке под лестницей была хуже криков. В ней звенело собственное сердцебиение, отдаваясь тупой болью в стертых до мяса запястьях. Финн сидел, прижавшись спиной к холодной, сырой каменной стене. Прямо над головой, в потолке, тускло поблескивала ржавая вентиляционная решетка – она вела прямо в пол зала совета.

Он давно потерял счет времени. День? Два? Живот сводило от голода спазмами, горло пересохло так, что каждый глоток давался с трудом. Он слушал, как где-то в темноте шуршат крысы. И слушал голоса наверху. Зал совета жил своей жизнью, и эта жизнь, пробиваясь сквозь старую чугунную решетку, стала для Финна единственной нитью, связывающей его с миром.

За эти дни – или ночи? – он узнал больше, чем за всю свою службу в королевской гвардии.

Он знал, что лорд Стефан, казначей, боится темноты и велит зажигать в своих покоях семь свечей, потому что шесть якобы приносят несчастье. Что леди Морган пьет на ночь крепкую настойку полыни и бормочет во сне имена мертвых родственников. Что комендант Бренн втайне от всех послал гонца в соседний гарнизон за подмогой, но гонец не вернулся. Никто не спрашивал куда. Никто не хотел знать.

Но главное – Финн знал, что тьма в покоях короля становится сильнее.

– Защитный круг, что поставил маг из Совета, держится на честном слове, – донесся глухой голос лорда Стефана. – Эдвин говорит, еще пара дней – и круг исчезнет. А других магов такого уровня у нас нет.

– Были, – резко оборвала леди Морган. – Был Родрик.

Финн замер, прижимаясь.

– Что с тем слугой? – спросил кто-то. Кажется, Бренн.

– Дышит, – ответил Эдвин устало. – Но не приходит в себя. Он меняется. Кожа сереет, волосы выпадают. И от него пахнет землей. Сырой, могильной землей. Я приказал изолировать его в подвале Северной башни.

– Он опасен?

– Пока нет. Но если тьма внутри него пустит корни Не знаю, Бренн. Я такого раньше не видел.

Финн сглотнул. Кандалы на запястьях звякнули и он вздрогнул от неожиданности, замер, прислушиваясь. Не услышали ли? В зале совета продолжали говорить. Не услышали.

Вдруг замок содрогнулся.

Звук был не похож на гром. Он был низкий, вибрирующий. Гул, от которого задрожала пыль на полу каморки и посыпалась штукатурка с потолка. Крысы с визгом бросились враспынную и Финн прижался к стене, чувствуя, как вибрация проходит сквозь кости, заставляя зубы стучать.

Наверху, в зале совета, поднялась паника. Послышался грохот опрокинутых стульев, тяжелые шаги, крики.

– Что это?! – закричал Стефан, и в его голосе прорезалась истерика. – Землетрясение? Они ломают стены?

– Нет, – голос Эдвина дрогнул от благоговейного ужаса. – Это это невозможно.

Финн приник к решетке изо всех сил, рискуя порвать кожу на лице. Сквозь шум шагов и крики он услышал новый звук. Тяжёлый, ритмичный удар крыльев о камень. И рев. Протяжный, трубный звук, от которого кровь стыла в жилах. Звук, который не слышали в этих стенах десятилетиями.

Что-то огромное приземлилось на башню.

Дверь зала распахнулась с такой силой, что петли взвыли. В проеме возник силуэт женщины. Высокая, в дорожном, потрепанном плаще, с которого еще капала дождевая вода и осыпалась сажа.

– Прошу прощения за вторжение, милорды, – голос женщины был низким, с хрипотцой. – Но мне сказали, что у вас проблемы с магией. А у меня есть руки, пара свободных дней и Кракс, который начинает нервничать, если его долго не кормят врагами.

Она скинула капюшон. Темные волосы, острые скулы, серые глаза. В её улыбке было что-то хищное, ленивое, как у кошки, которая сыта, но все равно может цапнуть.

– Магистр Сибилла? – голос Эдвина дрогнул, в нем послышалось не то удивление, не то облегчение. – Вы вы же в Северном форпосте. Как вы? И где ваш зверь?

– Кракс остался на террасе, – коротко ответила женщина. – Ему тесно в ваших коридорах. Да и людям страшно смотреть на творение Высшей магии вблизи, когда они напуганы. Я летела быстро. Буквально.

– Что вы предлагаете, магистр? – спросила леди Морган настороженно. Появление новой сильной фигуры в момент кризиса могло означать что угодно – от спасения до переворота.

– Сначала – посмотреть на короля. Потом – на того, кого коснулась тень. И, – она сделала паузу, и голос ее стал чуть насмешливым, – на мальчишку, который сидит в темнице под нашими ногами и, судя по тому, как он затих, подслушивает каждый наш вздох.

У Финна сердце ухнуло в пятки. Он дернулся назад, ударившись затылком о стену, и кандалы предательски звякнули в тишине.

– Ваша решетка в полу, милорды, прохудилась, – продолжила Сибилла. – Если хотите сохранять тайны совета – почините. А пока прикажите привести его ко мне в малую трапезную.

Его вели коротким путем через черный ход для прислуги. Финн шурился от света факелов, непривычного после крошечной тьмы, и старался не спотыкаться. Запястья саднили, ноги подкашивались, но в груди колотилось странное, почти забытое чувство – надежда.

Малая трапезная оказалась небольшой комнатой с низким сводчатым потолком и длинным дубовым столом, за которым обычно обедали младшие офицеры стражи. Сейчас здесь было пусто и только у камина, спиной к двери, стояла женщина.

Она не обернулась на звук шагов. Продолжала смотреть на огонь, рядом с ней, на спинке массивного кресла, сидел грач. Огромный, черный, с маслянисто блестящими перьями. Птица повернула голову и уставилась на Финна круглым глазом-бусиной. В этом взгляде было что-то человеческое, умное и пугающее.

– Садись, – сказала женщина, не оборачиваясь.

Стражник, который привел Финна, подтолкнул его в спину и вышел, закрыв дверь.

Финн остался один на один с магом.

Она наконец повернулась.

Ей было лет двадцать семь, может, чуть больше. Темные волосы, гладко зачесанные назад и собранные в низкий узел. Острые скулы, прямой нос, тонкие губы. Серые глаза, почти прозрачные, смотрели спокойно и чуть насмешливо, но зрачки у них были узкие, вертикальные, как у кошки или змеи. Одета она была в простую темно-синюю мантию без украшений, перетянутую в талии широким кожаным поясом с металлическими бляхами, на которых были выгравированы руны.

– Я сказала: садись, – повторила она. Голос был ровным, без давления, но Финн вдруг понял, что спорить с этой женщиной не хочется. Совсем.

Он рухнул на ближайшую скамью.

– Имя?

– Финн, миледи.

– Я не миледи. Я магистр Сибилла. Для тебя – магистр, или госпожа, или просто Сибилла.

– Она подошла ближе, села напротив, положив руки на стол. Грач бесшумно перелетел ей на плечо и замер черной статуэткой.

– Ты служил у принца?

– Я был его стражником, госпожа. Тенью, как меня называли.

– Тенью. – Сибилла чуть усмехнулась. – Хорошая тень, которая упустила хозяина и теперь сидит в подвале.

Финн вспыхнул. Страх отступил, уступая место обиде.

– Я не упустил. Он ушел сам. Я не знал, куда он пойдет. Я только успел сказать магистру Родрику, потому что думал...

– Что Родрик его остановит, – закончила Сибилла. – Знаю. Твой капитан Варик уже доложил.

Она замолчала, разглядывая его тяжелым, почти осязаемым взглядом. Финну казалось, что она видит его насквозь. Всю его трусость, всю надежду, все мысли, которые метались в голове.

– Расскажи мне о Родрике, – сказала она наконец.

– Что рассказать?

– Все. Как он выглядел в последние дни. Что говорил. Куда ходил. С кем встречался. Ты был рядом с принцем, значит, был рядом и с ним. Говори.

И Финн заговорил.

Сначала сбивчиво, путаясь в деталях, боясь сказать лишнее. Но Сибилла слушала молча, не перебивая. Грач на ее плече слушал тоже, иногда издавая тихий булькающий звук, похожий на смех.

Финн рассказал, как Родрик в последнее время стал замкнутым. Как подолгу сидел в башне, никого не впуская. Как однажды, за день до битвы, принц хотел пойти к нему, но маг казался больным. Как в ночь побега Родрик был бледен и молчалив.

– Он боялся, госпожа, – выпалил Финн под конец. – Я тогда не понял, а теперь понимаю. Он не за себя боялся. Он боялся за принца. Он говорил, что в замке что здесь нечисто.

Сибилла подняла бровь.

– Нечисто? Его слова?

– Нет, это я так – Финн запнулся. – Он говорил, что короля отравили магией. Что это не болезнь. И что тот, кто это сделал, – внутри. Он просил меня молчать. Сказал, что если я кому скажу, принца убьют раньше, чем мы успеем глазом моргнуть.

В комнате повисла тишина. Сибилла смотрела на него долго. Очень долго. Потом медленно поднялась, подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы. За ними была ночь. Черная, беззвездная. Где-то далеко, на верхней террасе, снова проревел дракон.

– Ты веришь в судьбу, Финн? – спросила она вдруг.

– Не знаю, госпожа. Наверное, нет.

– Зря. Потому что сейчас твоя судьба висит на волоске. – Она повернулась к нему. В полумраке ее серые глаза блеснули багровым огнем. – Совет хочет твоей головы. Ты козел отпущения. Мальчишка, который не уследил за наследником.

Финн побледнел.

– Но я ничего не...

– Я знаю. – Сибилла перебила его без злости. – Именно поэтому ты сейчас разговариваешь со мной, а не висишь вниз головой над ямой с нечистотами в ожидании признания.

Она вернулась к столу, села на край, близко к нему. Финн чувствовал запах каких-то трав, сухих и горьковатых, смешанных с запахом паленой шерсти и серы.

– Я забираю тебя к себе, – сказала она просто. – Будешь жить в моей башне, помогать по хозяйству, бегать с поручениями. И, – она прищурилась, – слушать. Слушать все, что говорят люди в городе, в замке, на рынке. Ты будешь моими ушами, Финн. А я взамен подарю тебе жизнь.

Финн смотрел на нее, раскрыв рот.

– Но почему я? Я же ничего не умею. Я просто стражник.

– Потому что ты умеешь слушать, – ответила Сибилла. – И потому что ты предан принцу. Преданность – редкий товар в наше время, мальчик. Ее нельзя купить за золото. Ее можно только найти. Я нашла.

Она встала, поправила мантию. Грач на ее плече громко каркнул, словно подтверждая слова хозяйки.

– Завтра утром придешь в Северную башню. Спросишь меня. Стража пропустит. А сейчас иди ешь, мойся, спи. – Она кинула ему небольшой кошель, звякнувший монетами. – Купи себе приличную одежду. Нельзя, чтобы мои глаза и уши выглядели как оборванцы из сточной канавы.

Финн поймал кошель, все еще не веря.

– Госпожа – он встал, поклонился, не зная, как благодарить. – Я спасибо.

– Не благодари, – отрезала Сибилла, направляясь к двери. – Еще пожалеешь. Работа у меня, знаешь ли, не сахар.

У самого порога она остановилась и обернулась.

– И еще, Финн. Никому не верь. Ни леди Морган, ни лорду Стефану, ни даже магистру Эдвину. Здесь каждый – или дурак, или предатель. А многие – и то, и другое сразу. Понял?

– Понял, госпожа.

– Умница. – Она усмехнулась и вышла.

Финн остался один в пустой трапезной, сжимая в руке кошель с монетами и смотрел на дверь, за которой исчезла странная женщина с грачом на плече.

Доверять ей? Нет. Конечно, нет. Она сама сказала: не верь никому.

Но она единственная, кто вытащил его из этой дыры. И у нее есть дракон.

Или не единственная? Или просто первая, кто успел?

Финн спрятал кошель за пазуху и вышел в коридор. Ноги несли его сами. В голове крутилось одно: «Она сказала – слушай. Хорошо. Я буду слушать. Я буду смотреть. Я узнаю все. И тогда, может быть, я пойму, кто здесь друг, а кто враг».

Финн вышел во внутренний двор и зажмурился. После затхлой тьмы даже серое, затянутое тучами небо резало глаза. Он глубоко вдохнул, поморщился. Воздух пах дымом, страхом и еще чем-то тяжелым, приторным, что тянулось со стороны Верхнего города, от королевских покоев. Запах увядших лилий, оставленных на солнце, смешанный с сырой землей. Тот самый запах, что он слышал в коридорах, пока сидел под лестницей.

Кошель приятно оттягивал руку. Финн разжал пальцы и заглянул внутрь. Пять серебряных. Для него, простого стражника, целое состояние. На эти деньги можно было купить новый плащ, сапоги, горячий ужин и еще осталось бы на выпивку.

Или можно было потратить все на вести.

Рынок Гнилого Угла – место, куда даже стражники старались не ходить в одиночку – сегодня был полон людей, но царившая здесь тишина давила сильнее криков. Финн пробирался между рядов, вжимая голову в плечи. На него никто не смотрел. Все смотрели на небо. И шептались.

– Говорят, на башню села огромная птица, – бормотал тощий мужик в драном полушубке. – Черная, крылья перекрывают полнеба.

– Птица? – хмыкнул другой, потирая замерзшие руки. – То не птица. То дракон. Магистр Сибилла прилетела на своем звере.

– Не может быть, – вставил третий. – Драконы – сказки для детей.

– А вот и не сказки, – обиделся второй. – Мой дядя служит в Северном форпосте. Он рассказывал, что она на нем летает. Я думал, врет. А теперь – он кивнул в сторону замка, откуда доносился глухой, тяжелый рев, – сам слышу.

– Слышь, а правда, что принца убили? – спросил кто-то.

– ...не убили. Украли. Темные силы украли. Для жертвы.

Финн остановился у лотка с пирожками. Старуха, торгующая ими, глянула на него цепко, оценила потрепанный вид. Но когда он выложил монету, спорить не стала. Серебро звенело убедительно.

– Два, – сказал Финн.

Пирожки были с капустой и луком, тесто жесткое, но внутри горячие. Финн ел и слушал.

– Налоги опять поднимут, – ворчал толстый мясник соседу, рубя топором замерзшую тушу. – Стефан этот, чтоб ему пусто было, уже третью грамоту прислал. Говорит, на оборону. А обороняться от кого? От тьмы этой налогом не отобьешься.

– А ты не плати, – хмыкнул сосед, тощий портной. – Он тебе ярмо на шею и в башню.

– В башне сейчас хуже, чем на воле, – вмешался третий. Он говорил тихо, оглядываясь.

– Там, говорят, люди в растения превращаются.

Финн поперхнулся, кусок теста встал комом в горле.

– Брехня, – отрезал мясник, но рука его дрогнула, и он быстро осенил себя знаком защиты.

– Не брехня, – возчик понизил голос до шепота. – У меня свояк в замке прислугой. Говорит, одного уже унесли. Лежит в подвале, и из него корешки лезут. Черные. И пахнет от него...

Пирожок окончательно встал поперек горла. Финн вспомнил разговор в совете, голос магистра Эдвина, доносившийся сквозь решетку: «Кожа сереет, волосы выпадают если тьма пустит корни». Значит, правда. Не слух.

Он доел, машинально вытер руки о штаны и купил у старьевщика выдавший виды, но крепкий шерстяной плащ темно-зеленого цвета. Побродив еще немного и послушав обрывки фраз о закрытых воротах и бегстве богатеев, он побрел обратно к замку. В голове шумело. Налоги, тьма, корни, дракон, женщина со змеиными глазами.

Кто из них друг? Кто враг? И есть ли здесь вообще друзья?

Северная башня возвышалась над замком мрачным черным зубом. У входа стояли двое стражников из личной гвардии коменданта. При виде Финна они переглянулись.

– Тебя магистр ждет, – сказал один, без особой злобы, но и без приветствия. – Проходи.

Внутри башни пахло травами. Сухими, горьковатыми, как в малой трапезной, но здесь к ним примешивался запах старого пергамента, воска и еще чего-то острого, едкого. Финн принялся. Сера?

Лестница вилась вверх. Финн считал ступени, чтобы не думать о плохом. Сто двадцать три. Сто двадцать четыре. На сто сороковой он остановился перед дубовой дверью, окованной железом.

Из-за двери доносился голос Сибиллы. Она говорила с кем-то резко, отрывисто:

– плевать я хотела на ваши запреты, Эдвин. Король умирает не от болезни. Его жрет тварь, которую кто-то запустил ему в кровь. Если вы не видите разницы, я умываю руки. И улетаю. И посмотрим, как вы будете держать оборону без единственного дракона в радиусе тысячи лиг.

– Сибилла, – голос Эдвина звучал устало, примирительно. – Никто не оспаривает твою силу. Но Совет магов...

– Совет магов струсил. Прости за выражение. Все, кроме меня. И этого, – она сделала паузу. Финн понял: услышала его. – Входи, мальчик. Не стой под дверью.

Финн вошел.

Комната наверху башни оказалась круглой. Высокие окна, затянутые бычьим пузырем вместо стекла. В центре стол, заваленный свитками, стеклянными колбами, металлическими приборами. В углу пустая клетка. Для мелкой живности, наверное. Грача нигде не было. В камине горел огонь, отбрасывая пляшущие тени на каменные стены.

Сибилла стояла у стола, скрестив руки на груди. Напротив, сгорбившись в кресле, сидел магистр Эдвин. Он выглядел плохо. Осунувшийся, с глубокими тенями под глазами, в мятой рясе, залитой чем-то темным.

– А вот и наши уши, – сказала Сибилла, кивая Финну. – Садись в угол и слушай.

Финн сел на табурет у двери, стараясь стать незаметным, слиться с тенью.

– Продолжим, – Сибилла повернулась к Эдвину. – Что с тем слугой?

– Плохо, – Эдвин потер лицо ладонями, словно пытаясь стереть усталость. – Он не просто умирает. Он вырастает в камень. Мы перенесли его в нижний подвал, подальше от людей. Стражники боятся заходить. Говорят, он шепчет.

– Что шепчет?

– Имя, – Эдвин поднял на нее глаза, и в этом взгляде был такой ужас, что Финн невольно подался назад. – Он шепчет имя Морготрас. Снова и снова.

Сибилла замерла.

– Значит, тень не просто убивает, – сказала она тихо. – Она ищет. Передает сигнал. Король – маяк. Чем глубже тьма в нем, тем сильнее она призывает тех, кто снаружи.

– Кого? – вырвалось у Финна прежде, чем он успел прикусить язык.

Сибилла медленно обернулась к нему. Ее серые глаза с вертикальными зрачками смотрели странно – не зло, а холодно, изучающе, хищно.

– Тех, кто ездит на мертвых псах, мальчик, – ответила она спокойно. – Ургов. И тех, кто стоит за ними.

Глава 7

Элиан

Город встретил их не привычными высокими воротами и не стражей у входа, а резким, ударившим в лицо запахом. Плотной, живой стеной вони, от которой слезились глаза и перехватывало глотку.

Элиан поморщился, натягивая капюшон потертого плаща до самого кончика носа, но ткань не спасала. Вонь проникала сквозь нее, липла к коже, оседала на языке привкусом гниющей рыбы, дешевого дегтя, пота и той сладковатой гнили, что идет от открытой канализации, смешанной с дождевой водой. Ветер здесь был влажным, тяжелым, словно само море выдыхало в лицо. Он нес соль, липкую морось и пронзительные крики чаек, которые дрались за объедки на причалах. Их гам звучал как хохот сумасшедших старух.

– Не пялься по сторонам, – сказал Родрик так тихо, что Элиан едва расслышал, но каждое слово дошло четко. Маг шел впереди, ведя коня под уздцы. Его шаги были уверенными, спокойными, а вот взгляд, скрытый тенью капюшона, лихорадочно шарил по толпе.

– Мы никто. Запомни. Отец и больной сын. Бродяги. Ищем лекаря и теплую одежду перед зимой. Никаких настоящих имен. Понял?

– Запомнил, – буркнул Элиан, опуская голову. – Но удержаться трудно. Я никогда не видел такого места.

Он не врал. Гримсвик давил.

Здесь каждый каменный дом, прокопченный дымом кузнечных горнов и очагов, лез на соседний, не оставляя между стенами даже щели для ветра. Окна узкие, затянутые грязными тряпками, смотрели слепо и равнодушно. Улочки, похожие на трещины в скале, залило жижей из грязи и отбросов.

Деревянные мостки провисли над черной маслянистой водой каналов. Доски прогибались и скрипели под ногами. Из темноты внизу тянуло хуже, чем с улицы, – гнилью и застоявшейся смертью.

Повсюду сновали люди. Грузчики в грубых холщовых рубахах тащили на спинах неподъемные мешки, грубо выражались, сплевывали на мостовую коричневую слюну. Матросы в просмоленных, жестких от соли куртках орала на торговцев, требуя справедливой цены за треску. Женщины в ярких, но давно не стиранных платьях сидели прямо на бочках, разделявая рыбу голыми, покрытыми чешуей руками, и зазывали прохожих хриплыми, прокуренными головами.

Воздух дрожал от звона монет, лязга железа, ржания лошадей, детского плача – все смешалось в один сплошной давящий гул, от которого начинала болеть голова.

И среди этой серой, шумной человеческой массы были *они*.

Элиан замер, едва не столкнувшись с телегой, груженной углем. В десяти шагах, рассекая толпу, шел высокий мужчина. Нет, не человек. Элиан понял это сразу, хотя никогда раньше не видел таких наяву.

Кожа бледная, почти фарфоровая, без капли румянца. На этом белом лице особенно ярко выделялись холодные, желтые глаза. Длинные, серебристые волосы, цвета лунного света, были собраны в тугий, низкий хвост и не шевелились от ветра. Он двигался иначе, чем люди: плавно, бесшумно, словно не ступал по грязи, а скользил над ней. На поясе висел клинок странной, изогнутой формы, в ножнах из темного дерева, которое, казалось, впитывало свет.

– Эльф – восхищенно прошептал Элиан, и по спине пробежал холодок.

Он видел их только в старых книгах в королевской библиотеке. На рисунках они казались выдумкой, красивой сказкой. Сейчас один из них стоял в десяти шагах. Настоящий. Живой. И

от него веяло древней, чужой силой, от которой становилось не по себе. Смесь благоговения и первобытного страха.

Эльф прошел мимо, не обращая внимания, словно принц и маг были для него просто частью города – такими же грязными и серыми, как все вокруг. Отличить Родрика и Элиана из толпы было почти невозможно. Но тонкий запах магии, исходивший от Родрика, заставил ноздри эльфа расшириться – он замер на мгновение, принюхался и пошел дальше.

– Идем, – резко дернул поводья Родрик, выводя Элиана из оцепенения. – Не задерживайся. Не смотри на них. Не надо привлекать внимания.

Они пробрались дальше, к центру, где улица расширялась в небольшую площадь у причала. Здесь воздух был еще тяжелее – спертый, пропитанный потом, дешевым табаком и рыбьим жиром. У старого пирса, вбитого в илистое дно, стояла группа капитанов. Их окружила толпа: беженцы в лохмотьях, торговцы и искатели приключений. Воздух дрожал от криков, споров и проклятий.

– Я сказал – пять золотых до Северного мыса! Пять, и ни медяком меньше!

– Да ты охренел, Хромой! Половина твоих людей сдохнет в первую же неделю!

– А ты не бери – иди пешком через Ущелье, если жить надоело!

Родрик протолкнулся вперед, прижимая Элиана к себе. Принц чувствовал, как чужие тела давят со всех сторон, как горячее, кислое дыхание обжигает затылок.

– Куда плывете? – спросил маг у первого попавшегося моряка.

Коренастый мужик с красным, обветренным лицом, изрезанным морщинами, и трубкой в зубах даже не поднял головы. Он чинил сеть, ловко, привычно перебирая пальцами просмоленную, липкую веревку.

– Никуда, – буркнул он.

– Нам нужно на север.

Моряк наконец поднял глаза и окинул их быстрым, цепким взглядом. Худоба Элиана, грязные сапоги Родрика, потрепанные плащи. Ничего ценного. Он сплюнул жвачку табака прямо под ноги магу, чуть не попав ему на сапог.

– Путь на север закрыт, старик. Обвал в Ущелье Плачущих Скал. Камни перекрыли тракт насмерть вчера ночью. Ни пешком, ни на коне не пройдёшь. Разве что птицей полетишь.

Сердце Элиана екнуло и пропустило удар. Обвал. Еще одна преграда. Еще один потерянный день.

– А море? Есть корабли до Дорнхейма? Или до ближайшего порта на севере? Мы заплатим.

Моряк рассмеялся. Смех вышел грубым, лающим и неприятным.

– Дорнхейм? Ты шутишь, дед? Штормы идут вторую неделю. Море взбесилось. Ни один капитан в здравом уме не выйдет в открытое море за золотишко твоей бабушки, даже если ты отдашь все. А если какой дурак и выйдет – он ослабил, показывая редкие гнилые зубы, – цена будет такой, что ты оставишь здесь штаны, душу и последнего коня. Проваливай, пока цел.

Родрик не двинулся с места.

– Дорнхейм – не единственный порт на севере. Может, до Хавенмута? Или до Скалистого Причала?

– Хавенмут закрыт на карантин, – бросил моряк, снова опуская глаза к сети. – Чума. Или что-то похожее на чуму. Люди мрут как мухи. А Скалистый Причал? – он хмыкнул. – Там даже причала-то нет. Голая скала и чайки.

– А ты знаешь кого-то, кто...

– Я знаю, что ты надоел, – отрезал моряк, натягивая сеть на колено. – Проваливай, сказал.

Родрик нахмурился, его губы сжались в тонкую, белую линию. Он отошел в сторону, тяжело вздохнув, и провел рукой по лицу, стирая капли дождя и пота.

– Плохо, – пробормотал он, так тихо, что услышал только Элиан. – Очень плохо. Если путь по суше закрыт, а море штормит мы застрянем здесь. День, два, неделю. Нам нужен корабль любой ценой, Элиан. Любой.

Элиан нервно переминался с ноги на ногу, чувствуя, как ледяная влага просачивается сквозь мокрую обувь. Мешок с припасами, единственное их богатство, береженое как зеницу ока, висел на поясе. Там было немного серебра, несколько золотых и горсть вяленого мяса.

– Может, спросим еще кого-то? – начал он, оглядываясь на других капитанов, пытаясь найти хоть одно доброе или жадное лицо. – Вон тот, с синим флагом.

– Можно попробовать, – Родрик кивнул, но в его голосе не было надежды.

Они прошли вдоль пирса, переговариваясь с каждым капитаном, который соглашался их слушать. Результат был везде одинаковым.

– Нет, не пойду.

– Только до маяка, и то с бабкину душу сдерешь.

– А ты вообще откуда такой взялся? Не похож на беженца.

– На север? Ты в своём уме?

Элиан начал уставать. Не от ходьбы, а от отказов. От того, как на них смотрели: то с подозрением, то с жалостью, то с откровенным презрением. Он чувствовал себя нищим, который просит милостыню у ворот.

– Может, зайдем в харчевню? – предложил он, когда они отошли от очередного капитана, молча качнувшего головой. – Перекусим. Заодно послушаем, о чем люди говорят.

Родрик помедлил.

– У нас не так много монет.

– У нас хватит, – Элиан потряс мешком, который висел у пояса. – Хотя бы на хлеб и похлебку.

Маг вздохнул.

– Хорошо. Но не надолго и коня надо привязать.

Харчевня «Якорь и Волна» располагалась в подвале старого склада. Спуск вниз вел по скользким каменным ступеням, выщербленным и грязным. С потолка капало, но внутри было тепло. И людно.

Элиан протиснулся к свободному столику в углу, откуда был виден вход и большая часть зала, Родрик сел напротив.

– Чего изволите? – к ним подплыла рыжая девица.

– Похлебки. Хлеба. И воды, – сказал Родрик.

– Вина не хотите? У нас хорошее красное. Из южных земель.

– Воды, – повторил маг.

Девица пожала плечами – мол, как хотите – и уплыла к стойке.

Элиан огляделся. За соседним столиком двое грузчиков спорили о ценах на зерно. За другим – трое матросов играли в кости, время от времени перебрасываясь грубыми шутками. В дальнем углу, у камина, сидел старик и что-то тихо бубнил себе под нос, иногда встряхивая головой, как пес, отгоняющий мух.

– Слушайте, – шепнул Элиан, кивая на грузчиков.

– Говорят, к замку прилетела тварь, – говорил один, понизив голос.

– Брехня, – отмахнулся второй, но без уверенности. – Откуда тварям взяться? Война кончилась.

– А урги? Тоже кончились?

– Урги – другое. Урги – это...

Он не договорил, заметив, что на них смотрят. Грузчики замолчали, бросили в сторону Родрика и Элиана быстрые, подозрительные взгляды и перешли на шепот, которого уже нельзя было разобрать.

Элиан сделал вид, что рассматривает трещины на потолке.

– Урги, – тихо повторил он, склонившись к Родрику. – Вы слышали?

– Слышал.

– Они здесь?

– Не знаю. Но если слухи дошли даже до грузчиков – Родрик помолчал. – Значит, не просто слухи.

Девица принесла жидкую похлебку с плавающими кусочками моркови и неизвестного мяса, и две корки хлеба. Элиан вцепился в миску, как умирающий от голода, которым он, в общем-то, и был.

– Ешь медленнее, – сказал Родрик. – А то вырвет.

– Я голоден.

– Тем более.

Они ели молча, слушая разговоры. Матросы за соседним столиком уже не играли в кости, а пили, и языки у них развязались.

– А я тебе говорю, эльфы здесь, – втолковывал один, корявый, с разбитым носом. – Я сам видел сегодня утром.

– Эльфам здесь не место, – буркнул второй.

– А им плевать на твоё «не место». Им вообще плевать на нас.

Корявый понизил голос, но Элиан все равно услышал:

– А еще говорят, принц жив. И что он где-то там, на севере. Собирает войско.

– Войско? Какое войско? Ему семнадцать лет.

– А королю Дорвену было двадцать, когда он престол занял. И ничего.

Элиан почувствовал, как Родрик напрягся, но маг не подавал виду, а продолжал жевать хлеб, невозмутимо, будто речь шла о погоде.

– Допивай, – сказал он негромко. – Уходим.

– Но я не доел

– Уходим.

Они вышли уже в сумерках. Небо потемнело, ветер усилился, и налетающие с моря брызги были ледяными. Элиан запахнул плащ плотнее, но холод пробирал до костей. Родрик остановился, огляделся. Затем обошел таверну и вернулся к удивленному Элиану и его лицо перекосило.

– Коня увели.

Элиан обреченно посмотрел на мага, ощупывая привязанный мешок на поясе.

– Что теперь? – спросил он.

– Еще раз обойдем пирс. – Родрик выдохнул без надежды. – Спросим тех, кого не спросили.

– А если никто не согласится?

– Тогда будем думать.

– Коня жалко.

Они свернули к пирсу, и тут Элиан почувствовал толчок. Плечо дернулось, равновесие было потеряно. Элиан покачнулся, инстинктивно хватаясь рукой за пояс, чтобы проверить, на месте ли мешок.

Пусто.

Мешка не было.

– Эй! – вскрикнул Элиан, голос сорвался от ужаса и злости. Кровь ударила в голову. – Вор! Стой!

В плотной стене людей мелькнула фигура в лохмотьях. Пацан лет двенадцати, худой, грязный, юркий, как угорь, уже протискивался между ног взрослых, зажимая украденное под мышкой, и скалился, демонстрируя отсутствие передних зубов.

– Стой! Вор!

Элиан рванул с места, забыв про наказания Родрика, про осторожность.

– Элиан, стой! Не надо! – крикнул Родрик, протягивая руку, но принц уже нырнул в толпу, расталкивая людей локтями, сбивая с ног какого-то торговца.

Погоня превратилась в безумный слалом между бочками, телегами, лошадьми и орущими людьми. Пацан бежал уверенно, словно знал каждый выступ мостовой, каждую щель. Прыгал через лужи, скользил по грязи, смеялся звонко и нагло. Элиан спотыкался, сбивал колени о мокрые, скользкие доски, царапал руки о занозы, но не отставал. Ярость заглушала усталость и боль в боку. Он хотел не просто вернуть деньги. Он хотел наказать за эту наглость.

Они влетели в узкий переулок. Потом в другой. Потом в третий. Вор свернул в узкий, темный проулок, ведущий вниз, к старым, заброшенным докам. Здесь не было людей, только крысы, шуршащие в щелях между досками, и темные, зловещие силуэты брошенных лодок, накрённых набок.

– Стой, паршивец! Я тебя...

Вор свернул в проход между двумя складами. Настолько узкий, что Элиан застрял плечами. Он пролез, содрав кожу о шершавый камень, и вывалился на пустырь.

Пацан забежал в тень огромного полуразрушенного склада. Остановился и прислонился к стене, переводя дух, но убежать дальше не собирался. Он ухмыльнулся в темноту.

Из-за груды старых, покрытых слизью бочек вышел другой человек. Высокий, широкий в плечах, закутанный в темный, тяжелый плащ с глубоким капюшоном, скрывающим лицо.

– Принес? – голос хриплый, неприятный.

– Ага. – Пацан протянул добычу, ухмыляясь.

Человек в капюшоне взял мешок, поворошил его длинными, неестественно бледными пальцами. Достал кусок хлеба, понюхал, потом сунул руку глубже и нащупал металл.

– Да вот, бегут сюда. – Пацан хихикнул, ткнул пальцем в сторону входа в переулок. – За этим парнем, говорят, тени охотятся. Слышал, награда большая. Живым или мертвым, всё равно.

Элиан замер, прижавшись спиной к холодной влажной стене. Сердце колотилось так сильно, что отдавалось болезненными толчками в ушах.

Тени охотятся. Они знали. Кто-то знал, что они здесь.

Человек в капюшоне медленно поднял голову.

– Хорошо, – прошипел он.

Пацан кивнул, сгреб монету, брошенную человеком, и побежал обратно к выходу, но тут же наткнулся на грудь Элиана.

– Ты! – взвизгнул парень.

Человек в капюшоне мгновенно оказался рядом, двигаясь с неестественной, дерганой скоростью. Из рукава выпал короткий широкий кинжал с черным лезвием.

– Глупый мальчишка, – прошипел он, обращаясь к Элиану, и замахиваясь кинжалом. – Сам пришел на смерть.

Элиан попытался отпрыгнуть, отползти, но спина уперлась в шершавую, мокрую стену. Выхода не было. Кинжал сверкнул в тусклом свете, направляясь прямо в горло. Время замедлилось. Элиан увидел свое искажённое отражение в черной стали, увидел смерть, летящую к нему. Он зажмурился, ожидая боли.

Вдруг воздух вокруг вспыхнул ослепительным белым светом. Человека в капюшоне отбросило назад, к стене. Кинжал выпал из ослабевшей руки и с шипением, словно снег на горячей сковороде, расплавился на деревянных досках, оставляя черное, дымящееся пятно.

Из тени переулка, вышел Родрик. Он сделал шаг вперед, и воздух вокруг него сгустился, став плотным и вязким, как вода, давящим на грудь. Магия исходила от него волнами, видимыми искажениями пространства, и крысы с визгом разбежались, прячась.

– Ты ошибся адресом, тварь, – тихо сказал Родрик.

Человек в капюшоне зашипел, пытаясь подняться. Он опирался на дрожащие руки, но тело не слушалось. Тень вокруг него зашевелилась, отделилась от земли, поползла вверх, обвивая ноги, руки, шею, словно живые змеи.

– Они придут – голос звучал уже не из горла, а отовсюду сразу, просачиваясь из темноты, из щелей между досок. – Хозяин уже знает. Вы не уйдете. Морготрас ждет...

– Заткнись.

Родрик резко взмахнул рукой и сжал кулак.

Тень вокруг существа сжалась, вдавила его в пол, сплющила и раздавила. Послышался отвратительный звук ломающихся костей и лопающихся внутренностей. Через мгновение на досках осталась только черная вонючая лужица, которая быстро впиталась в дерево, оставив после себя легкий запах серы и гнили.

Элиан сидел на земле, дрожал всем телом и не мог пошевелиться. Тошнота подступила к горлу.

– Кто... кто это был? – прошептал он, стуча зубами.

Родрик подошел и протянул руку, помогая подняться.

– Шпион, – сказал Родрик, оглядываясь по сторонам, проверяя темные углы. – Или хуже. Слуга той тьмы, что идет за нами по пятам.

– Но откуда они узнали, что мы здесь?

– Не знаю. – Родрик говорил отрывисто, быстро. – Но это уже не важно. Они уже здесь, Элиан. В этом городе.

Он наконец отпустил плечо принца.

– Нам нужно уходить. Прямо сейчас. Ни секунды медлить нельзя.

– Но корабли... пути нет, – начал Элиан, чувствуя безнадежность.

– Корабль найдется, – раздался новый голос.

Они обернулись.

На крыше склада, на самом краю, сидел тот самый эльф. Бесшумно, как большая ночная птица. В руке он держал длинный лук из белого дерева, тетива была натянута и стрела с черным оперением смотрела прямо на Родрика.

– Вы привлекаете слишком много внимания, люди, – сказал эльф. Голос звучал странно – мелодично, но холодно. – Шумите, бегаете, светитесь магией. Скоро сюда сбежится вся городская стража, наемники и те, кто платит им за ваши головы. Вы мертвецы, если останетесь.

Родрик напрягся, инстинктивно заслоняя Элиана собой, готовый в любую секунду снова ударить магией.

– Кто ты? Чего тебе нужно?

– Капитан «Северного Ветра», – эльф легко, грациозно спрыгнул с крыши, приземлившись на доски без единого звука, словно он весил меньше пера. – Меня зовут Талион. И если вы хотите дожить до утра, вы сядете на мой корабль. Сегодня ночью, как только стемнеет.

– Почему? – Родрик не опускал рук, его пальцы дрожали от напряжения. – Зачем вам это? Что вы получите?

Талион усмехнулся. Улыбка вышла хищной, обнажила ровные, острые зубы.

– Потому что я видел, как ты убил того слугу тьмы магией. Чистая сила. И мне нужна услуга.

– Какая услуга? – настороженно спросил Элиан, выглядывая из-за спины мага.

– Узнаете, когда будем в море. В безопасности. – Эльф спрятал лук за спину одним плавным движением. – У вас выбор: остаться здесь и умереть от рук шпионов Морготраса или пойти со мной и рискнуть в шторм. Решайте быстро. Время уходит, а тени сгущаются.

Родрик посмотрел на Элиана, потом на темный проход, откуда они пришли, откуда могли появиться новые враги. В глазах принца он видел усталость, страх, но и решимость.

– Мы согласны, – твердо сказал маг. – У нас нет выбора.

Талион кивнул.

– Тогда идите за мной. Не отставайте.

Он развернулся и пошел вперед, растворяясь в сумерках порта, словно призрак. Элиан и Родрик переглянулись. В этом взгляде было все: и облегчение, и страх перед неизвестностью, и понимание, что их путешествие только начинается. И теперь оно станет ещё опаснее.

Глава 8

Калёб

Треск.

Сухой звук ломаемой ветки вырвал Калёба из забытья.

Он открыл глаза. Первое ощущение – ледяная тяжесть в конечностях. Тело ныло, мышцы налились свинцом. Он лежал, не шевелясь, прислушиваясь. Сердце колотилось о рёбра. Где он? Река... обрыв... урги... падение. Воспоминания нахлынули обрывками, заставляя сжаться от ужаса.

Треск повторился. Ближе.

Калёб рванулся вверх, хватаясь за кинжал. Пальцы сжали пустые ножны. Взгляд метнулся по сторонам, выхватывая из серого предрассветного сумрака фигуру у костра.

– Милорд! – голос прозвучал бодро и удивленно. – Доброе утро! Мы тут завтрак раздобыли.

Олрик. Лучник сидел на корточках, подбрасывая щепки в робкое пламя. Увидев, что советник очнулся, он широко улыбнулся и махнул рукой. Калёб выдохнул. Воздух со свистом вышел из лёгких, оставляя внутри хрупкое облегчение.

Над огнем на вертеле медленно вращались два ошипанных зайца. Запах жареного мяса казался в этой мертвой чаше настоящим чудом.

И только потом Калёб вспомнил о ней.

Он повернул голову. Лиана спала рядом, свернувшись в тугой комок на холодной земле. Когда он убрал спину, служившую ей опорой от ветра, она сразу съежилась. Рыжие волосы – тусклые, спутанные – разметались по плечам. Ресницы дрожали на бледных щеках.

В груди шевельнулось что-то теплое и болезненное. Калёб медленно протянул руку. Пальцы коснулись волос, убирая прядь со лба, затем скользнули по щеке.

«Какая же она красивая», – пронеслась мысль. В этом грязном лесу, посреди смерти и отчаяния, она сияла внутренним светом.

Внутренний голос одернул его: «Нельзя. Остановись».

Она еще юна. Он должен защищать, а не смотреть так. Если Элиан погиб, Лиана станет наследницей. Королевой. А он – всего лишь советник. Между ними пропасть глубже того обрыва, с которого они упали. Такие мысли опасны.

Калёб сжал пальцы в кулак и отдернул руку.

Лиана зашевелилась. Тихо застонала, потерлась плечом и открыла глаза. Сначала в них был животный ужас, но при виде Калёба страх сменился растерянностью.

– Миледи, завтрак готов! – радостно объявил Варик, возникший из кустов с горстью темно-синих ягод в ладони. Капитан выглядел получше: плечо туго перебинтовано, глаза горели прежней решимостью. Он протянул ягоды Лиане. – Лесная малина. Не самая сладкая, но силы даст.

Лиана моргнула, села, кутаясь во влажный плащ.

– Спасибо, Варик, – пробормотала она, принимая ягоды. Оглянулась на Калёба, и ее губы дрогнули в слабой улыбке. – Доброе утро, Калёб.

Она вздрогнула, обхватив себя руками. Зубы застучали.

– Ты замерзла? – голос у Калёба был хриплым.

– Да... немного.

Он пересел ближе, приобнял ее за плечи, притягивая к себе. Лиана не сопротивлялась, с благодарностью прижалась к его боку.

– Ешь, – кивнул он на ягоды в ее руке. – Нужно согреться изнутри.

Некоторое время они молчали, слушая шипение жира от зайцев. Когда мясо было готово, Калёб разделил его на равные части. Еды мало, но голод отступил перед необходимостью думать.

Вокруг маленького костра собрались выжившие. Их осталось пятеро: Калёб, Лиана, Варик, Олрик и молодой Торвальд.

– Провизия, – начал Калёб, ломая сухую ветку и бросая ее в огонь. – Что имеем?

Олрик поворошил угли.

– Три мешка вяленого мяса с той лошади. Лепешки размокли, но съедобны. Воды нет, кроме речной – ее кипятить надо. Ягод немного нашли. На день-два хватит при экономии. Потом придется охотиться.

– Лошади... – перебил Варик, хмуро глядя на животных у привязи. – Трое осталось. Одна хромает, но идти может. Седла потеряли – седлать нечем, придется править чем есть.

Калёб кивнул:

– Пять человек. Три лошади. Минимум еды. Связи нет.

– Куда идем? – спросил Торвальд с надеждой. – Может, к тракту? Или наверх?

– Нет! – жестко оборвал Калёб. – Наверх нельзя. Крутой склон – мы едва не разбились насмерть. Подниматься с ранеными и лошадьми – самоубийство. Урги могут прочесывать лес сверху.

– Искать след принца? – неуверенно предложила Лиана.

– Мы потеряли след еще до падения, – мягко сказал Калёб. – Лес огромный... Искать вслепую – блуждать кругами до зимы и умереть от голода.

– Тогда куда? – Варик посмотрел на реку внизу.

– Вниз по течению! – Калёб встал и отряхнул колени от пепла. – Река всегда ведет к людям: к мельницам, деревням... Там найдем еду и новости. Вода смоем наш запах для ищеек. Река – наш единственный шанс выбраться отсюда живыми!

– А если там пусто? – спросил Олрик.

– Тогда будем думать на месте! Решено: идем вниз по течению!

Он осмотрел отряд: измотаны все до единого, но в глазах теплилась искра надежды.

– Готовьте лошадей! Лиана и Варик – верхом! Вы ранены! Третью лошадь навьючим припасами! Остальные идут пешком! Торвальд замыкает! Олрик впереди!

– Есть! – хором ответили гвардейцы.

Лиана поднялась, пошатываясь. Калёб поддержал её, помогая добраться до лошади. Она села на лошадь, кутаясь в плащ, и посмотрела на него снизу вверх. В её взгляде больше не было паники. Только усталость и доверие.

– Поехали, – тихо сказал Калёб.

Солнце поднялось высоко, пробиваясь сквозь густые кроны косыми пыльными лучами. Жары не было, но воздух стал тяжелым, спертым. Лес казался бесконечным лабиринтом из стволов и лиан, где время потеряло счет. Они шли уже несколько часов. Ноги вязли в мокром мху, ветки хлестали по лицам, оставляя тонкие красные царапины. Отряд двигался молча, нарушая тишину лишь тяжелым дыханием и хрустом сучьев.

– Привал, – тихо сказал Калёб, поднимая руку. – Десять минут. Поправить сбрую, перевязать раны.

Все с облегчением опустились на землю. Варик прислонился спиной к старому дубу. Плечо, перебинтованное утром, снова промокло кровью. Лиана тут же оказалась рядом, доставая из седельной сумы ткань и пузырёк с настойкой.

– Больно? – спросила она тихо, разматывая старый бинт.

Варик скрипнул зубами и мотнул головой:

– Терпимо, миледи. Заживет. Главное, что рука слушается.

Лиана ловко обработала рану, посыпала травой и туго затянула новым бинтом. Руки дрожали, но движения были уверенными. Калеб наблюдал за ними стоя. Он не садился. Ходил по периметру, вслушиваясь в каждый шорох. Ему казалось, что за каждым стволом скрывается наблюдатель. Что урги не отстали, а ждут.

Олрик проверил тетиву лука.

– Всё чисто... Только птицы... И те молчат...

– Птицы молчат, потому что чувят беду, – буркнул Торвальд, жуя черствую корку.

Солнце стояло в зените. Тени под деревьями съезжились. Гнетущая чаща осталась позади; лес поредел. Деревья стали ниже, между кронами проглядывало серое небо. Тропа изменилась: из звериной стёжки превратилась в нечто широкое. Мох примят, ветки на уровне человеческого роста сломаны.

Калеб поднял руку, останавливая отряд.

– Стоп.

– Что случилось, милорд? – спросил Олрик, выходя вперед. Опустился на корточки, изучая землю.

– Следы, – сказал Калеб, кивая на тропу.

– Не звериные. – Олрик провел пальцем по вдавленной грязи, понюхал. – Лошади, милорд. Много. Подкованы.

– Наши? – Лиана спросила тихо, боясь спугнуть удачу. – Калеб, это же наши люди, да? Варик, ты говорил, что патрули доходят до этих мест.

– Свежие, – перебил Олрик, поднимаясь. – Прошли сегодня утром. Может, пару часов назад. Двигутся к тракту.

– Строй держат. Не разбойники. – произнес Калеб.

– Тогда чего мы ждем? – Лиана тронула лошадь. – Пойдем навстречу. В замке, наверное, с ума сошли.

– Идем, – решил Калеб. – Но оружие не убирать. Держаться вместе. Если что-то пойдет не так – сразу назад, к реке. Поняли?

– Да, милорд! – хором ответили гвардейцы.

Лес расступился, выпуская их на открытую поляну. За ней начинался спуск в долину. Калеб шел впереди, но спиной чувствовал присутствие Лианы так же отчетливо, как тяжесть меча. Он ощущал ее усталость и глухое отчаяние.

Они шли около часа. Ноги гудели, спина ныла. Желание упасть и сдаться становилось непреодолимым. Но Калеб гнал эту мысль. На его плечах ответственность за всех. И за нее.

Лиана ехала верхом, держа спину прямо. Но Калеб видел, как она из последних сил цепляется за поводья. Она не жаловалась. Ни разу.

Калеб остановился, прищурился. Впереди лежала бескрайняя серая равнина. Трава выгорела, пригнулась к земле, кое-где торчали обглоданные ветром кусты. Ни деревни. Ни дыма. Ни души. Только ветер гнал позёмку, и небо давило тяжестью.

– И куда теперь? – голос Торвальда прозвучал обречённо.

Калеб оглянулся.

– Вперед. Тропа есть – значит, куда-то ведет.

Они двинулись.

Первым услышал Олрик.

– Милорд... – он замер, вскинув голову. – Слышите?

Калеб остановился. Прислушался.

Ветер донес гул. Далекий, нарастающий. Ритмичный. Тяжелый.

Так может звучать только конница.

– Кони, – выдохнул Варик, и в его голосе прозвучал страх. – Много.

– Откуда? – Торвальд завертел головой, но Калёб уже понял. Гул шел отовсюду. Степь под ногами начала мелко дрожать.

– В круг! – рявкнул Калёб, выхватывая меч.

Поздно. Земля взорвалась топотом. Из-за холма справа вылетел первый всадник, за ним второй, третий. Десятки. Они неслись лавиной, охватывая отряд полумесяцем, отсекая путь назад. Копыта грохотали так, что закладывало уши.

– Держать строй! – крикнул Калёб, понимая: бессмысленно. Их пятеро. Двое еле держатся в седлах. Всадников – тридцать, не меньше.

Конница окружила их плотным кольцом. Лошади храпели, всадники в темных плащах смотрели холодно. Один из них, широкоплечий, с нашивками десятника, поднял руку. В ту же секунду копыта опустились. Десяток острее смотрели прямо на Калёба, Варику, Лиану. Остриё замерло в двух пальцах от горла лошади Варику. Животное всхрапнуло, попятилось, но копыё двинулось следом.

– Именем его величества короля Валериса, правителя всех земель Андрала! – гаркнул десятник. – Вы арестованы по обвинению в дезертирстве и измене короне! Сложите оружие, или приказ рубить без предупреждения!

Калёб замер. Мир сузился до блеска наконечника.

Валерис?

Имя ударило под дых. Валерис – брат короля Дорвена. Тот, кто годами гнил в поместье, топя тоску в вине.

Калёб медленно оглядел своих. Варик побледнел. Капитан инстинктивно дернулся, рука потянулась к мечу, но замерла. Десятки копий смотрели им в грудь. Любое резкое движение – смертный приговор.

Калёб перевел взгляд на Лиану. Она сидела в седле, прямая, как струна. В ее карих глазах плескался не страх. Гнев. Чистый, незамутненный. Она смотрела на копыта, нацеленные ей в грудь, и, кажется, прикидывала, скольких успеет забрать с собой.

Не делай этого, – мысленно взмолился он. – *Пожалуйста, не сейчас.*

Десятник довольно осклабился. Ему лет сорок, мелкие бычьи глаза полны самодовольства новой власти.

Калёб встретился с ним взглядом.

– Какого дьявола здесь происходит? – голос Калёба прозвучал ровно, ледяным спокойствием контрастируя с бурей внутри. – Король Дорвен жив. Вы служите его брату? Это измена. И ты это знаешь. Немедленно убери оружие.

Десятник рассмеялся. Коротко, хрипло.

– Король Дорвен... – он растянул имя, сплюнув в грязь. – Разум съела болезнь. А Валерис принял корону по праву крови, пока наследник не объявился. Так что ваш долг, советник, – он ткнул острием в грудь Калёба, – если вы тот, за кого себя выдаете, – подчиниться новой власти.

Варик дернулся.

– Да как ты сме...

– Варик! – голос Калёба хлестнул, как плеть. Капитан замер, сжал зубы. – Тихо.

Калёб снова посмотрел на десятника. В голове лихорадочно металась мысль. Валерис на троне. Король при смерти. Совет позволил?

– Ты ошибся, – спокойно произнес Калёб. – Мы не дезертиры. Я – лорд Калёб, Верховный Советник короля Дорвена. Со мной Лиана, дочь короля, и мои люди. Мы выполняем приказ: ищем законного наследника, принца Элиана. Если Валерис взял трон, пусть предъявит документы. Доказательства смерти короля. Акт отречения принца. А пока...

– Пока ты будешь молчать, – оборвал десятник, теряя терпение. Копье качнулось, острие опасно приблизилось к горлу Калеба. – Мне плевать, кто ты был при старом режиме. Новый король приказал задерживать бродяг без документов. А вы, – он презрительно окинул их взглядом, – выглядите как сброд. Шатаетесь по лесу, пугаете народ.

Лиана дернулась в седле. Ее лошадь всхрапнула, сделала шаг вперед. Мгновенно десяток копий качнулся, нацеливаясь ей в грудь.

– Леди Лиана, – поправила она звонко, и в голосе зазвенела сталь. – Дочь короля Дорвена. И твой «король» Валерис не имеет права занимать трон, пока жив прямой наследник. А Элиан жив. Мы это знаем.

Усмешка сползла с лица десятника. Он прищурился, оглядел Лиану оценивающе и нагло.

– Ты не королевских кровей, девочка, – сказал он, растягивая слова. – Приемыш. Подкидыш. Таких у короля могла быть дюжина. Сиди тихо. Твое слово ничего не весит.

Варик не выдержал. Забыв об опасности, он рванулся вперед, хватаясь за меч.

– Заткни свой поганый рот, отродье!

– Варик, стой! – рявкнул Калеб, но было поздно.

Десятки копий мгновенно сомкнулись перед капитаном, застыли у самого горла. Варик замер, но его взгляд, полный ненависти, обещал десятнику мучительную смерть.

– Тише, Варик! – Калеб резко поднял руку. – Не надо.

– А то что, капитан? – Десятник лениво повел копьем, чиркнув острием у лица Лианы.
– Прочистишь меня?

– Копье убери, – тихо сказал Калеб. Голос прозвучал настолько низко, что десятник невольно замер.

– Что?

– Я сказал: убери копье от ее лица. Или я тебе его в задницу засуну, когда встретимся без свидетелей.

На миг повисла тишина. Даже ветер, казалось, стих.

– Ты... – начал десятник, но договорить не успел.

– После короля престол наследует принц Элиан. Он жив. И пока он жив, Валерис всего лишь регент. Вы служите предателю.

Десятник набычился, пытаясь вернуть уверенность, но в глазах мелькнула тень сомнения.

– Нам известно, что принц Элиан сбежал, – произнес он, но уверенности в голосе не было.

– Отказался от обязанностей. Дезертир не имеет прав. Король Валерис объявил его лишенным титула. Закон есть закон.

– Как вы смеете! – Лиана рванулась в седле, но конь лишь тревожно переступил копытами. – Пока он жив, он будущий король! Вы не можете просто вычеркнуть его!

– Значит, так, десятник, – Калеб говорил ровно, чеканя каждое слово. – По закону, по которому страна живет триста лет, Валерис мог объявить себя королем только в одном случае: если Элиан официально отрекся или мертв. У тебя есть документы? Грамота отречения? Или тело привезли в столицу?

Десятник замаялся. Копье дрогнуло.

– Мне приказано...

– Мне плевать, что тебе приказано, – отрезал Калеб. – Ты выполняешь приказы человека, который узурпировал власть. А я – королевский советник. И если Валерис действительно король, пусть докажет это.

– Хватит разговоров, – оборвал десятник. Он резко махнул рукой. – Вы отправляетесь в замок. Обвинение в дезертирстве и поддержке самозванцев карается смертью, но его величество милосерден. Возможно, отделаетесь темницей. Слезайте с лошадей. Быстро!

Калеб оглянулся. Лиана смотрела на него, и в ее глазах плескалась такая ярость, что он понял: еще слово – и она бросится.

– Лиана, – тихо сказал он, встречая ее взгляд. – Тихо. Не надо.

– Они не имеют права...

– Знаю. – Он чуть наклонил голову. – Но нас пятеро. Лошадей двое. Тридцать всадников с копьями. Если начнем бой, никто не уйдёт. Ты слышишь меня?

Она слышала. Губы дрогнули, сжались в тонкую белую линию, но она промолчала. Кaleb медленно расстегнул пояс с мечом и бросил на землю. Меч звякнул, ударившись о камень.

– Варик. Олрик. Торвальд. Оружие на землю.

– Милорд... – начал Варик.

– На землю, капитан. Это приказ.

Трое гвардейцев, стиснув зубы, медленно склонились. Кинжалы, мечи, лук – все полетело в мокрую траву.

– Вяжите их, – бросил десятник, не слезая с седла. Голос звучал лениво. – Руки за спину. И эту... – он кивнул на Лиану, – снимите с коня. Пусть пройдет пешком.

Двое солдат спешили. Один грубо схватил Лиану за плечо, стащил с седла. Она не сопротивлялась – только зашипела, когда запястья стянули веревкой. И посмотрела на Калеба. В этом взгляде было столько боли и унижения, что у него сжалось сердце. Она смотрела только на него. Как будто он один мог это остановить.

Его скрутили следом. Пеньковая веревка врезалась в кожу, пережимая вены. Рядом связали Варику, Олрика и Торвальда. Лошадей отвели в сторону.

Кaleb стоял, чувствуя, как холодный ветер пробивает мокрую одежду, и смотрел на горизонт. Валерис. Брат короля. Тот, кого считали безобидным пьяницей. Если он узурпировал трон... Что творится в замке? Где Совет? Где Эдвин? И главное – кто ещё знает правду?

– Шевелись!

Грубый толчок древком копья в спину вышиб воздух. Отряд тронулся. Пятеро пленников, связанных и грязных, шли в центре строя тяжелых всадников. Они удалялись от леса, направляясь в пасть к узурпатору. Кaleb шагал твердо. Веревка врезалась в запястья, но он почти не чувствовал боли. В голове рождался план.

Он не сдастся. Не сейчас.

Лиана

Дождь начался, едва они миновали ворота. Сначала редкие тяжелые капли отбивали ритм по шлемам, затем ливень обрушился стеной. Лиана шла, не чувствуя ног. Сапоги чавкали в грязи, каждый шаг давался с трудом, мокрая веревка впивалась в кожу, оставляя саднящие полосы.

Город встретил их тишиной. Люди жались к стенам, прячась под навесами, но сотни глаз следили за процессией. Лиана замечала, как женщины прикрывают рты ладонями, как мужчины хмурятся.

– Смотри, это она... – шепоток пробился сквозь шум дождя.

– Леди Лиана... Говорят, предали короля...

– Бедняжка. Посмотри ей в глаза.

Лиана заставила себя идти прямо. Спина ровная, подбородок чуть выше обычного. Она шла не как пленница, а так, будто сама выбрала этот путь. «Я дочь короля. Я Лиана. Я не сломаюсь». Внутри все сжималось от унижения, от желания закричать и рвануть путы. Но она молчала. Гордость была единственным, что осталось.

Гравий сменился камнем. Мостовая вела вверх, к замку, выраставшему из серой пелены. Темно-серые стены, мокрые, блестящие, уходили в небо. Башни давили тяжестью. Лиана знала этот замок. Здесь она выросла.

Сейчас он казался чужим.

Лиана почувствовала взгляд и повернула голову. Кaleb шел в двух шагах впереди. Он держался так, словно вел армию, а не его вели на казнь. Их взгляды встретились. В его карих глазах, усталых и потемневших, плеснуло что-то, от чего перехватило дыхание. Обещание. «Я здесь. Я рядом. Держись». Лиана сглотнула ком и едва заметно кивнула.

Главные ворота распахнулись. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь с потом и грязью. Конные стражники спешили, передавая пленников пешей гвардии.

– Внутрь! – рявкнул сержант, толкая Калеба прикладом алебарды в спину.

Коридоры, еще недавно родные, теперь выглядели враждебно. Лиана знала каждый поворот: здесь бегала ребенком, здесь играла в прятки с Элианом. Теперь факелы горели тускло, отбрасывая дерганные тени. Знакомые гобелены сняли, заменив траурными черными полотнищами.

Их вели в тронный зал.

Двери распахнулись с громким скрипом. Гул голосов стих, едва они переступили порог. По обе стороны прохода стояли лорды, советники, капитаны. Все в черном. Лица бледные, глаза опущены. Никто не смотрел на входящих. Сквозь пелену усталости Лиана узнавала знакомые фигуры: лорд Стефан, леди Морган, магистр Эдвин.

В центре зала, на возвышении, стоял трон. Тяжелый, резной, из черного дерева. На нем сидел человек, которого Лиана видела лишь на портретах.

Валерис.

Его лицо было жестким, глаза холодными, как лед. Тонкие губы кривились в подобии улыбки. Он был одет в темно-синий камзол с серебряным шитьем – цвета траура. На груди – брошь с гербом, которую Лиана помнила на плече отца. Валерис сидел, откинувшись на спинку, и рассматривал их с ленивым интересом, словно диких зверей.

Стражники грубо подтолкнули пленников вперед. Лиана споткнулась, но устояла. Ее подвели к подножию трона, чья-то тяжелая рука надавила на плечо, пригибая к полу.

– На колени, – рявкнул стражник.

Лиана ударилась коленями о холодный камень и боль пронзила ноги. Она стиснула зубы и вцепилась взглядом в того, кто сидел на троне.

Рядом опустили Калеба. Варика. Олрика. Торвальда.

Кaleb дернулся, когда стражник слишком грубо толкнул Лиану.

– Руки убрал, – процедил он сквозь зубы, поворачивая голову к стражнику. – Я тебя запомнил.

Тот хотел огрызнуться, но, встретившись взглядом с Калемом, передумал и отступил.

Кaleb выпрямился, игнорируя боль. Его взгляд скользнул по залу.

– Предатели... – слово сорвалось с губ Калеба, громкое и четкое. – Стоило мне отлучиться на несколько дней, и вы уже целуете сапоги узурпатору?

Он говорил негромко, но в мертвой тишине каждое слово звучало оглушительно.

– Я думал, у вас есть хребты.

– Лорд Кaleb, – голос с трона прозвучал тихо, но властно. Валерис чуть подался вперед. – Я слышу, вы что-то хотите сказать?

Кaleb усмехнулся. Усмешка вышла кривой, злой.

– О, я много чего хотел бы сказать, ваше... величество.

Последнее слово он выделил с такой язвительностью, что несколько лордов вздрогнули. Кaleb попытался подняться, но стражники вдавили его плечи вниз.

– Отпустите меня. Я хочу говорить стоя. Как подобает Советнику Короны.

Валерис махнул рукой.

– Оставьте его. Пусть говорит. Мне интересно.

Кaleb медленно, с достоинством поднялся, разминая затекшие мышцы.

– Я – Калев, Верховный Советник короля Дорвена, хранитель Большой Печати. Мое отсутствие было вызвано поиском законного наследника, принца Элиана, похищенного при загадочных обстоятельствах. Я вернулся, чтобы защитить трон от узурпаторов и предателей. Почему вы, – он обвел совет жестом, – позволили этому человеку занять трон, не имея законных прав?

Валерис слушал внимательно, барабанил пальцами по подлокотнику. Когда Калев замолчал, в зале повисла тишина. Узурпатор разочарованно вздохнул.

– Законные права? – переспросил он мягко. – Лорд Калев, вы служили моему брату. Вы должны знать: трон наследуется по крови. Мой брат мертв. Его сын – дезертир, сбежавший с поля боя и отрекшийся от престола. Кому, как не мне, править?

– Мертв? – Калев замер.

Удар попал точно в цель. Лиана почувствовала, как земля уходит из-под ног. Мир поплыл, звуки стали глухими.

Нет. Не может быть. Отец...

– Что значит – мертв?

Валерис вздохнул, словно речь шла о чем-то скучном.

– Король Дорвен скончался вчера вечером. Не приходя в сознание. Врачи говорят, проклятие съело его изнутри. Мы проводили его в последний путь достойно. Он покоится в склепе предков.

– Нет... – выдохнула Лиана. Она дернулась, пытаясь вскочить, но стражники схватили ее за плечи. – Пустите! – голос сорвался на визг. – Это ложь! Отец не мог... Он не...

Она вырывалась. Плечо дернулось, кулак, сжатый до боли, врезался в челюсть ближайшего стражника. Тот охнул, отшатнулся. Но их было слишком много. Второй навалился всем весом, прижимая ее грудью к холодному камню. Третий скрутил руки за спину, выкручивая суставы.

– Уберите руки! – кричала Лиана, захлебываясь слезами. – Отец! Папа!

Она билась локтями, коленями, головой. Один из стражников получил удар затылком в скулу. Солдат выругался и ткнул ее кулаком под ребра. Лиана согнулась пополам. Удар вышиб воздух. Она хрипела, жадно хватая ртом влажную духоту зала, чувствуя, как темнеет в глазах.

– Отпустите ее! – рев Калеба перекрыл шум борьбы. Он рванулся вперед, двое стражников едва удержали его. – Валерис! Где доказательства? Покажите мне тело! Я не поверю, пока не увижу своими глазами!

– Это правда, Калев.

Голос раздался сбоку. Из тени колонны вышел магистр Эдвин. Он был бледен, осунулся еще сильнее. Глаза ввалились, под ними залегли черные круги.

– Вчера вечером король Дорвен испустил дух, – продолжил Эдвин, и голос дрогнул. – Я был рядом до последнего вдоха. Мы пытались бороться... но проклятие оказалось сильнее. Прости меня, Лиана.

Он смотрел на девушку, и в этом взгляде читалась такая неподдельная боль, что сопротивление покинуло ее. Лиана поверила. Поверила всем сердцем.

Отец мёртв.

Она закрыла глаза. Почувствовала, как внутри что-то надломилось. Мир рухнул. Горячая волна подступила к горлу.

– А Элиан? – спросил Калев, не сводя взгляда с Эдвина. – Что с принцем?

Эдвин отвел взгляд.

– Мы не знаем.

– Принц жив. Я уверен. Он с магистром Родриком. – голос Калеба дрогнул, но он держался.

– Родрик? – переспросил лорд Харлан, выступая из рядов. Человек, еще вчера льстивший Калебу, теперь смотрел с открытым презрением. – Тот самый Родрик, который предал вашего покойного короля? Который наслал чуму, убил его и поставил под угрозу замок?

Калев побледнел. Медленно повернулся к совету.

– Родрик предал короля? – переспросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Вы нашли доказательства?

– Здесь замешана древняя магия, Калев, – холодно вмешался Валерис. – Какие еще доказательства нужны, кроме смерти монарха и исчезновения мага с наследником? Факты налицо. Родрик похитил принца, чтобы лишить нас шанса на спасение. А вы, – он ткнул пальцем в сторону Калеба и Лианы, – помогли ему, дезертировав.

– Законной власти убийцы! – взревел Варик. Капитан, до сих пор молчавший, не выдержал. – Да как вы смеете!

– Молчать! – гаркнул стражник, ударяя Варика древком копья между лопаток. Капитан рухнул лицом вниз, подавив стон.

Валерис медленно поднялся с трона.

– За дезертирство, измену и пособничество похитителям приговор один – смерть, – произнес он, наслаждаясь моментом.

Он наблюдал, как Лиана вздрагивает, как Калев делает шаг вперед, пытаясь закрыть ее собой.

– Однако... я милостив. Король Дорвен был моим братом, и я не хочу обагрять руки кровью его приближенных в день кончины. Поэтому мой приговор таков: пожизненное заключение в темницах. Без права переписки. Без свиданий. Вы будете гнить там, пока смерть не сжалится над вами.

– Сдохнуть в каменном мешке? – Варик поднял голову, в глазах горела ненависть. – Это твоя милость, ублюдок?

– Варик! – рявкнул Калев. – Это безумие! Вы не можете держать Советника и дочь короля в тюрьме без суда!

– Я могу все, – холодно отрезал Валерис. – Уведите их.

Двое стражников навалились на капитана. Варик хрипел, пытаясь вырваться.

– Милорд, – процедил он сквозь зубы, – позвольте мне...

– Молчи, – приказал Калев. – Молчи и не двигайся. Ты совершаешь ошибку, Валерис. Когда Элиан вернется, он спросит за каждого из нас.

Уголок губ регента дрогнул в усмешке.

– Если вернется, лорд Калев. Если.

Он махнул рукой. Стражники подхватили пленников, грубо поволокли к выходу. Лиана шла словно во сне. Слезы текли по щекам, но она не сопротивлялась. Боль потери затмила все. Отец мертв. Элиан пропал. Мир рухнул.

На пороге тронного зала, когда их выталкивали в коридор, ее взгляд скользнул по толпе придворных. И замер.

Финн.

Парень стоял рядом с женщиной в темно-синей мантии. Высокой, статной, с лицом, лишенным эмоций, и странными пронзительными глазами. Магистр Сибилла. Та самая, чье имя шепотом произносили в темных углах замка.

Финн поднял глаза и встретился взглядом с Лианой. В его глазах читались шок и немой вопрос. Он открыл рот, сделал шаг навстречу, но женщина положила руку ему на плечо. Жест был легким, но властным. Финн замер, опустил взгляд.

– Финн – прошептала Лиана, и в шепоте было больше боли, чем в криках раньше. Предательство било со всех сторон.

– Финн? – выдохнул Варик. – Ты как тут? Что...

Тяжелый удар кулаком в спину оборвал вопрос. Капитан споткнулся.
– Пошли! – рывкнул стражник, толкая Лиану в спину.

Их втолкнули в сырой темный коридор, ведущий глубоко вниз. Воздух был спертый, пах плесенью и немывтыми телами. Факелы чадили, отбрасывая дерганные тени.

– Заходите, гости дорогие, – усмехнулся тюремщик, грубо толкая Лиану внутрь. Она влетела в камеру, ударилась плечом о стену и сползла на пол, в грязную солому, пропахшую крысиным пометом. Лязгнул тяжелый засов.

В камере напротив, через узкий проход, виднелась другая решетка. Лиана медленно подняла голову. Кaleb сидел там, прислонившись спиной к сырой кладке. Он смотрел на нее сквозь прутья. Лицо бледное, губы сжаты, но в глазах не было страха. Только глухая боль.

– Ты как? – спросил он тихо.

Лиана хотела ответить «нормально», как всегда, как привыкла – дерзить, прятать слабость за острым языком. Но губы дрогнули, и вместо этого вырвалось:

– Страшно.

Она сама не ожидала, что скажет это вслух.

Кaleb молчал долго. Потом чуть наклонился вперед.

– Я рядом, – сказал он просто. – Слышишь? Я здесь.

Лиана кивнула. Слезы подступили к глазам, но она запретила им течь. Не здесь. Не сейчас. Не перед ним.

В соседней камере, справа от Калеба, кто-то зашевелился. Послышался шорох соломы. Лиана вздрогнула и обернулась. В углу, в густой тени, сидел человек. Тощий, небритый, в лохмотьях. Его темные злые глаза, горящие лихорадочным блеском, уставились на Калеба с чистой ненавистью.

– Кого я вижу, – прохрипел незнакомец. Голос был сильным. – Сам лорд Кaleb пожаловал в наши края. Что, советник, не ожидал встретить старых знакомых в таком обществе?

Кaleb медленно повернул голову. Узнавание не вызвало эмоций, только усталую констатацию.

– Рауль, – произнес он ровно. – Ты еще жив?

– А ты, я смотрю, уже нет, – оскалился вор, обнажая гнилые зубы. – Боги справедливы, милорд. Помнишь, как ты лично заковал меня в кандалы за кражу из казны? Как отправил гнить сюда, забыв обо мне?

Кaleb ничего не ответил. Он отвернулся к стене.

Рауль еще некоторое время бубнил проклятия, но Лиана перестала его слышать. Она смотрела на Калеба. На профиль, выхваченный тусклым светом факела. На то, как он сидит, обхватив колени, принимая поражение.

Мы в темнице. Отец мертв. Элиан неизвестно где. А я здесь, в грязи, как последняя нищая.

Она подтянула колени к груди, обняла их и уткнулась лицом в ткань мокрых штанов. Плечи дрожали, слезы текли. И впервые за долгое время Лиана позволила себе быть слабой. Хотя бы на минуту. Хотя бы в темноте, где никто не видит.

Кроме него.

Он ничего не сказал. Просто смотрел. И этого было достаточно.

Глава 9

Финн

Дубовые створки тронного зала сомкнулись за пленниками с глухим ударом. Финн все еще слышал их – гул голосов, стихающий за дверью, и собственное сердце, колотившееся где-то в горле. Он стоял у стены, рядом с Сибиллой, и смотрел туда, где исчезли Лиана, Калев, Варик.

Он видел ее взгляд. Последний взгляд Лианы, брошенный через плечо, перед тем как коридорная тьма проглотила их.

«Финн»

Ее шепот все еще висел в воздухе, острый, как осколок. В одном этом имени уместились боль, разочарование и вопрос, на который у Финна не было ответа.

Внутри все перевернулось. Желудок сжался в тугой узел, горло пересохло, будто он наглотался пепла. Он был предателем. Не потому что хотел им стать, а потому что выжил. Потому что остался на ногах, когда те, кому он присягал, шли в цепях. Он должен был быть там – в грязи, в веревках, рядом с Калевом, который никогда не бросал слабых, и с Лианой, которая не умела сдаваться. Вместо этого он стоял в сухом, чистом коридоре и сжимал в кармане кошель с серебром, подаренный ведьмой.

– Перестань грызть себя, мальчик.

Голос Сибиллы прозвучал тихо, но резанул, как лезвие по натянутой струне. Она не смотрела на него – ее взгляд упирался в закрытые двери, словно она видела сквозь камень то, что происходило за ними.

– Чувство вины – это роскошь, которую мы не можем себе позволить. Оно делает тебя слабым. А слабым в этом замке быть – значит быть мертвым.

Финн сглотнул. Руки дрожали. Он спрятал их в складках плаща, сжал в кулаки до боли.

– Я должен был – прошептал он, глядя в пол. – Я должен быть там. С ними. А я стою здесь. Как...

– Как тот, кто сможет им помочь, если не сдохнет раньше времени, – оборвала Сибилла жестко. – Ты думаешь, твое место в темнице? Рядом с ними? Гнить вместе, беспомощный и бесполезный?

Она чуть наклонилась к нему, понизив голос до шепота, от которого по спине бежали мурашки.

– Ты будешь полезен им только живым и свободным. Запомни это. А сейчас – соберись. На нас смотрят.

Финн поднял голову. Пара лордов, проходя мимо, скользнула по ним равнодушными взглядами. Финн выдохнул, заставляя лицо стать каменной маской.

– Умница, – одними губами сказала Сибилла. – Пошли. У нас есть дела.

За день до этого

Зал совета встретил их гулом голосов и запахом старого пергамента, смешанным с тревогой. Лорды и советники сидели за длинным дубовым столом. Перед каждым стояли стопки писем, свитков, отчетов. Воздух был тяжелым и спертым. Окна не открывали, боясь сквозняков, хотя в углах уже начинала заводиться плесень.

Сибилла заняла место в дальнем конце стола, у камина. Финн встал у нее за спиной, как велела: тенью, незаметным наблюдателем. Грач сидел на спинке ее кресла, черный, неподвижный. Только его глаза, живые и умные, следили за каждым движением в зале.

– Что там у нас? – Леди Морган потерла переносицу, разглядывая свиток. – Опять деревня просит отсрочки по налогам? Это уже третья за сегодня.

– Четвертая, – поправил лорд Стефан, нервно перебирая бумаги. Его пальцы барабанили по массивному перстню. – Северные провинции. Урожай погиб. Дожди сгноили зерно на корню. Просят помощи из королевских запасов.

– У нас нет зерна, – отрезала Морган. – Запасы отдали армии перед битвой. А армия – она запнулась.

– Армия разбита, – закончил за нее Бренн. Комендант сидел, навалившись грудью на стол, и хмуро смотрел в одну точку. – Если урги вернуться, то некому будет защищать стены.

– Не каркай, – буркнул Стефан. – Может, не вернуться.

Спор разгорался с новой силой. Каждый кричал о своем, пытаясь переложить ответственность на других. И вдруг двери распахнулись.

В зал вошел магистр Эдвин. Он был бледен, почти синюшен. Губы тряслись.

– Милорды – голос лекаря сорвался на хрип. Он оперся о край стола, чтобы не упасть. – Тьма она ушла из покоев короля.

На миг никто не шелохнулся. А потом все разом рванули к дверям.

Финн посмотрел на Сибиллу. Та сидела неподвижно. Только одна бровь чуть дрогнула.

– Идем, – сказала она, поднимаясь. – Посмотрим.

Коридоры, ведущие к королевским покоям, встретили их тишиной. Стражи стояло вдвое больше обычного, но люди жались к стенам и старались не дышать в сторону дверей.

Он никогда не был здесь. Простому стражнику вход в покои монарха был запрещен.

Комната поражала размером. Высокие своды терялись в полумраке. Тяжелые бархатные шторы были задернуты наглухо, отсекая любой луч света. В углах еще клубились остатки тьмы – тонкие, как паутина нити, которые таяли на глазах, втягиваясь в камень и пол. По периметру горели десятки свечей. Их пламя дрожало, металось, но не гасло.

А в центре, на огромной кровати под балдахином, лежал он.

Финн смотрел на короля Дорвена и не узнавал его. На портретах в коридорах это был статный мужчина с густыми темными волосами и властным взглядом. Сейчас

Волосы короля стали белыми. Не седыми, а мертвенно-белыми, как известь. Они разметались по подушке сухими, ломкими прядями. Лицо изменилось неузнаваемо. Щеки ввалились, скулы заострились, кожа обтянула череп, став серой и прозрачной, словно пергамент. Сквозь тонкие веки, казалось, можно было разглядеть пустоту внутри. Грудь вздымалась редко, так слабо, что Финн ловил себя на том, что считает вдохи, боясь, что следующий не случится.

– Боги... – выдохнул кто-то сзади.

– Тише, – шикнула леди Морган.

Магистр Эдвин подошел к кровати, опустился на колени. Взял руку короля – худую, невесомую, с проступившими синими венами. Приложил пальцы к шее. Замер.

Тишина длилась вечность.

Потом Эдвин поднял голову. Посмотрел на советников. И Финн увидел в его глазах то, чего не видел никогда: абсолютную, безнадежную пустоту.

– Король Дорвен – голос лекаря дрогнул. Он прокашлялся, пытаясь вернуть твердость.

– Его величество скончался. Только что. Сердце остановилось.

Тишина взорвалась криками.

– Как?! – закричал Стефан, хватаясь за голову. – Не может быть! Тьма же ушла! Она должна была отпустить его!

– Она не отпустила, – тихо сказал Эдвин. – Она забрала все. Всю его жизнь. До последней капли.

Леди Морган медленно опустилась на стул у стены. Бренн замер, сжимая и разжимая кулаки. Финн стоял и смотрел на мертвого короля. Человека, которому он присягал. Которого должен был защищать. Теперь он лежал здесь, иссушенный, пустой, как старая скорлупа.

Рядом бесшумно зашевелился грач на плече Сибиллы. Сама она стояла неподвижно. Ее серые глаза с вертикальными зрачками быстро скользили по комнате, по стенам, по углам, словно искали что-то невидимое остальным.

– Надо отправлять гонца, – раздался голос Стефана. Лорд уже пришел в себя и поправлял камзол дрожащими руками. – Валерису. Немедленно. Он должен знать. По закону крови, в отсутствие прямых наследников право регентства переходит к нему.

– Зачем? – резко обернулась леди Морган. В ее глазах плескалась злость, смешанная с горем. – Принц Элиан жив! Мы не знаем наверняка, но и не знаем, что он мертв! Отправлять за братом короля – значит готовить почву для узурпации!

– Узурпации? – Стефан побледнел. – Вы понимаете, что говорите? Валерис – брат покойного короля. Он имеет право на престол! Пока мы спорим, урги могут прорвать оборону. Нам нужна сильная рука. Валерис – взрослый мужчина, опытный политик. Элиан – мальчишка, сбежавший с поля боя.

– Он не сбежал, он пропал! – выкрикнул кто-то.

– Элиан сбежал! – взвизгнул Стефан, тыча пальцем в сторону кровати. – С предателем Родриком! Он дезертир! Он отказался от прав, когда покинул поле боя!

– Это не доказано!

– А то, что король мертв, доказано? – Стефан повысил голос. – Посмотрите на него! Это Родрик убил его своей магией! А теперь он увез мальчишку, чтобы сделать из него марионетку или принести в жертву!

– Тише! – рявкнул Бренн. Спорщики замолчали, тяжело дыша.

В тишине голос Сибиллы прозвучал неожиданно громко:

– Спорьте или нет, а гонца отправить придется. Валерис – следующий в очереди. Элиана нет. Король мертв. Если не позвать брата, найдется кто-то другой: дальний родственник, самозванец, соседний король. Думайте быстрее. Время не ждет.

– Шлите гонца, – устало сказала Морган. – Самого быстрого. И готовьте готовьте все к прибытию.

Похороны были быстрыми. Слишком быстрыми для короля. Финн стоял в углу трапезной, куда Сибилла велела ему уйти, чтобы не мозолить глаза знати. Тело начали готовить к погребению сразу. Эдвин объяснил кратко: магия проклятия продолжала работать даже после смерти. Мертвая плоть, напитанная тьмой, становилась опасной для живых. Короля Дорвена завернули в саван и опустили в склеп предков без лишних церемоний.

К вечеру в замке стало тихо. Тихо и страшно.

Сибилла сидела в своей башне, перебирая свитки. Финн стоял у окна, глядя на темнеющее небо. Грач дремал на жердочке, изредка вздрагивая во сне.

– Госпожа, – не выдержал Финн. – Тьма она ушла? Совсем?

Сибилла подняла голову. В свете свечи ее глаза казались почти черными, зрачки расширились.

– Нет, – сказала она просто. – Она затаилась. В стенах. В полу. В камнях. Ждет.

– Чего ждет?

– Приказа.

Финн сглотнул.

– А вы вы можете ее сдержать? Уничтожить?

Сибилла отложила свиток. Помолчала.

– Я поставила барьеры. Самые сильные, какие знаю. Они держат. Но, – она запнулась, и впервые Финн услышал в ее голосе нотку неуверенности. – Этого недостаточно. Тьма глубже, чем я думала. Она не снаружи. Она внутри. Прорастает, как грибница. Если я выжгу ее здесь, – она коснулась рукой холодной стены, – может рухнуть половина замка. А если оставлю как есть...

– Что?

– Она будет ждать. И когда придет тот, кто ее позвал, она ответит.

Финн молчал, переваривая услышанное. Потом спросил тихо:

– Кто ее позвал?

Сибилла посмотрела на него долгим взглядом.

– Хороший вопрос, мальчик. Очень хороший. Если найдешь на него ответ – скажи мне.

Валерис прибыл на рассвете.

Финн видел его въезд со смотровой площадки Северной башни. Отряд всадников, человек пятьдесят, все в черном, с траурными лентами на рукавах, втянулся во внутренний двор. Валерис ехал впереди, на крупном вороном жеребце. Даже сверху было видно, как он держится в седле: уверенно, по-хозяйски, словно уже чувствует трон под собой.

Он спешил. Скинул плащ подбежавшему слуге. И, даже не взглянув на выстроившихся для приветствия стражников, направился прямо в замок.

– Быстро он, – заметил Финн.

– Знал, – коротко ответила Сибилла, стоящая рядом. – Гонец ещё в пути, а он уже здесь.

Финн обернулся.

– Но как он мог знать, что король умрет?

Сибилла усмехнулась, но усмешка вышла невеселой.

– Вот об этом, Финн, я бы на твоём месте подумала. Очень крепко подумала.

Совет собрали через час.

Финн стоял за креслом Сибиллы, стараясь стать частью тени, но цепко вглядываясь в каждое лицо. Валерис сидел во главе стола, в кресле, которое обычно занимал король.

Он был Финн не мог подобрать слова. Не злым. Не добрым. Скольким. Глаза светлые, почти прозрачные, смотрели внимательно, цепко, но ни на ком не задерживались дольше секунды. Тонкие пальцы с перстнями лежали на столе неподвижно.

– Докладывайте, – бросил Валерис, лениво изучая свой перстень. – Что происходит в моем королевстве? Почему казна пуста? Почему зерна не хватает?

Стефан заерзал, раскрывая свитки.

– Ваше высочество Ситуация критическая. Последняя битва съела все запасы. Мы должны наемникам, кузнецам, поставщикам

– Сколько?

– Тысяч двадцать золотом. Плюс долги за зерно

– Налоги поднимите, – отрезал Валерис. – На треть. С завтрашнего дня.

– Но, – Стефан побледнел. – Крестьяне и так еле тянут, если поднять налоги, начнутся бунты.

– Пусть попробуют, – холодно сказал Валерис. – Бунтовщиков будем вешать. Деньги нужны сейчас. Дальше.

Леди Морган поджала губы, но промолчала. Только взгляд ее стал еще жестче.

– Провизия, – продолжил Бренн. – Запасов в городе на две недели. Если осадное положение снимут и откроют дороги, подвезут еще. Если нет...

– Дороги откроем, – кивнул Валерис. – Ургов давно не видно?

– После той битвы, где пропал принц, они словно исчезли. Патрули доходили до Черного леса, ни следа, – ответил Бренн.

Валерис задумался, барабанил пальцами по столу.

– Значит, поняли, что здесь им ничего не светит, – произнес он наконец. – Или нашли то, что искали.

Лорд Харлан сделал шаг вперед.

– Ваше высочество, у нас есть кое-какие находки. Касательно магистра Родрика.

Валерис повернулся к нему. В его глазах мелькнул интерес.

– Говори.

– После исчезновения Родрика мы обыскали его башню. Тщательно. И нашли тайник. За ложной стеной. Там были книги. Запрещенные. Трактаты о Морготрасе, о древнем зле, о ритуалах подчинения воли. Похоже, Родрик пытался использовать темную магию, чтобы контролировать короля. Сделать из него марионетку.

По залу пронесся шепот.

– Вы хотите сказать – начал Стефан.

– Я хочу сказать, что Родрик не просто лечил короля, – перебил Харлан. – Он ставил на нем опыты. Пытался подчинить его волю темной магией. Но что-то пошло не так, и король превратился в овощ. – Он перевел дух. – А когда понял, что не справился, похитил принца. Чтобы попробовать снова. Чтобы вернуться с законным королем-марионеткой и править от его имени.

– Чушь, – выплюнула леди Морган. – Родрик тридцать лет служил короне!

– Или тридцать лет ждал своего часа, – парировал Харлан. – Маги, они все себе на уме. Мало ли что у него в голове?

– У нас нет доказательств, что он ставил опыты на короле, – упрямо сказала Морган.

– А это? – Харлан выложил на стол книгу в черном переплете с пожелтевшими страницами. – Здесь его пометки. На полях. «Дозировка», «реакция», «сроки». Что это, если не отчет об опытах?

Все уставились на книгу. Финн смотрел на нее и чувствовал, как холодеет внутри.

– Бред, – тихо сказала Сибилла.

Никто не ожидал, что она заговорит. Все повернулись к ней.

– Если бы Родрик ставил опыты темной магией, я бы почувствовала, – продолжила она спокойно. – В замке остались бы следы. Эманации. А их нет. Есть только тьма, которая пришла извне и которую кто-то впустил.

– Кто-то впустил? – переспросил Валерис. – Вы хотите сказать, у нас есть предатель?

– Я хочу сказать, что делать выводы рано, – отрезала Сибилла. – И вешать всех собак на мага, который не может оправдаться, удобно, но глупо.

Валерис посмотрел на нее долгим взглядом. В этом взгляде не было злости. Только холодное, расчетливое любопытство.

– Вы правы, магистр, – сказал он наконец. – Рано. Но кое-что мы можем сделать прямо сейчас.

Он обвел взглядом советников.

– Кто еще причастен? Кто мог помогать Родрику? Кто знал о его планах? Кого нужно устранить, чтобы они не навредили королевству дальше?

Стефан заерзал. Морган поджала губы. Бренн нахмурился.

– Лорд Калеб, – подал голос Харлан. – Верховный советник. Он исчез из замка почти сразу после пропажи принца.

– Исчез? – Валерис приподнял бровь. – Куда?

– Советник Калев, – произнес Харлан, делая вид, что сожалеет, – отправился в лес якобы на поиски принца. Вместе с ним был небольшой отряд гвардейцев. Но есть тревожные сведения.

– Какие еще сведения? – прорычал Валерис.

– Леди Лиана тоже исчезла, – сказал Харлан. – Дочь короля. Она пропала в тот же день, что и Калев.

– Дочь короля? – Валерис нахмурился. – Разве она не бастард?

– Мы не знаем наверняка, ваше высочество, – быстро вмешался Стефан. – Покойный король принес ее совсем крошкой и объявил своей дочерью. Юридически она признана наследницей второй очереди. Но ходят слухи, что она может быть настоящей дочерью, просто скрытой от глаз.

– Это не важно, кто она по крови, – отрезал Валерис. – Важно то, что она пропала вместе с главным советником. Калев не искал принца. Он бежал. Он похитил девочку, чтобы использовать ее как рычаг давления, или чтобы скрыть свои следы вместе с Родриком. Они сговорились. Триада предателей: маг, советник и самозванная принцесса.

Финн почувствовал, как кровь отливает от лица. Они переворачивали все с ног на голову. Превращали спасителей в преступников, а жертв – в соучастников.

– Они представляют угрозу для трона, – продолжил Валерис, поднимаясь. – Если они вернуться с армией или с «мертвым» принцем, которого объявят живым, начнется гражданская война. Мы не можем этого допустить.

Он обвел советников тяжелым взглядом.

– Я издаю указ. Найти лорда Калеба, леди Лиану и магистра Родрика. Любыми средствами. Живыми или мертвыми, мне все равно. Но предпочтительно живыми, чтобы суд состоялся принародно. Объявить их врагами короны. Изменниками. Каждый, кто укроет их, будет казнен вместе с ними.

– А если они окажут сопротивление? – спросил капитан стражи.

– Убивать на месте, – спокойно ответил Валерис. – Королевство должно быть очищено от этой скверны. Гонцов отправить во все гарнизоны. Охота начинается сейчас.

Сибилла рядом с Финном тихо фыркнула. Едва слышно. Он почувствовал, как ее пальцы слегка сжали его предплечье. Предупреждающе.

Финн стоял неподвижно, глядя в пол, но внутри у него все кипело. Калев и Лиана – предатели? После всего, что они сделали? После того, как Калев годами держал это королевство на своих плечах?

Валерис усмехнулся, глядя на склоненные головы советников:

– Отличный день, чтобы начать новую эру, не так ли?

Глава 10

Элиан

«Северный Ветер» уходил от Гримсвика, и грязный порт с его вонью и чайками быстро превратился в тонкую полоску на горизонте, а потом исчез совсем. Осталась только вода. Свинцовая, холодная, бесконечная.

Шторм нарастал. Волны с глухим, утробным ревом били в борт, забрасывая палубу тяжелыми ледяными брызгами. Тучи нависли так низко, что казалось, будто они вот-вот зацепят верхушки мачт своими мокрыми, тяжелыми брюхами. Ветер выл, рвал паруса, заставляя корабль опасно крениться то влево, то вправо. Палуба уходила из-под ног, и Элиану приходилось вцепляться в мокрый леер мертвой хваткой, чтобы не упасть за борт. Каждый шаг давался с трудом, превращаясь в борьбу с самой стихией.

И все же судно было прекрасным. Принц никогда не видел ничего подобного.

Несмотря на ярость шторма, корабль оставался истинным произведением эльфийского искусства. Его корпус, выточенный из темного, почти черного дерева с серебристым отливом, блестел в редких лучах солнца, пробивающихся сквозь разрывы туч. Резные узоры, изображающие морских созданий и древние руны, украшали борта и казались живыми в мерцающем свете. Паруса, сшитые из тончайшего материала, напоминали крылья гигантской птицы, ловящие каждый порыв ветра.

Элиан устроился в носовой части, примостившись на свернутом канате. Его взгляд был прикован к корме.

Там, у штурвала, стоял Талион.

Эльф казался неотъемлемой частью корабля. Длинные серебристые волосы развевались по ветру, сливаясь с пеной брызг, плащ хлестал по ногам, но сам капитан стоял неподвижно. Его тонкие, изящные пальцы уверенно держали штурвал, и в каждом движении чувствовалась скрытая сила, способная укротить даже этот яростный шторм.

По палубе сновали другие эльфы. Пять или шесть. Они перекладывали канаты, собирали вещи в ящики. Элиан смотрел на их заостренные уши, на холодные, невозмутимые лица и чувствовал странную смесь: восхищение и липкий, подступающий к горлу страх. Они казались слишком совершенными для мира грязи и крови, к которому он привык.

Из-за кормы показался Родрик. Маг выглядел озабоченным, плащ тяжело хлопал на ветру. Он направился прямо к Талиону, и они о чем-то заговорили, склонив головы.

Элиан привстал, вытягивая шею, но вой ветра и грохот волн заглушали слова. Он уловил лишь обрывок: «...курс... север...», но его тут же смыло соленой водой.

Родрик кивнул, и лицо его стало еще мрачнее. Талион ответил что-то очень тихо, наклонившись к самому уху мага. Элиан вытянулся, делая шаг вперед, но новый порыв ветра ударил с удвоенной силой. Холодная водяная стена хлестнула прямо в лицо. Элиан закашлялся, вытирая глаза рукавом, а когда открыл их, маг и эльф уже заканчивали разговор. Талион, заметив пристальное внимание юноши, оставил Родрика у штурвала и подошел к нему. В руке капитан держал яблоко. Оно странно выглядело в этой серой мгле: яркое, красное, идеальной формы, будто чужеродное.

– Как ты, юный друг? – Голос эльфа перекрыл шум ветра. Он протянул фрукт.

Элиан моргнул, чувствуя себя неловко. Взял яблоко.

– Все хорошо, – быстро сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Спасибо.

Он помолчал секунду, глядя в желтые глаза эльфа, и вдруг выпалил то, что крутилось у него на языке всю дорогу:

– Простите... Я никогда не видел эльфов вживую. Только в книгах. Я думал... ну, вы другие. Не такие.

Талион усмехнулся. В этой улыбке не было ни злобы, ни насмешки, лишь легкая, древняя грусть.

– Ничего, мальчик. Все когда-нибудь бывает впервые. Мир шире, чем стены твоего замка. И опаснее. Привыкай.

К ним подошел Родрик.

– Как рана? – спросил он. Его рука машинально потянулась проверить повязку под плащом Элиана, но замерла на полпути. – Не беспокоит?

– Почти зажила, – ответил Элиан, чуть приподнимая подбородок. – Благодаря твоим травмам. Почти не болит.

Родрик кивнул, но облегчения в его глазах не появилось. Наоборот, лицо словно потемнело. Он медленно перевёл взгляд с Элиана на небо, где тучи сгущались в черную, давящую массу, нависая прямо над мачтой. Затем посмотрел на Талиона.

– Элиан, – тихо сказал маг. – Нам нужно серьезно поговорить.

Сердце принца пропустило удар.

Талион посмотрел на горизонт, где черная полоса воды уже сливалась с небом.

– Надвигается большая туча, – сказал он спокойно, но в этом спокойствии читалась угроза. – Шторм усиливается. Лучше спуститься в трюм.

Элиан почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с морской влагой. Яблоко в его руке вдруг показалось тяжелым свинцовым шаром. Любопытство сменилось глухой тревогой. То, о чем они собирались говорить, явно не предназначалось для чужих ушей. Даже для ушей ветра и моря.

– Хорошо, – тихо сказал он, кивая.

Люк захлопнулся, отрезая рев шторма. В трюме стало тихо, но давяще. Единственный фонарь раскачивался, бросая на стены дерганные тени.

Элиан сидел на перевернутом ящике, сжимая в руках яблоко. Есть не хотелось. Желудок свело узлом. Родрик стоял у стола, опираясь на него обеими руками, опустив голову. Талион прислонился к стене в углу, скрестив руки на широкой груди. Его желтые глаза не моргали. Они смотрели сквозь Элиана, будто видели что-то под кожей.

– Элиан, – голос Родрика прозвучал глухо. – Ты помнишь, что я говорил тебе про магию? Про то, что ты ее не чувствуешь?

Элиан кивнул, глядя в пол.

– Говорил.

– Я солгал тебе тогда, – тихо сказал маг. Элиан поднял голову, и в глазах мага увидел такую боль, что ему стало страшно. – Ты не пустой, мальчик. Наоборот. В тебе слишком много места. Но оно занято.

Элиан нахмурился.

– Чем занято? Я же ничего не чувствую. Ни огня, ни воды, ни ветра. Ничего.

– Потому что там нет места для такой магии, – вмешался Талион. – Там живет кое-что другое. Древнее. Голодное...

Элиан поднял взгляд на него.

– О чем вы?

Талион отлепился от стены и сделал шаг в свет фонаря. Глаза блеснули.

– Много веков назад жил маг по имени Морготрас. Люди зовут его Разрушителем. Мы, эльфы, помним его истинное имя, но даже шептать его опасно. Его не убили. Нельзя убить то, что стало чистой силой. Его разбили на куски. Рассеяли. Большую часть заперли в Бездне, откуда нет выхода. Но мелкие осколки разлетелись по миру. И они искали убежище.

Холод пополз по спине Элиана.

– Убежище?

– Да. – Талион смотрел прямо ему в глаза. – Им нужно живое тело. Такое, чтобы вместить эту силу и не сгореть сразу. Они ждали столетиями. Искали подходящую кровь. Подходящий миг.

Родрик шагнул вперед, его голос дрогнул.

– В ночь твоего рождения, Элиан, граница между мирами истончилась. И один такой осколок, одна искра Морготраса, нашла вход. Она вошла в тебя. Еще до первого твоего вдоха. Элиан медленно покачал головой, словно отрицая каждое слово.

– Нет... Вы ошибаетесь. Я человек. Я сын короля Дорвена. Я не какой-то сосуд для демона.

– Ты сын короля, – твердо сказал Родрик. – По крови ты человек. Но внутри тебя спит то, что хочет вернуть Морготраса к жизни. То, без чего он не сможет стать прежним.

– Спит? – прошептал Элиан, и голос сорвался. – Значит, оно может проснуться?

– Оно уже просыпается, – ответил Талион. – Медленно. По мере того, как ты растешь. Чувствуешь пустоту? Холод внутри? Это не отсутствие магии. Это искра. Она вытесняет все человеческое, занимает место. Твоя собственная сила не может проявиться, потому что ее задавливает вес этой тьмы.

Элиан вскочил. Яблоко выпало из рук и покатилося по полу.

– Вы знали? – закричал он. – Вы все знали и молчали? Родрик, ты мой наставник! Ты учил меня, пытался вызвать магию, зная, что там... это?

– Я пытался найти способ запечатать ее! – Родрик тоже повысил голос, но в нем была не злость, а отчаяние. – Месяцами. Годами. Я думал, что смогу вывести ее, не навредив тебе. Но она пустила корни, Элиан. Она стала частью тебя. Если попытаться вырвать ее сейчас, ты умрешь. Или она вырвется сама и сожжет все вокруг.

– Именно поэтому мы возем тебя не к Хальдору, – спокойно добавил Талион. – Лорд Хальдор не смог бы помочь. Он бы испугался и попытался бы убить тебя, считая угрозой. Мы возем тебя в Земли Забвения. Там есть древние ритуалы. Силу не убрать, но мы можем научить тебя ей управлять, до того, как она полностью поглотит твой разум.

Элиан попятился и наткнулся спиной на холодную стену трюма.

– Управлять? Но вы сказали, она живая. Она хочет вернуться?

– Она хочет власти, – сказал Талион. – Она хочет уничтожить этот мир, чтобы сделать его единым целым. А ты ключ к этому.

Корабль резко качнуло. Фонарь метнулся, тени заметались по стенам, словно живые существа. Элиану показалось, что в темном углу кто-то шевельнулся и из глубины его груди ему ответило тихое, насмешливое эхо.

– Они идут за тобой, – продолжил Талион. – Те, кто служит Морготрасу: урги, тени, предатели в замке. Они чувствуют пробуждение. Они хотят помочь силе вырваться наружу раньше времени. Если они доберутся до тебя сейчас, пока ты слаб, они используют тебя как дверь. И тогда конец наступит очень быстро.

Элиан сполз по стене на пол, обхватив колени руками.

– Так значит, отец... Проклятие отца... Это из-за меня?

Родрик опустился перед ним на колени, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Нет. Проклятие наложили те, кто хотел выманить тебя. Они пытались ослабить защиту замка, чтобы добраться до тебя. Твой отец стал жертвой этой войны, как и многие другие.

– Я монстр, – прошептал Элиан. Слезы потекли по щекам. – Я принес смерть всем, кого люблю.

– Ты не монстр, – жестко сказал Талион. – Ты последняя надежда. Если научишься держать эту силу в узде, станешь хозяином в собственном теле, а не рабом, то сможешь защитить

этот мир лучше любого мага. Но путь будет тяжелым. Придется бороться с ней каждый день. Каждую секунду.

Талион выпрямился.

– У нас есть три дня до прибытия. Три дня до того, чтобы начать борьбу. Ты готов?

Элиан поднял голову. В его глазах плескался животный ужас, но где-то в глубине, там, где раньше была пустота, теперь теплился странный, чужой огонек.

– А если я не справлюсь? – тихо спросил он, глядя на свои дрожащие руки. – Если она проснется и я не смогу ее удержать?

Талион покачал головой.

– Мы не можем убить тебя, Элиан, – сказал эльф тихо, но четко. – Ты не понимаешь. Сила уже стала частью твоей крови. Если мы уьем носителя сейчас, оболочка разрушится, и часть Морготраса вырвется наружу бесконтрольно. Он рассеется по ветру, по воде, по земле и найдёт новое тело. И тогда начнется конец, который уже нельзя будет остановить.

Элиан поднял глаза, и в них плескался ужас.

– Значит, выхода нет? Я обречен?

– Нет, – резко вмешался Родрик. Он протянул руку и крепко сжал плечо принца. – Выход есть. Иначе мы бы не везли тебя сюда.

Родрик наклонился, заставляя Элиана смотреть ему в глаза.

– Ты не обречен, мальчик. Ты избран. Да, это страшная ноша. Да, ты стал клеткой для древнего зла. Но клетка может стать и крепостью. Мы везем тебя в Земли Забвения не для того, чтобы запереть или убить. Мы везем тебя туда, где предки тысячелетиями учились умирять хаос.

– Мы научим тебя, – подхватил Талион, и в его голосе впервые прозвучала не угроза, а клятва. – Поможем выстроить стены внутри твоей души. Чтобы сила служила тебе, а не управляла тобой. Чтобы ты стал ее хозяином. Будет больно. Это станет самой тяжелой битвой в твоей жизни. Но ты не будешь один.

Родрик кивнул.

– Я клянусь своей жизнью и магией: я не дам тебе пасть. Я буду рядом на каждом шагу. Мы все будем рядом. Пока ты дышишь, пока твоя воля крепка, мир в безопасности. Ты не монстр, Элиан. Ты последний рубеж. И мы верим, что ты выдержишь.

Элиан смотрел то на мага, то на эльфа. Страх никуда не делся, он все еще сидел комом в горле, но рядом с ним появилось что-то другое: хрупкое, но реальное чувство опоры. Он больше не был просто жертвой обстоятельств. Ему дали выбор: сдаться тьме или бороться за свет, используя саму эту тьму как оружие.

Он глубоко вздохнул, вытирая лицо рукавом. Слезы высохли, оставив ощущение стянутой кожи, но взгляд стал тверже.

– Хорошо, – сказал он, и голос больше не дрожал. – Я попробую. Сделаю все, что вы скажете. Только... только не дайте мне навредить Лиане. Или отцу. Обещайте мне это.

– Клянусь, – вместе произнесли Родрик и Талион.

За бортом снова ударил гром, сотрясая корпус, но теперь этот звук казался не предвестником конца, а вызовом, на который Элиан готов был ответить.

Родрик облегченно выдохнул.

– Спи, Элиан. Скоро начнется твой настоящий путь.

Люк захлопнулся. Элиан остался один в полумраке, под гул шторма и стук собственного сердца.

«Я не сосуд, – подумал он, глядя в темный угол, где плясали тени. – Я Элиан. И я справлюсь».

Глава 11

Финн

Ночь в Северной башне давила на плечи свинцовой тяжестью. Ветер за окнами выл так, словно пытался выломать рамы и ворваться внутрь, но Сибилла даже не обращала внимания. Она стояла у круглого стола, заваленного свитками, странными стеклянными приборами и засушенными травами, и медленно пересыпала серебристый порошок из одной чаши в другую. Порошок слабо светился в темноте.

Грач неподвижно сидел на спинке кресла, и только его глаза поблескивали, следя за каждым движением Финна.

Он уже час помогал раскладывать травы, переставлять склянки, подавать то, что она просила. Руки делали работу, а мысли крутились вокруг одного: того, что случилось днем.

– Подай вон ту чашу, – Сибилла кивнула на полку, не оборачиваясь. – Серебряную.

Финн послушно снял чашу и протянул ей. Магистр взяла ее, даже не взглянув, и продолжила свои манипуляции.

– Почему вы здесь? – спросил Финн.

Сибилла взяла склянку, откупорила ее и высыпала щепотку сушеного корня в чашу. Смесь зашипела, выпустив клуб едкого фиолетового дыма.

– Я узнала о тьме, Финн. Почувствовала всплеск из своей обители. Прилетела узнать, что происходит в королевстве, которое еще вчера считалось оплотом света.

– Нет, – Финн сделал шаг ближе, сжимая руки в кулаки. – Я не о том спрашиваю. Почему вы *остались*? Король мертв. На троне его брат. Тьма, о которой кричали лекари, исчезла из покоев сразу после смерти Дорвена. Какой смысл оставаться в гнезде предателей? У вас есть дракон. Вы могли улететь еще на рассвете.

Сибилла замерла. Ее рука с ложкой застыла над чашей. Медленно, очень медленно она повернулась к нему. В свете единственной свечи ее серые глаза казались почти прозрачными, а вертикальные зрачки сузились до тонких нитей.

– Ты думаешь, тьма ушла? – ее голос был тихим, но в нем звенела сталь. – Потому что ее не видно в спальне? Потому что король испустил дух?

Она резко выпрямилась, отставляя чашу в сторону.

– Я остаюсь, потому что чувствую ее, мальчик. Она никуда не делась. Она затаилась. Впиталась в камни фундамента, просочилась в подземелья, ждет в тених коридоров. Это не болезнь, которая проходит со смертью больного.

Сибилла обошла стол и оперлась о него руками, глядя на Финна в упор.

– И потом, Родрик...

– Магистр Родрик? – Финн нахмурился.

– Он не мог просто так исчезнуть. Бесследно. Я знаю его пятнадцать лет. Он педант, он осторожен, он любит своего ученика больше, чем собственную жизнь. То, что он пропал именно в ту ночь, когда пропал принц, его единственный любимый наследник, говорит лишь об одном: случилось что-то страшное. Что-то, чего мы пока не видим. И я намерена это выяснить.

– А вдруг слухи правдивы? – Финн понизил голос, оглядываясь на дверь, хотя они были одни. – Вдруг он и вправду наслал эту тьму? В книге, что нашли в его башне...

– Чушь, – отрезала Сибилла, и в ее голосе впервые прорезалась злость. – Родрик никогда бы не поднял руку на короля. И уж тем более не стал бы призывать тени Морготраса. Я маг высшей ступени, Финн. Если бы здесь проводился ритуал такой силы, я бы почувствовала эхо этой магии за сотню лиг. Воздух бы горел, земля бы стонала. Здесь ничего этого нет.

Она снова взяла ложку, нервно постукивая ею по краю чаши.

– Использовать телепортацию? Да, он мог. Экстренный уход, спасение принца. Но сотворить сложный ритуал проклятия, оставаясь незамеченным для меня? Нет. Эти книги о Морготрасе подтверждают лишь одно: он что-то выяснил. Нашел ответ на вопрос, который мучил его годами. Узнал нечто такое, что угрожало не только принцу, но и всему королевству. И за это его попытались убить. Или он ушел сам, чтобы спасти мальчика.

Финн молчал, переваривая ее слова. Страх, сидевший в нем комом, начал медленно отступать, сменяясь тревожным любопытством.

– И что нам делать? – спросил он наконец. – Мы не можем противостоять Валерису и всему Совету вдвоём.

Сибилла усмехнулась, и улыбка вышла хищной.

– «Нам»? Нет, Финн. Тебе нужно быть моими глазами и ушами. Ты будешь ходить туда, куда я скажу. Слушать то, что я не услышу за стенами башни. А взамен получишь мою защиту. Совет знает, кто я. Валерис тоже не посмеет тронуть тебя пальцем, пока я здесь. Ему нужна моя сила, даже если он этого не признает. Пока я нужна ему как союзник, ты в безопасности.

– А как же принцесса Лиана? – вдруг спросил Финн. В его голосе прозвучала искренняя боль. – Она в темнице.

Глаза Сибиллы блеснули. Она медленно подошла к окну, глядя на черное небо, где угадывался силуэт спящего дракона.

– Ох, Лиана... – протянула она задумчиво. – Вот тут, Финн, начинается самое интересное.

Она обернулась, и в ее взгляде читалось нечто новое: не просто расчет, а удивление.

– Когда ее вели в тронный зал, когда она прошла мимо меня, я почувствовала кое-что. Не магию в привычном понимании. Нечто древнее. Столь мощное, что у меня кровь закипела в жилах. Эта девушка не так проста, как кажется. В ней скрыта сила, о которой она сама, возможно, не догадывается.

Финн широко раскрыл глаза.

– Вы думаете...

– Я ничего не думаю пока. Я наблюдаю, – перебила Сибилла. – Но одно знаю точно: нам нужно их освободить. Найти Элиана, вернуть ему трон и понять, что за сила дремлет в его сестре.

– Тогда давайте действовать! – Финн шагнул вперед, и в его глазах загорелся огонь. – Я пойду в темницу прямо сейчас. Выломаю замок, уведу их...

– Стой, – жестко остановила его Сибилла. – Хочешь погибнуть впустую? Лобовая атака ничего не даст. Сначала нам нужна информация.

Она снова склонилась над картой, расстеленной на столе, и провела пальцем по линии, ведущей от замка Валериса к столице.

– Кто доложил Валерису о смерти Дорвена раньше, чем прибыл гонец? Гонца, кстати, так и не нашли. Он растворился в воздухе вместе с новостью. Значит, предатель внутри действовал быстрее птицы. Нам нужно знать имя этого человека. Нам нужно знать, кто шепнул Валерису, что пора занимать трон.

Сибилла подняла взгляд на Финна.

– Вот что ты сделаешь. Ступай в темницу, но не для побега. Побеседуй с Калобом. Он советник, он видел все, он знает каждого лорда в лицо. Вытяни из него: кто был рядом с королем в последние часы? Какие странности он заметил в поведении Совета?

– Он мне не поверит, – засомневался Финн. – Я для него тот, кто не уследил за принцем.

– Передай ему: «Сибилла чувствует тьму в камнях и верит в невиновность Родрика». Это будет паролем. Калоб умен, он поймет.

Финн кивнул, поправляя плащ. Решимость возвращалась к нему шаг за шагом.

– Я понял. Разговор с Калобом. Информация о предателе. И никаких лишних движений до вашего сигнала.

– Именно, – Сибилла снова взялась за свою работу, перемешивая зелье. – Иди. И помни: стены имеют уши, а тени – глаза. Будь осторожен, Финн. От того, что ты узнаешь сегодня вечером, зависит, станет этот замок могилой или крепостью сопротивления.

Финн поклонился и бесшумно выскользнул за дверь, оставляя мага наедине с ее зельями, грачом и тяжелой тьмой, которая, как знала Сибилла, только начинала расправлять крылья.

Коридоры замка ночью были другими. Финн знал их как свои пять пальцев: каждый поворот, каждую нишу, каждый потайной ход, которым пользовались слуги, чтобы не мозолить глаза господам. Но сейчас, в темноте, знакомые стены казались чужими. Факелы горели реже, чем днем, и тени прыгали по камню так, словно жили своей жизнью.

Финн шел, прижавшись к холодной кладке. Плащ, тяжелый и темный, скрывал его фигуру, но не мог скрыть стук сердца, который, казалось, гремел на весь этаж.

У поворота на лестницу, ведущую вниз, стояли двое стражников.

– Стоять, – один из них выставил копьё, преграждая путь. – Кто идет?

Финн вышел из тени, поднял руки, показывая, что без оружия.

– Я от магистра Сибиллы. К пленникам.

Стражники переглянулись.

– С какой стати? – второй говорил настороженно, но копьё не опускал. – Приказа не было.

– Магистр сказала проверить, не задумали ли они побег, – Финн старался, чтобы голос звучал ровно, буднично. – Валерис будет благодарен, если мы предупредим любую угрозу заранее.

Первый стражник хмыкнул, но копьё убрал.

– Ладно. Проходи. Но я с тобой пойду.

Финн пожал плечами.

– Хоть оба. Мне скрывать нечего.

Лестница винтом уходила глубоко под землю. Воздух здесь менялся: исчезал запах сырой древесины и воска, а на смену приходил запах плесени, невымытых тел и той сладковатой гнили, которую Финн чувствовал еще сидя под решеткой совета. Тьма здесь была гуще. Она липла к коже, холодила затылок.

– ...говорят, та девчонка, дочь короля, орала так, что стены дрожали, – бормотал один, пока они шли.

– Лучше бы их сразу казнили, – отвечал второй.

Стражник остановился у двери с решеткой.

– Дальше я не пойду. Вон его камера, третья с конца. Если что-то случится, кричи.

Он усмехнулся собственной шутке и остался у входа, прислонившись к стене.

Коридор темницы был длинным и узким. Факелы здесь почти не горели, лишь редкие огоньки чадили в скобах на стенах. Слева и справа тянулись решётки, за которыми угадывались неподвижные фигуры. Большинство спало или притворялось спящими. Но в конце коридора, в самых глубоких камерах, сидели они.

Финн сначала подошел к камере слева. Там, на грубой соломе, находились Варик и Олрик. Капитан выглядел плохо: плечо неаккуратно перевязано тряпками, сквозь которые сочилась кровь, лицо покрыто грязью и запекшейся кровью. Олрик сидел рядом, поддерживая друга, и мрачно ковырял пальцем дыру в своем сапоге.

Увидев Финна, Варик медленно поднял голову. В его глазах не было злости, только усталость.

– Капитан... – тихо позвал Финн, оглядываясь на стражника у входа. Тот зевал, опираясь на копьё, и, казалось, не обращал внимания. Финн быстро сунул руку под плащ и вытащил

небольшой сверток, завернутый в ткань, и плоскую флягу. – Это мне Сибилла дала, – прошептал он, просовывая сверток и флягу сквозь прутья. – Там хлеб, немного вяленого мяса и вода с отваром тысячелистника. Для раны, капитан. Гниль пойдет, если не промыть.

Варик замер, глядя на еду и лекарство так, словно перед ним было золото. Его живот громко заурчал в тишине коридора.

– Зачем? – хрипло спросил капитан.

– Ешьте, – настойчиво сказал Финн. – Силы понадобятся. И обработайте плечо.

Олрик молча принял сверток, быстро разделил его на две части. Одну протянул Варику, вторую оставил себе.

– Спасибо, парень, – буркнул лучник, не поднимая глаз. – Не думал, что у тебя кишка не тонка будет сюда сунуться.

– Как вы? – тихо спросил Финн, глядя на бледное лицо Варика. – Держитесь?

Варик сделал большой глоток воды, жадно, захлебываясь, затем вытер рот тыльной стороной ладони.

– Живы, – коротко ответил он. – Пока живы.

Финн кивнул, получив в ответ едва заметный кивок Варика, двинулся дальше, к камере напротив.

Калёб сидел на соломе, прислонившись спиной к стене. Он поднял голову, когда Финн остановился у решетки.

– Ты? – голос Калёба прозвучал хрипло. – Пришел посмотреть, как гниют те, кому ты не смог послужить? Или Валерис прислал тебя добить нас, чтобы не мучились?

Финн сглотнул. Руки под плащом дрожали, но он заставил себя стоять прямо.

– Я не за тем, милорд.

– Не называй меня так. – Калёб сплюнул на пол. – Для тебя я теперь просто пленник. Как и все здесь.

Он усмехнулся, но усмешка вышла злой.

– Конечно. Ты теперь при важной госпоже. Шпионишь, докладываешь. Что она хочет узнать? Где мы закопали золото? Кого еще продать?

Финн сжал кулаки. Внутри все кипело, но он сдержался.

– Милорд, я не предатель. Я сидел в цепях, пока вы искали принца. А когда вернулись... – он запнулся. – Я не мог ничего сделать. Они бы убили меня раньше, чем я успел бы дернуться.

– Но теперь ты можешь, – Калёб не спрашивал, он утверждал. – Теперь ты при госпоже с драконом и можешь все. Только почему-то пришел один, без ключей и без меча.

– Потому что не за этим, – Финн шагнул ближе к решетке, понизил голос. – Милорд, послушайте. Сибилла... она не на стороне Валериса.

Калёб смотрел на него недоверчиво, но молчал.

– Она просила передать вам слова. Скажи, говорит, что Сибилла чувствует тьму в камнях и верит в невиновность Родрика. Вы поймете.

Повисла тишина. Калёб смотрел на Финна долго, очень долго. Потом медленно поднялся и подошел к решетке.

– Она так и сказала? «Верит в невиновность Родрика»?

– Да, милорд. И еще сказала, что книги о Морготрасе, которые нашли в его башне, не доказательство. Это значит, что он что-то узнал. Что-то важное. И за это его пытались убить.

Калёб провел рукой по лицу.

– Тьма в камнях... – повторил он тихо. – Значит, она чувствует.

Он посмотрел на Финна. Взгляд изменился: недоверие ушло, осталась только усталость и что-то похожее на надежду.

– Что ей нужно?

– Информации, – Финн перевел дух. – Она хочет знать, кто предупредил Валериса. Гонец, которого послали к нему, не вернулся. А Валерис приехал раньше, чем должен был. Кто-то сообщил ему о смерти короля быстрее птицы.

Кaleb нахмурился, отошел от решетки и заходил по камере, меряя шагами тесное пространство.

– Совет. Кто-то из Совета. Больше некому. Только они знали, что посылали гонца.

– Она просила вспомнить все. Кто был рядом с королем в последние часы? Кто вел себя странно? Кто слишком быстро согласился с новым королем?

Кaleb остановился.

– Харлан, – бросил он. – Лорд Харлан. Вечно мне подлизывался, а когда я вернулся, смотрел так, будто я уже покойник.

Финн кивнул, запоминая.

– Еще?

– Стефан – трус. Но трусы часто выбирают сторону сильного слишком поспешно, чтобы спасти шкуру. – Кaleb помолчал. – Но главное не это. Главное – Родрик. Если она верит в него, значит, принц жив. И его нужно найти.

– Она знает, – быстро сказал Финн. – Чувствует. Не точно, но примерно. Она хочет искать, но ей нужен проводник.

Кaleb усмехнулся. Коротко, зло.

– Значит, я ей нужен. Не просто так, из жалости.

– Вы нужны, чтобы найти принца, – твердо сказал Финн. – И вернуть ему трон. А она нужна, чтобы вытащить вас отсюда.

– Когда?

– Не знаю. Она сказала ждать сигнала. Сначала информация.

– Финн. Имя Харлан. Запомнил?

– Харлан, – повторил тот.

Кaleb кивнул и отошел вглубь камеры, к стене. Разговор был окончен.

Финн перевел дух и шагнул к соседней решетке.

Лиана стояла в углу, обхватив себя руками. В полумраке ее рыжие волосы казались темными, почти черными, и только когда свет факела падал на лицо, проступали веснушки. Она не смотрела на него.

– Леди Лиана, – позвал Финн тихо.

Она дернула плечом, но не ответила.

– Я не предатель, – сказал он.

Лиана молчала. Смотрела куда-то в стену.

– Я просто хочу помочь, – добавил Финн. Голос дрогнул. – Я не знаю как, но... я хочу.

Тишина.

Потом Лиана медленно повернула голову. Посмотрела на него сквозь решетку. В глазах не было злости.

– Ты не предавал, – сказала она тихо. – Ты просто выжил. Это не преступление.

Она помолчала, потом добавила тише:

– Отец мертв. Элиан неизвестно где. Мы здесь. А те, кто это сделал, сидят наверху и делят власть.

Финн не знал, что сказать. Просто стоял и смотрел на нее.

Лиана вдруг выпрямилась, тряхнула головой, и волосы рассыпались по плечам.

– Ты говоришь, хочешь помочь, – сказала она жестко. – Тогда делай. Не стой тут с видом побитой собаки. Иди и делай.

– Я сделаю, – выдохнул Финн. – Я все сделаю.

– Иди, – она отвернулась к стене. – И если получится... если правда вытащите нас... я запомню.

Из самой дальней камеры, где царила непроглядная тьма, донесся хриплый, насмешливый смешок.

– Трогательно, право слово, – прокаркал голос Рауля. – Мышка пришла утешать львов. Только львы теперь в клетке, а мышка бегает на свободе. Мир перевернулся, господа хорошие.

Финн вздрогнул, но не стал отвечать преступнику. Он лишь крепче сжал кулаки.

– Я вернусь, – тихо сказал он Лиане и Калебу, игнорируя голос из темноты. Затем он развернулся и быстро пошел к выходу, стараясь не слышать, как Рауль продолжает бормотать себе под нос.

Зал Совета, где некогда витал аромат пергамента, воска и чернил, теперь был пропитан запахом сырости и вина.

Финн стоял за высокой спинкой стула, на котором расслабленно, закинув ногу на ногу, сидела Сибилла. На ее плече, неподвижно, как статуэтка, сидел грач. Сибилла медленно гладила птицу по голове, и тот лишь изредка тихо щелкал клювом. Ее взгляд был устремлен в центр стола, но Финн видел, как напряжены мышцы под ее темной мантией.

Во главе стола, там, где раньше восседал король Дорвен, теперь развалился лорд Векслер. Он был тошнотворен. Костлявые пальцы, торчащие из рукавов черной мантии, напоминали птичьи лапы. Кожа обтягивала череп так плотно, что проступали все впадины. Редкие седые волосы зализаны на лысину. Один его глаз бегал, живой и злой, а второй – молочно-белый, мутный – смотрел в никуда, придавая лицу выражение безумия. Когда он улыбался, обнажая кривые, почерневшие зубы, хотелось отвернуться.

– Итак, – произнес он, и голос у него оказался неожиданно высоким, скрипучим, словно несмазанная телега. – У меня для вас новости. Хорошие и плохие. С какой начнем?

Леди Морган поджала губы, ее пальцы нервно сжали подлокотники кресла.

– С плохой, мастер Векслер. Мы уже привыкли к худшему.

– Мастер? – переспросил лорд Стефан, нервно постукивая пальцами по массивному перстню. – С каких пор личный советник лорда-регента – просто «мастер»? Позор короне. Разве регент не пожаловал вам титул за верную службу? Или вы до сих пор считаетесь простым чиновником?

Векслер медленно повернул к нему голову. Белый глаз смотрел куда-то в сторону, за стену, но здоровый впился в Стефана, как клещ.

– С тех пор, лорд Стефан, как лорд-регент Валерис назначил меня своим личным советником. А ваши... регалии, – он скривил тонкие губы, – временно утратили силу. До выяснения обстоятельств.

– Да как ты смеешь... – начал Бренн, приподнимаясь.

– Смею, комендант, – оборвал Векслер, даже не повышая голоса. – Смею, потому что за мной стоит армия наемников и воля короля Валериса. А за вами? – он обвел зал своим мутным глазом с холодной усмешкой. – За вами лишь пустой зал, голодный город и присяга, которую вы уже нарушили, сомневаясь в законном монархе. Король Дорвен мертв и похоронен. Его больше нет. Есть только новый король и я говорю от его имени. Сядьте.

Бренн замер, лицо его пошло красными пятнами, но он медленно опустил голову обратно. Финн покосился на Сибиллу. Она даже бровью не повела. Только гладила грача, и птица довольно шурилась.

– Плохие новости, – продолжил Векслер, обводя зал своим мертвым глазом. – В северных землях падеж скота. Треть овец в долинах сдохла за неделю. Мясо чернеет. Крестьяне говорят, что это порча. Магистр Эдвин, что скажете вы, целитель душ и тел?

Эдвин поднял голову. Лицо у него было серое, измученное.

– Я не скотник, мастер Векслер, – устало ответил он. – Я лекарь людей. Но если это та же тьма, что и в замке...

– Это та же тьма, – перебил Векслер. – Мы это и так знаем. Вопрос в том, что делать? Лорд-регент предлагает сжечь зараженные деревни. Чтобы не распозвалось.

– Сжечь?! – леди Морган вскочила. – Там же люди! Сотни людей!

– Люди, леди Морган, – спокойно ответил Векслер, – которые уже мертвы. Просто еще не знают об этом.

Финн почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он посмотрел на Сибиллу. Она перестала гладить грача.

– Вы не можете этого сделать, – тихо, но твердо сказала Сибилла. – Это не решение. Это паника и бессмысленная жестокость. Тьму нельзя остановить огнем костров, если не найти источник.

Векслер повернул к ней свою страшную голову.

– Магистр Сибилла... Наша дорогая гостья с драконом. Я наслышан о вашем... питомце. Говорят, он любит жареное мясо. Но здесь не Северный форпост. Здесь столица. И здесь решения принимаю я. От имени лорда-регента.

– Решения, которые убьют больше людей, чем спасут, – усмехнулась Сибилла, и в ее глазах блеснул опасный огонек. – Но кто я такая, чтобы спорить с советником, у которого один глаз видит мир, а второй смотрит в преисподнюю?

Векслер дернулся. На секунду его лицо исказилось гримасой ярости, обнажив все свои гнилые зубы, но он тут же справился с собой, вернув маску спокойствия.

– Перейдем к хорошим новостям, – продолжил он, будто не слышал ее выпада. – Наши разведчики видели принца Элиана.

В зале повисла тишина. Такая плотная, что Финн услышал, как бьется его собственное сердце, отдаваясь болью в ребрах. Даже грач замер.

– Где? – выдохнула леди Морган, хватаясь за край стола. – Когда? Он жив?

– В рыбацкой деревне Гримсвик, на побережье, – ответил Векслер, смакуя каждое слово. – Три дня назад. Он был с магом. Судя по описанию, с предателем Родриком.

– Родрик! – лорд Стефан стукнул кулаком по столу, и чернильница подпрыгнула. – Я же говорил! Предатель! Они вместе! Они сговорились украсть трон!

– Вы уверены, что это был он? – подал голос магистр Эдвин. Голос дрогнул, в нем появилась надежда, которую он тщетно пытался скрыть. – Принц жив? Вы точно это знаете?

Векслер усмехнулся своей кривой, страшной улыбкой.

– Не обольщайтесь, магистр. Ваш юный принц считается дезертиром. Он самовольно покинул поле боя, оставив армию на произвол судьбы. А если с ним маг-изменник, и они направляются на север, в земли, где бушует чума... – он развел костлявыми руками. – Мы можем быть почти уверены, что они заодно. Родрик использует мальчика как щит.

– Или Родрик увозит его силой! – резко парировала леди Морган, ее глаза сверкали гневом. – Спасает от того, кто проклял короля! От предателя, который сидит в этом замке! Может быть, даже от самого Валериса!

Векслер посмотрел на нее с легким, почти отеческим любопытством.

– Интересная версия, леди Морган. У вас есть доказательства?

– А у вас есть доказательства измены? – парировала она.

– У нас есть приказ лорда-регента, – отрезал Векслер, и его голос снова заскрипел. – Этого достаточно. Закон есть закон.

– Мы должны спасти мальчика! – Бренн снова привстал, забыв про осторожность. – Если он жив, если он где-то там, с этим... с Родриком, который, может быть, насильно его удерживает... Мы обязаны отправить отряд! Немедленно!

– Мы ищем его, комендант, – холодно ответил Векслер, барабанив пальцами. – Лорд-регент тоже хочет понять, что произошло на самом деле. Поэтому в район Гримсвика уже отправлен специальный отряд. Лучшие следопыты. Если принц жив – его доставят во дворец. Целым и невредимым. Для правосудия.

– А если нет? – тихо спросил Эдвин, и в его голосе прозвучал страх. – Если те, кто охотится за ним... урги или наемники... найдут его первыми?

Векслер пожал плечами, и его кости хрустнули.

– Тогда, магистр, вопрос решится сам собой. На престол взойдет законный наследник по крови – лорд-регент Валерис. И королевство получит стабильность, которой так не хватало при... предыдущем, слабом правлении.

Финн не выдержал. Сердце колотилось так сильно, что он боялся, как бы стук не услышали другие. Он дернулся вперед, наклонился к Сибилле и прошептал, почти касаясь губами ее уха:

– Госпожа, это ложь. Они не ищут, чтобы спасти. Они отправят убийц. Нужно действовать, послать дракона, предупредить их...

Сибилла резко подняла руку, не глядя на него. Грач на ее плече каркнул – громко, пронзительно, перекрывая все голоса в зале.

В зале замолчали. Все уставились на нее. Векслер прищурил живой глаз.

– Прошу прощения, – сладко улыбнулась Сибилла, не моргая. – Птица нервничает. Чувствует... напряжение. И фальшь.

Она бросила на Финна короткий, ледяной взгляд – такой, что он мгновенно вжался в стену и заткнулся, чувствуя, как язык прилипает к небу.

Векслер смотрел на нее долго. Очень долго. Потом перевел взгляд на стол.

– Итак, – продолжил он. – Если принца поймают, он предстанет перед судом. Лорд-регент настаивает на законности процедуры. Никакой самодеятельности.

– Судом? – леди Морган подалась вперед, ее голос дрогнул от возмущения. – Каким еще судом? Он ничего не сделал! Он ушел, чтобы сражаться за отца! Ему семнадцать лет!

– Он ушел без приказа, – отрезал Векслер. – Он нарушил волю короля. Он бросил пост. По законам военного времени – это дезертирство. Карается смертью.

– Да какой, к черту, суд?! – взорвался Бренн, ударив ладонью по столу. – Он пацан, который хотел защитить семью! Вы хотите судить ребенка за храбрость?

– Закон не смотрит на возраст, комендант, – ледяным тоном ответил Векслер. – Закон смотрит на факты. А факты таковы: наследник престола сбежал с магом-предателем. Лорд-регент, как законный представитель короны, обязан провести расследование.

– А если принц вернется и скажет, что его похитили? Что Родрик действовал против его воли? – тихо спросила леди Морган, цепляясь за последнюю соломинку.

Векслер улыбнулся. Криво, страшно. Его белый глаз казался совсем мутным в тусклом свете свечей.

– Тогда, леди Морган, у нас будут два мага-предателя вместо одного. Родрик и принц, который, возможно, тоже... заражен тьмой. Ведь странно, правда? Что он выжил там, где погибли лучшие воины? Может, тьма бережет своих?

– Вы не посмеете, – выдохнула Морган, бледнея.

– Посмею, – спокойно ответил Векслер. – Лорд-регент Валерис заботится о безопасности королевства. А принц Элиан... – он сделал паузу, наслаждаясь моментом, – принц Элиан пока только подозреваемый. Если он невиновен – суд это докажет. Если нет... – он развел руками, словно извиняясь. – Такова цена безопасности.

– А если его убьют раньше, чем доставят? – подал голос магистр Эдвин.

Векслер пожал плечами.

– Тогда история запишет, что он погиб героической смертью, сражаясь с демонами. Или трусливо бежал и был наказан. История пишется победителями, магистр. А побеждать будем мы.

Сибилла медленно поднялась. Грач на ее плече расправил крылья, резко и зло каркнул и тень от птицы накрыла половину стола.

– Мастер Векслер, – сказала она непринужденно. – Вы закончили свои страшилки?

Векслер посмотрел на нее, глаз сузился.

– Пока да, магистр. Но помните: любое ваше действие будет под пристальным вниманием.

– Тогда я пойду, – она усмехнулась, и эта улыбка была страшнее любой гримасы Векслера.

– Мне нужно подумать, как спасти ваши северные деревни, пока вы тут считаете, кого можно сжечь, а кого – осудить. Огонь, знаете ли, бывает разным.

Она направилась к выходу. Финн вскочил и поплелся за ней, чувствуя спиной взгляд мертвого глаза Векслера, который, казалось, прожигал ему душу.

У самой двери их нагнал скрипучий голос:

– Магистр Сибилла. Надеюсь, вы понимаете: любое вмешательство в дела лорда-регента будет расценено как государственная измена. Со всеми вытекающими последствиями. Для вас и ваших... пернатых друзей.

Сибилла обернулась в дверном проеме. Свет из коридора озарил ее профиль, делая глаза почти светящимися.

– Мастер Векслер, – сладко улыбнулась она. – Я вообще-то здесь единственная, у кого есть дракон. И он очень не любит, когда угрожают его хозяйке. Если я захочу вмешаться, вы узнаете об этом не по бумагам... а по шуму крыльев и запаху паленой плоти. Советую вам хорошо подумать, прежде чем сжигать деревни.

И она вышла, хлопнув тяжелой дубовой дверью, оставив за спиной гробовую тишину и перекошенное от злости лицо Векслера.

Финн шел за ней по коридору, сердце все еще колотилось.

– Молчи, Финн, – тихо сказала Сибилла, не оборачиваясь. Шаги ее были быстры и решительны. – Мы слышали все, что нужно. Теперь нам нужно действовать. Они отправили отряд в Гримсвик, но они врут про маршрут. Элиан и Родрик уже далеко. Нам нужно опередить убийц.

– Куда мы? – спросил Финн, едва поспевая.

– Пришло время спасти твоих друзей.

Кaleb.

Кaleb сидел на холодной, прогнившей соломе, прижавшись лбом к грубым, ржавым прутьям решетки. Железо холодило кожу, но этот холод был ничем по сравнению с тем, что грызло его изнутри. Сквозь ресницы пробивался тусклый, болезненный свет факела в коридоре, выхватывая из мрака фигуру Лианы в камере напротив.

Она сидела так же, как и он – сломленная, но не побежденная. Опиралась спиной о прутья, уткнувшись лицом в колени согнутых ног. Рыжие волосы, когда-то сиявшие медью, теперь слиплись от грязи и сырости, превратившись в тяжелые, мокрые пряди.

– Прости, – прошептал Кaleb еле слышно.

Лиана медленно подняла голову.

– Прости... – продолжал Кaleb, и каждое слово давалось ему с трудом, словно он выплевывал осколки стекла. – ...что не защитил трон твоего отца. Прости, что не нашел твоего брата. Прости за то... что ты гниешь здесь, в этой вонючей яме, пока те, кто предал нас, пьют вино в тепле.

Слова падали тяжело, как камни в воду, оставляя после себя лишь рябь боли.

– Я подвел всех.

Лиана медленно поднялась. Движения были скованными, но решительными. Она подошла к решетке, обхватила холодное железо руками и прислонилась лицом ближе к прутьям, сокращая расстояние между ними до нескольких дюймов.

– Ты не виноват, – ее голос дрогнул. – Это не твоя вина. Ты сделал все, что мог. Больше, чем кто-либо другой мог бы сделать на твоём месте.

– Нет, – Калёб выпрямился. – Вся ответственность лежала на мне. Пока твой отец умирал от грязной магии, которую принес свой же человек, я должен был распознать это. Я должен был увидеть предателя раньше. Я смотрел им в глаза, ел с ними за одним столом. А они... – Он сжал кулаки, ногти впились в ладони. – Я был слеп. И теперь от этой слепоты страдают все.

– Как трогательно, – раздался мерзкий голос Рауля.

Он стоял у решетки, почти просунув голову между прутьями. Его лицо, искаженное злобой и радостью чужого несчастья, выглядело отвратительно в полумраке.

– Твоя исповедь очень впечатляющая, милорд, – усмехнулся вор, сплюнув густую, темную слюну на каменный пол. – Бывший советник короля рыдает, как девчонка, признаваясь в своей никчемности. Помнишь, что я сказал тебе напоследок, перед тем как ты отправил меня гнить сюда? «Берегись теней, милорд, они длиннее, чем кажутся». Оказалось, враг сидел у тебя под носом, пил твоё вино и смеялся над твоей важностью. А теперь вы все здесь. В одной куче с таким отбросом, как я. Справедливо, не так ли? Мир перевернулся, и вы оказались на дне. Там, где вам и место.

– Заткнись, Рауль, – глухо прорычал Варик. – Твой язык давно сгнил. Держи свой поганый рот на замке.

Калёб ничего не ответил вору. Он лишь сильнее вжался лбом в прутья, оперев взгляд в Лиану. Ему хотелось протянуть руку, коснуться её щеки, стереть грязь и слёзы, но между ними была железная преграда. Холодная, неумолимая реальность.

– Мы все виноваты, – тяжело дыша, опершись о прутья, сказал Варик. – Враг сидел у нас под носом. И пока мы воевали с ургами на границах, пока хоронили солдат, он точил свой кинжал, чтобы воткнуть его нам в спину.

– Урги... – эхом отозвался Калёб, и в его голосе прозвучало новое понимание. – Мы думали, они обычные твари, ищут лёгкую добычу. А они...

– А они отвлекали, – закончил Олрик. Лучник сидел в углу камеры, перебирая пальцами солому, смотря в стену. – Они были приманкой.

– А вы просрали целое королевство, – парировал Рауль, наслаждаясь моментом. – Так что сидите и не рыпайтесь, лорд-советник. Я буду наслаждаться каждым вашим днем в этой дыре. Каждый ваш вздох будет для меня музыкой.

– Наслаждайся, – буркнул Варик. – Недолго тебе осталось.

Рауль открыл рот, чтобы ответить новой язвительностью, но вдруг замер.

Все замерли.

Земля дрогнула.

Сначала это было легкое, почти неуловимое гудение, вибрация, прошедшая сквозь подошвы сапог и кости. Потом потолок закашлял пылью. Мелкие камешки посыпались вниз, падая на солому. Рауль испуганно прижался к стене, его глаза расширились.

– Что это? – прошипел он. – Землетрясение?

Ответом стал грохот.

Стена взорвалась наружу.

Эта часть темницы находилась в самом основании замка, там, где внешняя кладка служила опорой над глубоким рвом, уходившим в отвесный обрыв. Огромная масса камня, не выдержав чудовищного давления, выломилась и рухнула вниз, в черную бездну за пределами крепости.

Открылся гигантский, зияющий пролом прямо в ночное небо.

В камеры ворвался прохладный вечерний воздух, пахнувший свободой и чем-то древним, звериным. Кaleb инстинктивно отшатнулся от обрушившейся кладки, прижимаясь спиной к дальней стене. Его взгляд метнулся к камере напротив.

– Лиана, прижмись к стене! Быстро!

Девушка, услышав крик, нырнула в самый дальний угол своей клетки, закрывая голову руками. Пыль заполнила оба помещения, создавая плотную, удушливую завесу.

И тут в проеме появилась *она*.

Сначала Кaleb увидел лапу. Огромную, чешуйчатую, черную, как сама ночь, с когтями размером с человеческий рост. Она надавила на край пролома, и камни посыпались градом, еще больше обнажая темное небо снаружи.

– Боги... – выдохнул Варик, и в его голосе звучал первобытный ужас.

Кaleb замер, глядя на эту чудовищную конечность, нависшую прямо над камерой Лианы. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку.

– Кракс... – выдохнул он, не веря своим глазам.

Вслед за лапой в проеме показалась огромная голова дракона. Золотистые глаза с вертикальными зрачками внимательно, почти разумно, смотрели внутрь. Из ноздрей вырвались клубы горячего пара, освещенные лунным светом. Дракон зарычал низким, вибрирующим звуком, от которого завибрировали зубы.

А потом из-за головы показалась фигура.

Сибилла.

Она стояла на шее дракона, держась за один из острых шипов, и смотрела на них сверху вниз. Ее темные волосы развевались на ветру, плащ хлопал, как знамя победы.

– Долго вы тут собираетесь сидеть? – крикнула она, перекрывая шум ветра и рокот камней. – У нас не так много времени. Стража уже бежит.

По огромной лапе дракона, цепляясь за выступы чешуи, быстро спустилась фигурка человека. Это был Финн. В руке он сжимал связку ключей, поблескивающих в лунном свете. Он спрыгнул сначала в камеру Лианы, помогая ей подняться из угла, затем, перепрыгнув через заваленный обломками проход, рванул к камере Калеба.

– Быстро! – крикнул Финн, вставляя ключ в замок. Руки его дрожали от адреналина, но ключ точно вошел в скважину. Щелчок – четкий звук освобождения – и дверь распахнулась.

– Быстрее, мальчик! – крикнул Варик из своей камеры.

Кaleb выскочил первым. Он сразу же рванул к открытой двери камеры Лианы, протягивая руки, чтобы помочь ей выбраться через заваленный порог. Камни скользили под ногами, пыль резала глаза.

– Ты цела? – быстро спросил он, осматривая ее, пока помогал перешагнуть через груды обломков. Его руки сжимали ее плечи слишком сильно.

– Да, да, спасибо, – выдохнула Лиана, цепляясь за его руку, как за единственную опору в этом рушащемся мире. – Это что, дракон? – спросила она, глядя на огромную голову, и в ее голосе смешались страх и благоговейный ужас.

– Он самый, – улыбнулся Кaleb. – Никогда не видела?

– До сегодняшнего дня только слышала о нем, – ответила девушка, не отрывая взгляда от золотистых глаз чудовища, и не переставая сжимать руку Калеба.

– Идем! Быстрее! – кричал Финн, уже освободив Варику и подталкивая Олрика и Торвальда в спину.

– А меня? – послышался хриплый, полный животного страха голос Рауля.

Кaleb остановился. Посмотрел на вора через решетку его камеры. Рауль вцепился в прутья побелевшими пальцами, его лицо исказила гримаса мольбы.

– Пусть остается, – мрачно сказал Кaleb. – Ему тут место. Предателям и ворам – одно общество.

Рауль затряс решетку.

– Не оставляйте меня здесь! – закричал он, и голос его сорвался на визг. – Я знаю! Я знаю то, что вам нужно! То, что спасет вас всех!

– Что ты знаешь? – резко спросил Калев, сделал шаг назад. Время уходило. Сверху, со стороны коридоров, уже доносились крики стражи и лязг оружия.

– Харлан! – выкрикнул Рауль, тряся решетку так, что она жалобно заскрипела. – Я слышал, как стражники говорили! Когда пьяные болтали у ворот!

– Что ты слышал? – Калев шагнул ближе.

– Они говорили про Харлана! – Рауль заговорил быстрее, захлебываясь словами, боясь, что его бросят. – Про то, как он встречался с каким-то человеком за воротами. Ночью. Стражники на стене видели. Человек тот был в длинном плаще, капюшон низко, лица не разглядеть. Но они говорили... они говорили, что Харлан получил от него книги.

– И что? – теряя терпение, спросил Калев.

– А то, что это может быть зацепка! – взвизгнул Рауль. – Я знаю, где у Харлана тайник! Куда он прячет свои секреты, свой компромат на всех лордов! Выпустите меня, и я выведу вас к нему прямо сейчас! Это ваш единственный шанс доказать, кто настоящий предатель! Без меня вы будете блуждать в темноте!

Калев замер. Если Харлан мог быть предателем, то тайник с секретами открыл бы путь к истине. Подозрения были, но доказательств – никаких. А если Рауль действительно знает...

Сибилла, которая собиралась уже спускаться, замерла на полпути на шее дракона. Она посмотрела на Калеба. В ее глазах мелькнул расчет.

Калев медленно кивнул, глядя на Сибиллу. Та, после секундного колебания, кивнула в ответ.

– Открывай, – бросил он Финну.

Финн метнулся к камере Рауля. Щелчок. Дверь распахнулась. Вор выскочил, оглядываясь с выражением загнанного зверя.

– На лапу! Все! – скомандовала Сибилла.

Началась суматоха. Они полезли вверх по чешуйчатой горе. Калев помог Лиане забраться первой, подсаживая ее на широкий хребет. Затем Варик, стиснув зубы от боли, с помощью Олрика взобрался следом. Торвальд карабкался, дрожа всем телом. Рауль лез последним, постоянно оглядываясь на вход в темницу, откуда уже доносились шаги тяжелой брони и крики: «Держать их! Стрелять!».

Когда последний из них устроился на широкой, теплой спине дракона, плотно прижавшись друг к другу, Кракс издал рев.

Это был удар звуковой волны, от которого задрожали камни замка. Стражники, выбежавшие во двор, увидели огромного черного дракона, нависающего над разрушенной стеной, и замерли в ужасе.

– Стрелять! – закричал капитан стражи, придя в себя. – В брюхо! В глаза!

Стрелы полетели вверх,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.